

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Максим Долгов
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Кристина Кармалита
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Ю. С. Лаврова
Верстка: О. Н. Вялкова

8/2019

Содержание

ПРОЗА

- Екатерина БАРБАНИЯГА. Проводы в вечность.** Повесть. 3
Владислава ВАСИЛЬЕВА. Пенсия для царицы. Рассказ. 48
Мария СТАРОДУБЦЕВА. Гадалка. Рассказ. 67

Клуб «Амальтея»

- Ярослав КУДЛАЧ. Проблема контакта.** Рассказы. 86

ПОЭЗИЯ

- Анжела ПЫНЗАНУ. Уроки саамского.** Стихи. 43
Серафима САПРЫКИНА. «Родом из усть-потёмок...» Стихи. 64
Владимир КОСОГОВ. «Был декабрь ангинный...» Стихи. 83
Сайлыкмаа КОМБУ. Тише тени. Стихи. 109

ДРАМАТУРГИЯ

- Валентин КРАСНОГОРОВ. Режиссер массовых зрелищ.**
Трагикомедия в двух действиях без перерыва. 112

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Лариса ПОДИСТОВА. Рецепты волшебства.**
*К 75-летию Государственного академического
Сибирского русского народного хора. Очерк второй.* 144

Гражданская война в Сибири

- «Задержаны и сданы чинам сысского отделения...»**
Новониколаевск в 1919 году. Документы. 152

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Константин ВАСИЛЬЕВ. Кресло особого устройства
и тайный люк в полу — по народным слухам и по свидетельству
просвещенной публики. Окончание.** 159
Максим АЛПАТОВ. Воспитание героя.
О романе Алексея Иванова «Пищеблок». 182

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Марина ЧЕРТОВА. Николай Шемаров. Верность традиции.** 185

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Екатерина БАРБАНИЯГА

ПРОВОДЫ В ВЕЧНОСТЬ

Повесть*

«Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» Для меня определения Пушкина в отношении искусства и литературы — это законы, которые не обсуждаются. В данном случае это закон о том, что поэзия и проза — субстанции неслиянные. Или проза — или поэзия. «А смешивать два эти ремесла есть тьма искусников, я не из их числа». Это уже Грибоедов.

Каждый раз, набирая очередной курс прозаиков в Литературном институте им. А. М. Горького, я говорю студентам: «Ребята, можете со мной не соглашаться, но, если вы будете смешивать поэзию и прозу, я буду вас жестоко критиковать. Это разные системы. У каждой свои законы. И они не совпадают».

При этом я всегда твержу: «Главное в прозе — интонация. Найдите свою интонацию — найдете и стиль». Объяснить, что такое интонация, трудно, почти невозможно. Но можно показать на примерах. Если бы, скажем, у Юрия Казакова не было его волшебной интонации, он остался бы средним писателем, который писал о Севере, об охоте, о любви, о том о сем. Благодаря же интонации он стал гением.

Повесть петербургской писательницы Екатерины Барбанияги на самом деле еще полна недостатков. Порой она слишком сентиментальна. Тема связи людей через одно поколение (не отцы и дети, а деды и внуки) не нова. Когда Екатерина достигнет зрелого мастерства (а она его, я думаю, достигнет), она поймет, что содержание этой вещи больше годится для рассказа, а не для повести. Но! У нее есть главное. Она слышит интонацию.

Она играет на оттенках той музыки, которая необходима прозе, помимо смысла, помимо содержания, помимо сюжета. Эта интонация складывается из нравственной чистоты взгляда автора на происходящее. В ее интонации отсутствует злость, сарказм, вообще отсутствует какой-либо критический взгляд на жизнь, потому что все, что случается в повести, происходит как прелюдия смерти и похорон. Отсюда — торжественно-приподнятая интонация, с которой автор описывает все, даже не имеющие к этим событиям прямого отношения.

И это очень важно. Автор слышит музыку с того света. Слышит на протяжении всего повествования. И это уже талант, который просто нужно развивать дальше.

Павел Басинский

* Журнальный вариант.

Пролог

Белые черточки на асфальте. Причудливые человечки. Маленькая девочка в красном клетчатом платье. В ладони белеет то ли кусочек мела, то ли осколок мраморной плиты. Девочка чертит — палочка за палочкой — ровненький рядок.

Нэя стояла у самого гроба, и все ослепляло ее: солнце, отражающееся от его белой поверхности; ярко-красные губы покойной; улыбка девочки, рисуемой на асфальте; блестящие трубы оркестра и бесчисленный мрамор.

Хоронили бабушку. По крови Нэя ей никем не доводилась, поэтому она часто отходила от гроба и незаметно бродила между столпившимися родственниками. Переходила с одного места на другое: ближе к гробу, дальше от него, к еще не возложенным венкам, к яме. Нэя вдыхала, спокойно и сосредоточенно, соленый запах чужой скорби и пряный — лилий в своих руках. Кто-то из родственников подозвал девушку.

— Нэя была с бабушкой до самого конца... Мы не успели доехать. Нэя! Мы тебе очень благодарны!

Вздохнули, потянули паузу, глядя на девушку, затем на покойную. Покивали, и кто-то тихонечко продолжил:

— Лия Николаевна всегда так заботилась обо всех, так переживала за каждого...

Дочери Лии Николаевны стояли у изголовья, растерянно поправляя то кофточку, то венок на голове покойной. Белая в черный горох блуза даже сейчас сидела на ней элегантно.

«Какой все-таки безупречный вкус! Сама детям завещала, в чем ее хоронить...» — с восхищением подумала Нэя. Все было идеально в бабушке: женственно и просто.

Нэя проскользнула в дальний ряд и снова начала петлять между венками и мостиком, перекинутым через канаву к дороге. Кладбище, на котором хоронили Лию Николаевну, выглядело одновременно старинным и современным. Так получилось, что последние захоронения от новых отделяло шестьдесят лет. Большинство могил терялось в зарослях травы и мелких цветов. Новые захоронения угадывались легко: свежие холмики или блестящие мраморные памятники. Белые ангелочки на детских могилах и нежные живые цветы. Кто-то оставлял возле свечей и крестов фрукты — видимо, что-то особенное, любимое усопшим. Умиротворение, царившее на кладбище, не нарушал внешний шум: ни хода поездов с близкой железной дороги, ни машин с автотрассы не было слышно. Все это удивляло Нэю: слишком мирно и красочно было вокруг.

В день бабушкиных похорон солнце светило непривычно ярко, а воздух все еще ощущался по-весеннему плотным, с памятью недавних заморозков и снега. Убранство гроба казалось чересчур белоснежным, и потому Нэе было так странно осознавать себя частью похоронной церемонии. Она никогда не венчала смерть с черным цветом, но и этот белый совершенно не вязался с происходящим.

«Не хороним — замуж выдаем!» — промелькнуло в голове, и Нэя немного устыдилась этого сравнения, а главное, какой-то необъяснимой

радости, прорывавшейся наружу улыбкой. Никто из присутствующих не улыбался — только двухлетняя девочка, рисующая человечков на асфальте, и Нэя. Улыбку надо было прятать — глубоко — за высоким черным воротником и целлофаном, обрамляющим лилии. Взрослым не подobaет улыбаться на кладбище.

Похороны не были долгими, но какая-то замедленность — в движениях, перемещениях, словах — растягивала время. Каждая деталь происходящего выступала рельефно, подчеркивая его значимость. Нэе вспомнился последний бабушкин взгляд — такой же медленный, с усилием на каждую долю движения, с уже закотившимися зрачками, белый. Девушку передернуло. К этому невозможно привыкнуть.

У постели умирающей Нэя оказалась случайно. По крайней мере, так это выглядело со стороны. Она не была сиделкой. Настоящая сиделка приходила к бабушке несколько раз в день — проверить катетеры, перевернуть, переодеть. Это была женщина средних лет, с южным акцентом, обладающая при худом телосложении довольно большой силой: она запросто управлялась с бабушкиным телом, уже полностью лишенным самостоятельности. Нэя восхищалась ей. Гаю в свою очередь, как и других, удивляла жертвенность и стойкость Нэйи. Вот так ухаживать за смертельно больным человеком, заботиться, развлекать — и родные-то не всегда готовы. Нэя ничего не объясняла в ответ, она просто знала, что Лия Николаевна не была ей чужой.

Нэя познакомилась с бабушкой два года назад, когда въехала в новую съемную квартиру.

— Добрый день! Лия Николаевна, — представилась бабушка. — Вы здесь снимаете?

В ее голосе звучала такая безупречная деликатность, что уйти от ответа, спрятаться за дверью или сослаться на дела казалось совершенно невозможным, просто высшей формой невежества.

— Добрый день! Нэя. — Девушка машинально протянула руку, и бабушка, немного замешкавшись, пожала ее. — Да, я теперь здесь живу. Временно.

— Интересное у вас имя. Вы иностранка?

Нэя внимательно осмотрела соседку. Бабушка стояла между двумя железными дверьми, открытыми настежь, подтянутая, с безупречным легким макияжем, в однотонном домашнем костюме. Нэя даже почувствовала ненавязчивый запах ее духов. Все в Лии Николаевне было складно, изящно, и речь выдавала в ней интеллигентную женщину, не утратившую живости ума и пронизательности.

— Нет, что вы! Я совершенно русская, — не по-русски ответила Нэя. — На самом деле у меня другое имя. Но вы все равно зовите меня Нэйей. Все так зовут.

И она улыбнулась. Широко и искренне, приглашая бабушку к теплым соседским отношениям. Знала ли она, что эти отношения будут не просто теплыми и соседскими, что бабушка войдет в ее жизнь необъяснимо близким человеком и последние глаза, которые увидит в этом мире, будут глаза Нэйи? Нет, не знала. Она просто улыбнулась, потому что ей захотелось этого.

Бабушку хоронили с оркестром! Она бы оценила этот жест — последний подарок от дочерей. Это было так естественно, гармонично. Оркестр стоял в небольшом отдалении. Музыканты играли мягко, ненавязчиво, создавая тонкой мелодией совсем не траурный, но лирически-печальный фон к происходящему.

Крышку гроба поднесли, опустили и закрыли наглухо, аккуратно вкрутив длинные медные винты. Рабочие делали все быстро и почти беззвучно. Когда Нэя осознала себя, она уже стояла над глубокой ямой. В руке она сжимала горсть горчичного песка — мелкого и оттого мягкого. Раскрыв ладонь, Нэя увидела, как в воздухе разлетаются песчинки и приземляются большим пятном на белоснежную деревянную крышку. Внизу, куда летел песок, ярко блестели, отражая в последний раз солнечный свет, позолоченные ручки бабушкиного гроба.

«До свидания, бабушка! Спасибо тебе за все!»

Нэя отошла от ямы. Через пару минут зазвучал метрономный стук лопат, органично вливаясь в мелодию траурного марша. Девочка капризничала; шуршали обертки конфет; сминаясь под пальцами, трещали одно-разовые прозрачные стаканчики. Внуки Лии Николаевны разносили хлеб, сыр и мясную нарезку. Обсуждали, спорили о чем-то своем.

Стучали лопаты, сыпался песок, и где-то высоко — для бабушки, ей вослед — звучала музыка...

Глава 1

С рождения у Нэи было самое обычное имя — Нина. Она родилась в Ленинграде в последний год Советского Союза. Росла в спальном районе среди однотипных пятиэтажных домов, разделенных узкими улочками, дорожками и тротуарами. В тени увесистых кленов, дубов и редких каштанов. Нина в душе была больше мальчишкой: не боялась, взбираясь на высокие деревья во дворе; бегала по крышам железных гаражей, перепрыгивая через широкие проемы между ними. Девочки сторонились ее, а мальчики уважали.

Нина росла необычным ребенком. Сложно вообще сказать о ком-то, что он растет обычным ребенком. Кто такие эти «обычные дети», в какой Обычляндии они живут? Вот и девочка Нина не была чем-то совершенно особенным среди обычного — она была единицей в бесчисленном многообразии других. Ей предстояло восемь лет чудесного детства. Восемь лет детства — это не так уж и мало, можно даже сказать, что это целая отдельная жизнь.

Родители Нины были людьми творческими. Когда они сошлись, отец был уже известным художником, со своим особым видением мира и манерой письма, а мать — молодым искусствоведом, влюбленным в гения. Скоро у них родилась дочь, а через два года и сын. Брат с сестрой совершенно не походили друг на друга — ни внешне, ни внутренне. В раннем детстве совместные игры их не привлекали, а после ухода отца из семьи оба окончательно отстранились друг от друга и существовали параллельными вселенными, каждый в своем закутке, огороженном тремя книжными шкафами. Поэтому оба чувствовали себя одиночками.

Красивой девочкой Нина не была, но русые волосы, белая кожа, к лету всегда озолоченная веснушками, сочетались в ней с одухотворенностью серых глаз. Отец часто писал их с братом, пока те были младенцами. Они, конечно, никогда не могли усидеть на месте, и отцу приходилось дописывать портреты по памяти. Уже в тех порой неоконченных, черновых портретах, эскизах пленяла серьезность и озадаченность взгляда маленькой растрепанной девочки, схваченной всегда где-то на бегу, посередине игры или задуманной шалости.

Нина довольно долго ощущала себя гадким утенком. Ей казалось, что никто не может ее любить по-настоящему. Мальчики не влюбляются в девочек, с которыми воруют груши и крыжовник с соседского огорода. Растить Нину становилось тяжело: к шести годам она уже начала убегать из дома и до позднего вечера терялась во дворах или в гостях у новых знакомых.

Единственным человеком, который мог управиться с Ниной, была бабушка Ольга Васильевна. Прирожденный воспитатель, она тонко чувствовала потребности и переживания девочки и всегда могла найти к ней подход. Ольга Васильевна умела воспитывать без единого намека на насилие. В то время как родители Нины уже потеряли всякую надежду договориться с дочерью.

Внутренний мир девочки был устроен сложно. Зигзаги, ответвления изначально добрых порывов надо было распрямить и направить в нужное, созидательное русло. Бабушка в таких тонких материях была профессионалом. Она умела любить настолько глубоко, преданно и ненавязчиво, что не затихнуть, не смириться перед этой любовью было просто невозможно.

Любовь к человеку, к миру, к своим родным — Нина всегда ее чувствовала. Она улавливала ее вибрации задолго до того момента, как бабушка появлялась в квартире. Тяжелое, свистящее дыхание бабушки, много лет болеющей астмой, ее медленные негромкие шаги на лестнице безошибочно угадывались девочкой. Нина, зная о ее приезде, могла долгое время простоять у дверей, вслушиваясь в каждый шорох, а потом радостно неслась вниз по лестнице навстречу знакомому эху шагов и первому хриплому — внутрь гортани — вдоху и выдоху.

Завидев внучку, Ольга Васильевна широко расставляла руки, всегда нагруженные гостинцами, и принимала Нину в свои объятия. Девочке в них было хорошо — тепло и спокойно, и бабушкина речь, часто прерывающаяся одышкой, сливалась с ее дыханием в одну блаженную мелодию, которую внучка помнила всю жизнь.

Детство Нины не было беззаботным или абсолютно счастливым, но все-таки оставило в ней светлые, легкие воспоминания. Оно закончилось внезапно — с первой промелькнувшей и вдруг коснувшейся сердца чужой смертью. Тогда она и стала Нэей.

В один осенний день на пляже погиб мужчина. Каждая деталь того трагического дня помнилась ей подробно: сколько человек окружали труп, где они стояли, какого цвета были их купальники, а у врачей — форма. Нэя точно знала, что песок на пляже был холодный, и ветер дул резкий, и камни, скалящиеся из-под воды, были острые. Смерть не приходит на теплые пляжи, не забирает душу под веселый аккомпанемент прибоя. Однако

факты говорили об обратном. Хорошо, что она не могла их осознать. Тогда — в силу возраста, а сейчас — из-за врожденного упрямства.

Нина стояла на краю пирса, наблюдая за ручейками воды, стекающими после каждой волны по бетону обратно в море. Они оставляли блестящие следы, как от слизняков. Неожиданно она почувствовала что-то тревожное, оторвала взгляд от воды и посмотрела в сторону пляжа. Двое спасателей несли по воде мертвого мужчину. Яркая форма спасателей, их резкие движения, рухнувшее на песок тяжелое обездвиженное тело — все это не оставляло сомнений: случилось непоправимое.

Через пять минут на песок въехала машина реанимации, из нее вынесли носилки. Откачать мужчину не смогли. Его засунули в черный мешок и положили на носилки. Но не вид мертвого тела и не действия врачей тревожили Нину, заставляя ее страдать.

Рядом с мужчиной, на песке, поджав под себя ноги и опустив голову на ладони, сидела молодая женщина. Около нее в песочной ямке возился карапуз. Он подползал к женщине, пытаясь залезть к ней на колени, цеплялся за склоненную голову и согнутые руки, падал, плакал и снова лез на руки. Женщина вся дрожала от истерического надрыва, от первого потока слез после шоковой пустоты. Она еще не могла взять ребенка: она его не замечала. Потом взяла, прижала к себе и завывала.

Нэя (с первых минут осознания происходящего она уже не была девочкой Ниной) стояла неподвижно на пирсе, замерзая от нервного холода, и смотрела на неуклюжего малыша. Когда пришла в себя, она только и смогла, что проговорить — шепотом, сама себе: «Нет, это уже не я... это не я». Откуда-то из глубины, из взгляда внутрь себя и одновременно на небо родилось это имя — Нэя. В каком-то смысле оно стало для девочки крепостью, в которой она поселилась на долгие годы, наблюдая через узкие бойницы за жизнью вокруг. В то же время новое имя навсегда связало Нину с чужим страданием, которое порой застигало ее врасплох: она чувствовала его на расстоянии. Но это будущее она выбрала себе сама — вместе с именем Нэя.

Смерть всегда существует где-то рядом: придумай ей облик, назови каким угодно именем, убеждай себя в эфемерности ее природы — ты никак не приблизишься к разгадке и не поймешь ее. Не считаясь ни с кем, она забирает в неизвестность, касаясь, задевая тех, кто рядом, оставляя после этого прикосновения холодящую опустошенность. Наскребаешь в памяти воспоминания со всех уголков — и тем живешь. Лишь бы согреть, наполнить себя, вернуть цельность.

Нэя хранила память о неизвестном мужчине — мозаичными кусочками впечатлений. Только ей он все-таки был чужим. А жене и сыну? Как они теперь живут без него, что они помнят? Нэя ловила себя на этих мыслях и понимала, что раньше этого в ней не было. Восьмилетняя девочка вглядывалась в лица, в жесты, читая горе и переживая его будто свое. Ей все хотелось помочь, что-нибудь сделать для других... Но что она могла? Только улыбаться. Выходило как-то глупо, хоть и искренне.

Гадкий утенок, несмотря на несимпатичную наружность, был наделен добрым сердцем и красотой иного рода — раскрывающейся со временем. Через двадцать лет Нэя превратилась в привлекательную девушку. Она

серьезно увлеклась бегом, иностранными языками и, хотя не решила еще, что ей ближе — литература или живопись, имела явный талант к тому и другому. По всем законам общественных приличий Нэе уже давно пора было выйти замуж, да как-то не складывалось: требования ее были высоки и достойных кандидатур не находилось.

У нее было что-то вроде ежедневного ритуала, похожего даже на игру. Она выходила на улицу, направляясь по своим делам или на работу, и осторожно вглядывалась в окружающих: во встречающих или стоящих на остановке, блуждающих у прилавка с выпечкой, но не решающихся что-нибудь купить. Нэя была уверена, что смысл жизни прост: быть здесь и сейчас, ощущать себя маленьким звеном в цепочке людского потока, частью мирового многовекового полотна. Просто быть, соединять минуту с минутой своим существованием.

«Кто-то, — считала Нэя, — всегда ждет тебя, потому что ты только эстафетная палочка Бога, движешься от одного к другому, от одной руки к следующей, чтобы Его удивительный, таинственный замысел исполнился целиком».

Для Нэи существование Бога было несомненным. Она была религиозна, однако общинной жизнью тяготилась. Церковные обряды нравились ей: песнопения, свечи, запах ладана... Но она чувствовала себя чужой среди вдохновенных лиц, причастных к таинствам, не то чтобы недостойной этой жизни, а вроде детальки, которая никак не вписывается в общую конструкцию.

Нэя часто смотрела на небо: оно никогда не было одинаковым. Днем и вечером оно менялось, еле уловимо, медленно, ветром перетасовывало облака, нагоняло тучи, внезапно прорывалось дождем. Нэя не раз задумывалась о том, что если бы она в конце концов решила стать художником, то всю жизнь писала бы только небо. И никогда это не было бы настоящим небом, но всегда — воспоминанием о нем.

Вот такую девушку встретила у соседской двери Лия Николаевна, когда любопытство, удовлетворять которое она считала одним из важнейших принципов своей жизни, привело ее в общий коридор. Девушка приглянулась ей: было в ней что-то нетипичное, притягивающее. Каким-то странным предощущением в сердце Лии Николаевны промелькнула тень необъяснимого духовного родства с Нэей. Тогда это лишь удивило ее, и она решила не делать никаких выводов, предоставив жизни самой подтвердить или опровергнуть ее предчувствия.

Глава 2

Первая весна в новой квартире ознаменовалась для Нэи серьезной любовной драмой. Последний роман закончился довольно глупо, не успев толком начаться. Внутри все ныло в попытке найти хоть какую-то опору для радости. Нэя судорожно прокручивала в голове произошедшее, с мазохистским удовольствием добывая саму себя жестокими фактами.

А факты были таковы: мужчина, который впервые за много лет серьезно увлек ее, оказался женат. И не просто женат, а до сих пор — спустя пятнадцать лет брака! — безумно влюблен в свою жену. Как же так получилось, что она этого не заметила? Да, он оправдывался потом, что

у них проблемы, что у жены любовник... «Обычная история», — горько комментировала Нэя. А чуть появилась возможность вернуть жену — он тут же побежал домой, на их общую жилплощадь.

Нэя была не просто расстроена — она была на грани внутренней катастрофы. По природе чувствительная, она никогда не могла сдержать слез, за что ее часто дразнили в школе, но сейчас не получалось выплакать боль, и та терзала ее. Все в ней кипело от бессилия и обиды. Если бы она могла хотя бы поделиться с кем-то своей бедой... Отца расстраивать не хотелось, а в последнем разговоре с матерью Нэя уверила ее, что все хорошо, что в этот раз она в избраннике не ошиблась. Признаться маме сейчас, что так глупо дала себя провести, было бы настоящим позором.

На следующий вечер после окончательного разрыва Нэя услышала стук в дверь. Девушка с легкостью послала бы любого, кто оказался за дверью, но, к сожалению, она точно знала, кто это. Наглубить пожилой соседке она бы не смогла. Она сделала глубокий вдох, задержала дыхание, отсчитала десять секунд и на выдохе открыла дверь.

— Добрый вечер, Нэя. Услышала, что вы пришли, а у меня как раз шарлотка стынет. Не знаю, удалась ли. Может, попробуете?

Даже в самые тяжелые минуты жизнь не могла выбить из Нэи усвоенные с детства правила приличия — она умеренно тепло поздоровалась с соседкой, поблагодарила ее и пригласила войти. Лия Николаевна много раз бывала в этой квартире раньше. До Нэи здесь жила мать нынешней хозяйки квартиры, а потом ее племянник. В целом с тех пор мало что изменилось, разве по мелочи: в кухне появился широкий угловой стол, несколько вышитых картин с пейзажами, клетка с искусственной птичкой и яркие глиняные часы, украшенные детским рисунком.

В комнате и других помещениях Лия Николаевна не заметила никаких изменений. Чувствовалось, что для девушки они имеют только практическое значение. Даже воздух здесь был сухим и пыльным, каким-то безнадежно пустым, тогда как в кухне было свежо и пахло чем-то пряным, похожим на смесь корицы с мускатом. Обыкновенно при общении с людьми бабушка сохраняла тончайшую деликатность, не проникая слишком в личное пространство другого человека. Но иногда с лучшими намерениями могла сказать и нечто нелицеприятное.

Осматривая вместе с Нэей квартиру, она между делом заметила:

— Нэечка, вы бы почаще проветривали, а то воздух какой-то нехороший.

Нэя внутренне вспыхнула, однако силы ее были настолько истощены, что она решила проигнорировать замечание. И посмотреть, что будет дальше.

На кухне девушка предложила Лии Николаевне чаю. Движения ее были на удивление спокойными. Она погрузилась в привычный мир забот, которые позволяли не думать ни о чем, кроме первостепенного. Поставила чайник на плиту, достала из шкафчика над раковиной две чашки, блюдца и чайные ложки. Взгляд ее все это время был прикован к тем предметам, которых касались руки. Ее тонкие пальцы с выступающими косточками напоминали руки пианистки: они перебирали края тарелок и гладили выпуклую поверхность чашек так, словно играли какую-то тихую минорную мелодию.

Сначала Лия Николаевна наблюдала только за руками Нэи, но потом, охватив фигуру целиком, общую манеру движений, она удивилась, как сразу не заметила главного. Девушкой владело какое-то внутреннее переживание, которое она прятала в себе, стараясь скрыть за преувеличенным внешним спокойствием, за этой бархатной портьерой театра эмоций.

Лия Николаевна решила выбрать выжидательную тактику и начала нейтрально:

— Нэя, расскажите о себе. Вы приехали из другого города?

Не сразу Нэя смогла выйти из транса, в котором находилась. Вопрос спустился к ней откуда-то издалека, как маленький, потерявший ориентацию парашютист. Но вопрос был задан. И нужно отвечать.

— Нет, я родилась здесь. Просто наступил момент, когда надо было что-то менять, и я решила пожить одна. С тех пор кочую по съемным квартирам, хотя мне так даже нравится.

— А родители ваши — они здесь живут?

— Мама с братом здесь. Недалеко отсюда. Папа же давно переехал в Москву, у него там новая семья.

Нэя стояла возле плиты, прислонившись к серой столешнице. Она держала двумя ладонями белую фарфоровую тарелку, куда собиралась переложить бабушкину шарлотку. Внутренняя боль распространялась по телу и переплавлялась в злость. Она чувствовала, как растет раздражение и досада, спускаясь по нервным окончаниям к рукам. Заставляя сжимать блюдо с каждым вопросом все сильнее.

«Как же хочется, боже мой, как хочется, чтобы они все оставили меня в покое! К чему этот допрос? Зачем она пришла? И этот надменный тон! Этот пристальный, оценивающий взгляд!»

— Вы учитесь где-нибудь или уже окончили?

— Окончила, я искусствовед.

— Работаете?

Фарфоровое блюдо осколками полетело к бабушкиным ногам. Нэя испугалась, когда поняла, как близко они оказались к Лии Николаевне. Она отпрянула назад, и правая рука легла на край плиты рядом с раскаленной конфоркой.

— Ай-й-й! — Вот сейчас девушке бы наконец расплакаться, но она обратила всю свою досаду на единственного зрителя: — Ну вот чего вы пришли?! Что вы всё спрашиваете? Осуждаете меня? Ни мужа, ни профессии нормальной! Отец из семьи ушел! Живу одна. А мне нравится! И воздух мой нехороший нравится! Какое вам дело?!

Девушка сидела на корточках возле плиты и прижимала к себе обожженную руку. Она смотрела на осколки, на бабушкины ноги в синих шерстяных тапочках. Она не поднимала глаз, потому что знала, что не права, а признавать это еще не была готова.

— Нэя, где у вас тут веник? — спокойно ответила соседка.

Визит Лии Николаевны вскрыл то, что болело в Нэе. Только проравшись наружу злость начала отступать. Девушка указала на дверь подсобки, где хранился веник и совок. Она сама ощутила, что на душе стало легче, но ожог напомнил о себе и надо было что-то предпринять. Лия Николаевна принесла мазь, обработала ей руку, перевязала бинтом. Сосредоточенно и быстро.

— Ладно, моя дорогая. А теперь рассказывайте, что у вас произошло. Это был сложный разговор. Они тщательно изучали друг друга: движения, мимику, интонацию, речь. Два равных психолога, они видели друг в друге больше того, что было на поверхности. Это было так странно для Нэи — вдруг найти равного в человеке, с которым ее разделяли целые поколения. И было легко. Так легко, как ни с кем из сверстников!

Соседка потом часто заходила к Нэе. Приносила какую-то еду в баночках или контейнерах, которые непременно нужно было возвращать. Рассказывала о маленьких правнуках. Внучки приезжали с детьми каждые выходные. Бабушкина жизнь была наполнена смыслом. Шла по точно нарисованному графику. Лия Николаевна была хорошим инженером, она выстроила свою жизнь так, что, казалось, никаких сбоев в ней быть не может.

Но календарная весна кончилась, а вместе с ней и покой в соседской квартире.

Глава 3

Три дня от Лии Николаевны не было вестей. Нэя работала по вечерам: один за другим шли фестивали и выставки, так что домой удавалось добраться только к ночи. Днем, до ухода из дома, она иногда слышала в общем коридоре голоса внуков соседки, даже несколько раз порывалась выглянуть и поинтересоваться здоровьем бабушки, но никогда не успевала. Только отважится, откроет дверь, а в тамбуре уже пусто.

На четвертый день Нэю разбудила суета за стенкой. Она быстро встала, собралась и вышла в коридор.

Двери соседской квартиры были открыты настежь. В проеме стоял молодой мужчина в синей форме врача скорой помощи, он нервно застегивал черный портфель и командовал:

— Документы, сменную обувь, халат, рубашку, зарядное устройство для телефона — в первую очередь. Кто с ней поедет? Вы, мужчина? — обрattился он к зятю Лии Николаевны, который находился возле.

— Нет, поедет дочь. — Зять обернулся и позвал: — Жень! Ты едешь с мамой?

Нэя растерянно смотрела в глубину чужой квартиры, где из дальней комнаты под руки Лию Николаевну вели Женины сыновья. Бабушка, несмотря на слабость, властно раздавала указания. Между фразами она делала паузу, набирала снова воздуха, собиралась с силами и продолжала.

— Там суп в холодильнике, Коля. Надо доесть. На комодке два письма. — Лия Николаевна прикрыла глаза и тяжело вздохнула. — Отправьте. Это фотографии с юбилея. Только марки надо купить.

В чужой суете, окрашенной тревогой и болезнью, Нэе сейчас не было места. Она решила вернуться к себе и подождать.

«Лию Николаевну везут в больницу. В ее возрасте со здоровьем всегда что-то не ладится. Может, ничего страшного. Да, она очень слаба, это видно, но говорит четко, осмысленно, хоть с поддержкой, но ходит», — так Нэя анализировала увиденное, сидя на своей маленькой кухне в темноте.

Тихонько рассвет начинал раскрашивать небо белой акварелью, и силуэты чашек, оставленных с вечера на столе, обрастали фактурой и цветом. Реальность нового утра всегда бодрила Нэю лучше любого кофе. Надо все-таки разузнать, что произошло.

Двери ей открыл зять Лии Николаевны. Довольно стройный и ухоженный мужчина, прилично и просто одетый, с добрым лицом. Она это заметила сразу. Не так уж много людей, прожив полжизни, сохраняют в лице эти мягкие черты, свойственные детям.

Он вопросительно посмотрел на девушку, однако та уже сама начала объясняться:

— Здравствуйте! Меня зовут Нэя. На самом деле — Нина, но это не важно. Я ваша соседка. Снимаю вот эту квартиру. Мы с Лией Николаевной немного знакомы, но я уже несколько дней ее не видела, а сегодня вот скорая помощь! Что-то серьезное случилось?

Она выговорила все это на одном выдохе.

— А-а, — протянул мужчина, — понятно. Лия Николаевна рассказывала о вас. Михаил, зять Лии Николаевны, — представился он. — Пока еще неизвестно, что с ней. Повезли на обследование. Вроде как анемия, критично низкий гемоглобин. Даже встать сама не смогла, потому и вызвали скорую. В больнице хотя бы обследуют, капельницы поставят. А вы, если хотите, потом можете навестить ее. Я думаю, Лия Николаевна будет рада. Оставьте ваш номер — я сообщу, как будет что-нибудь известно.

Последний раз она была в больнице еще школьницей, когда навещала брата. Ваня лежал в большой четырехместной палате, выкрашенной в голубой, с двумя высокими — до потолка — окнами. После операции он выглядел бледнее обычного, но не изменял себе в привычной язвительности и ворчливости. Родители пытались всячески угодить больному, бегая вокруг него, как две наседки. Нэе было неприятно находиться в палате, и она вызвалась сходить в аптеку за водой.

Детское хирургическое отделение напоминало поле для игры в казаки-разбойники. Нэя читала указатели, шла по стрелочкам, получала подсказки от медсестер, однако добраться до места назначения ей так и не удалось. Она заблудилась. Нэя почувствовала, что стало как-то холоднее и начало сквозить. Через короткое время она поняла, что оказалась в приемном покое. Мимо пробежали врачи скорой помощи, медсестры в пуховых безрукавках. Из двери, возле которой Нэя остановилась, вышла, слегка пошатываясь, пожилая женщина. Она не заметила девочку, замершую у самого ее носа. Ровно в каком-то оцепенении, она прошла рядом и завернула за угол. Нэя бросилась за женщиной, чтобы спросить, как найти в этом больничном лабиринте фойе с магазинами и аптекой, но ее остановила чья-то рука.

— Не надо, не трогай ее сейчас.

Девочка обернулась. Пухленькая уборщица, совсем еще молоденькая, сняла руку с ее плеча.

— В такие минуты лучше их не трогать. Не могу себе представить, что может быть страшнее. Да она тебя даже не услышит. Посмотри!

Нэя посмотрела, куда указала девушка — в узкое зарешеченное окно, откуда открывался вид на больничное крыльцо. Женщина, которая только

что вышла из приемного покоя, все еще шатаясь, спустилась по лестнице и замерла. С ракурса, доступного сейчас Нэе, женщина не выглядела пожилой. Наоборот, фигурой она напоминала скорее молодую мать, чем бабушку. Лица не было видно. Простояв минуту у нижней ступени, она сделала несколько движений, которые со стороны походили на порывы к новым шагам. И вдруг резко завалилась назад и села на ступеньку. Ее начало качать из стороны в сторону. Нэя не знала, есть ли на улице ветер, но даже у урагана не хватило бы сил так раскачивать человеческое тело. Женщина замахла руками, словно отгоняя кого-то от себя, отталкивая что-то невидимое. Она сидела, повторяя одни и те же движения, а девочка даже не понимала, плачет ли она. Все это выглядело жутко.

— Она сына потеряла. Довезти успели, а в реанимации умер. Так, наверно, до ночи просидит, куда ей теперь идти-то?

Нэя отвернулась от окна и побежала по коридору — куда-нибудь. Куда-нибудь, где нет окон. А лучше бы, конечно, где нет горя, где все мальчики живы и никогда не умрут.

Уже две недели Лия Николаевна не была дома. Больничный быт ей порядком надоел, и она упростила родных привезти ее домой хотя бы на выходные. Ей хотелось ощутить атмосферу привычных забот и уюта. Нэя же так и не смогла побороть свой страх перед больницами, поэтому ждала бабушку дома. Новости она знала. Они ее печалили, но родственники были полны оптимизма. Это чувствовалось и передавалось ей. Поначалу, конечно, все понервничали. Диагноз, который поставили, не обещал ничего хорошего: рак толстой кишки. Помимо того что рак, так еще и толстой кишки! Какое-то издевательство. «Но лучше уж толстой кишки, — утверждали врачи. — Хотя бы есть возможность вырезать опухоль без особых потерь для организма».

Перед операцией бабушку привезли домой. Собрались все, приехала старшая дочь Саша, внучки с детьми. Суета, стук дверей, крики, детский плач — возможно, именно этого бабушке так не хватало в платной одиночной палате онкологии. Нэя выглянула в тамбур, где шумели дети. Она не думала, что бабушка может находиться там: ее голоса совсем не было слышно. Нэе хотелось просто посмотреть на это детское безумие, которое до сих пор бродило и в ее крови, прикоснуться к чьей-то большой семье, ощутить себя частью общего, важного.

— Здравствуй, Нэя, — услышала она знакомый голос, едва высунулась в коридор.

— Здравствуйте! Очень рада вас видеть. Надеюсь, настрой что надо? — Нэе хотелось, чтобы бабушка почувствовала ее поддержку.

Лия Николаевна стояла у дверей немного раскачиваясь, и только сейчас Нэя увидела у нее на руках новорожденную девочку. Малышка спала, и ее ничто не тревожило: ни шум из квартиры, ни визги брата и сестры. Даже отвечая Нэе, бабушка не переводила взгляда с крошечного лица.

— Да. Посмотри, какая славная. Сонечка. Вот это настоящая радость! Ради этого стоит побороться за жизнь. Чтобы увидеть, как она начнет держать головку, гулить, потом встанет, скажет «мама», «папа»... «баба». — На последнем слове Лия Николаевна улыбнулась. — Ну должна же я это услышать, в самом деле!

— Конечно. И услышите.

Нэя рассудила, что не стоит мешать семейному уюту. Она попросилась и постаралась как можно тише прикрыть за собой дверь. Надо бы смазать, чтобы так не трещала.

Бабушку прооперировали. Операция прошла хорошо. Проверили через неделю, нет ли остатков опухоли, сделали необходимые анализы и отпустили домой.

Год пролетел так, как летят все года, наполненные заботами о маленьких детях, — стремительно, безостановочно, в каком-то захватывающем кураже. Сонечка росла как по учебнику, даже опережая своих сверстниц, чем очень радовала бабушку. Малышку часто привозили к ней, и она по мере сил нянчилась с правнучкой. Иногда Лия Николаевна приходила к Нэе и жаловалась на усталость и бессонницу. Впрочем, это казалось им обоим вполне нормальным: надо же учитывать возраст и перенесенную операцию, которая со временем стала аукаться разными неприятными последствиями.

В сентябре, когда справили Сонечкино первогодие, Лия Николаевна начала задумываться о поездке в Одессу, где у нее оставалась квартира и пенсионный счет. Новые украинские порядки пугали ее, но тоска по городу, в котором прошла ее юность, а затем и старость (последние годы, прожитые вдвоем с мужем), все настойчивее звала домой. Одну в Одессу ее никто отпускать не хотел, однако и сопровождать не брался — работа, дела, школа. И Лия Николаевна решила пригласить Нэю.

— Нэя, — как-то вечером заглянула она к соседке. — Скажи, пожалуйста, ты сейчас работаешь? Не прямо сейчас, а вообще?

— Нет. Ни сейчас, ни вообще. Я в творческом отпуске, решила поискать себя. Может, месяц-два так поймаюсь. Пока отложенных денег хватает. А что?

— Хочу предложить тебе поехать со мной в Одессу. Поездом, дней на десять.

Нэя задумалась. Одесса... Зеленый, шелково-атласный город, море, искры вдоль берега, солнечные полосы по волне, раскаленный, перцовый песок. Одесса — что-то притягивающее, какая-то давняя любовь, и страшное — первое свидание со смертью. Ничего не происходит просто так. Слишком явно для совпадения.

— Пожалуй, неплохая идея!

Глава 4

Открытый перрон, вокзал с часами, фонари по периметру — ничего этого Нэя не помнила из далекого детского путешествия, но вот запах — чебуреков и сырой рыбы — это был тот самый запах Одессы, который встречал ее и провожал обратно двадцать лет назад. Молниеносно, вслед за первой волной этой воздушной смеси, в голову хлынули зрительные воспоминания.

Справа от вокзала — небольшой рынок, раньше это было открытое пространство с ларьками, где цыганские дети соревновались между собой в ловкости. Через дорогу прямо — мужской монастырь. Его Нэя помнила

хорошо: один пожилой монах, торговавший пирожками около церковной лавки, подарил ей маленький черный молитвослов и бумажную иконку. Подозвал к себе, потрепал за щечку и подарил — просто так. Нэя даже имени не спросила, постеснялась, а вот монастырь запомнила: несколько этажей (храм на самом последнем), темная широкая лестница и сладковатый запах, особенный. Она потом бывала во многих монастырях, все они пахли по-разному: чем-то похоже — пряной основой ладана и елея, но нюансы, оттенки запаха у каждого были свои. В этом — одесском — монастыре к запаху ладана примешивался аромат гороховых и яблочных пирожков.

Район, где находилась бабушкина квартира, сильно напоминал тот, в котором Нэя выросла. Города разные, уже и страны разные, а пятиэтажки словно под копирку: и расположение, и строение, и даже цвет! Вечер октября был теплым, воздух стоял какой-то парной — соленый, мягкий. Нэя торопливо вылезла из такси, помогла Лии Николаевне поднять чемоданы в квартиру, поела наспех бутербродов и уснула на белом накрахмаленном белье, таком же, как когда-то стелила ей Ольга Васильевна в деревне. Воспоминание о деревне промелькнуло так быстро в уставшей голове, что она даже не успела ему улыбнуться.

Разбудила ее непривычная тишина. Сон о больших изумрудных птицах, путешествующих плацкартой, почти подходил к концу, когда внутренний голос, настороженный отсутствием ежедневного утреннего шума, завопил: «Нэя! Где мы, черт возьми?» Девушка резко открыла глаза и прошептала самой себе: «И правда, где мы?»

Над ней желтел незнакомый потолок, а со стен смотрели страшные маски, изображавшие каких-то ритуальных птиц неизвестного племени. Остальной антураж был довольно мирный: несколько акварельных набросков, фотопортреты в рамках, настенные часы и еще три будильника в нишах книжного шкафа. Все часы показывали разное время, и Нэя не сразу сообразила, что в комнате не слышно их хода. В комнате вообще ничего не было слышно, кроме пульсирующих вокруг запястья ее собственных наручных часов и ее же дыхания.

На улице уже не чувствовалось парного южного воздуха, наоборот, стояла какая-то холодная освежающая плотность, больше подходившая по темпераменту осеннему сезону. Опавшие за ночь листья были аккуратно собраны в горки вдоль дома, и Нэя, повинувшись дремавшему внутри детскому желанию, с разбега бросилась в одну из них.

Гуляя по незнакомому району, она с удивлением обнаруживала уже виденные раньше детали. Не сразу, но вспомнила и рынок, и Дом творчества, некоторые кафешки, закоулки дворов, а главное, парк с сиреневым монументом у входа. Удивительно, какие иногда виражи описывает жизнь, возвращая нас к чему-то очень важному, к какому-то определенному месту, отмеченному в памяти. Слева от парка тот самый дом, в котором они останавливались с родителями двадцать лет назад, именно здесь она гуляла тем жарким сентябрем, в этом вот парке, по этим вот дорожкам. Каталась на цепочной карусели и ходила с папой в кинотеатр за площадью с фонтаном.

Нэя присела на корточки и дотронулась ладонью до широкой трещины в асфальте, провела по ней пальцем и на несколько секунд задумалась. Такой же наждачный асфальт и трещины. Как линии на руке. Еще в то первое свидание с Одессой ей пришла в голову эта мысль: по старому асфальту можно гадать, как цыганки гадают по ладони. Линии переплетаются, расходятся узорами. Наверное, если научиться чувствовать город, по ним можно читать его судьбу.

Нэя решила побродить по парку в поисках еще каких-нибудь памятных мелочей, которые, она была уверена, остались неизменны с последней ее прогулки. Время перешло за полуденную черту, а воздух все никак не нагревался. Нэя начинала немного подмерзать, поэтому маршрут прогулки наметился сам собой — следовать за переходящими лучами солнца. На солнце было значительно теплее и можно было погреться несколько минут, пока оно не пряталось за каким-нибудь большим облаком или деревом, и тогда надо было искать его снова.

Она несколько раз обогнула кинотеатр и дважды прошла мимо фонтана, который никак не отзывался в ее памяти. Кинотеатр внешне остался прежним, и карликовые деревья вокруг него не изменились, только зачем-то огорожены забором с арками, создавая иллюзию шкатулочного парка. Маленький внутри большого. Даже со своими карликовыми аллеями.

Нэя уже ощущала холод не только снаружи, значит, надо было возвращаться домой. Обратная почти бежала, не пытаясь сопоставлять то, что видит сейчас, с тем, что было раньше. Щепотка тоски — этого вполне достаточно для одного дня. Ей хотелось тепла и уюта.

Второй день оказался странно похож на первый, третий — на второй. Нэя гуляла по Одессе, ездила пару раз к морю. Бабушка занималась делами. Десять размеренных, наполненных чужой памятью, запахами, вещами дней. Нэя ловила этот воздух и каждую деталь старалась запрятать поглубже, чтобы дольше помнить.

Вторую комнату, в которой когда-то жили внуки Лии Николаевны, снимала маленькая круглолицая пожилая женщина — Римма Григорьевна. Почти всегда румяная и радостная, с платочком, завязанным под подбородком. Сколько ей лет, она и сама не помнила. Римма Григорьевна по профессии была учительницей, причем не какой-то рядовой, среднестатистической, а заслуженной учительницей Украины.

Римма Григорьевна любила что-нибудь рассказывать. Делала это всегда эмоционально, по ролям, меняя интонацию в зависимости от персонажа. Любила вспоминать учеников, мальчиков и девочек, забавно пародируя их детскую непосредственность. Она приходила на кухню, когда Нэя что-нибудь писала за кухонным столом. Нэя наливала чай в старые чашки с трещинами и слушала грустные и добрые истории о жизни, которую она никогда не увидит. О времени до войны и после, о стране, распавшейся в год ее рождения, о людях, таких живых в рассказах, но уже давно существующих только в памяти человеческой. У каждого из них, промелькнувших в жизни Риммы Григорьевны, была своя, маленькая или большая, но обязательно трагическая судьба.

О чем бы Римма Григорьевна ни рассказывала: о брате, умершем в детстве, о сестренке, за которой ходила, пока мать работала, о замуже-

стве, не очень-то счастливым, — не было горечи в ее словах. Все будто было принято таким, какое есть, все уже отболело и составляло только наполнение внутреннего сундука, куда она иногда заглядывала в поисках каких-нибудь милых безделушек. Единственная боль, что до сих пор томила ее, — это была боль о сыне, которого она пережила.

В Афганскую войну его призвали в армию. Римма Григорьевна тогда уже овдовела, так что пришлось с головой уйти в работу, заткнуть заботами щели, сквозь которые в сердце постоянно просачивалась тревога. Она брала на себя все замены, дополнительные занятия, летние лагеря.

Сын Юра вернулся с войны непохожим на себя, исхудавшим, с больным сердцем. «Мама! Там все дети плачут! — рассказывал он. — Сидят вдоль дороги с протянутыми руками и плачут. Мы им отдавали последний хлеб и продукты — так жалко было!» И долго еще ему снились эти афганские дети... и сердце все болело и болело. После службы Юра окончил юридический факультет, стал ведущим адвокатом в Одессе, потом — прокурором, а в возрасте пятидесяти двух лет снова ушел, но уже безвозвратно, на другую, никому не ведомую войну. Или в вечный мир? Римма Григорьевна верила в вечный мир, потому что вечная война — это как-то совсем бесчеловечно.

Нэе нравились летящие интонации старой учительницы, ее по-детски открытый смех и простые, уже почти бесцветные широкие глаза, искрящиеся, все еще пытливые. Она слушала старушку и тихонечко записывала в тетрадку эту простую историю человеческой жизни. Она не знала зачем, однако ей это казалось очень важным. Как будто летящую птицу хотела запечатлеть: ее полет больше никогда не повторится — так пусть хотя бы на бумаге останется память о нем.

К вечеру третьего дня в Одессе поднялся сильный ветер. Единственный телевизор находился в маленькой комнатке, где жила Римма Григорьевна. Поэтому ни Нэя, ни Лия Николаевна понятия не имели, что в городе объявлено штормовое предупреждение. Они с удивлением наблюдали, как сгибаются за окном деревья и поднимается с земли убранный сухая листва.

Тем временем в центре города ветер уже снимал с креплений магазинные вывески и дорожные знаки, вырывал из асфальта светофоры и фонари, а на окраинах косил рядами деревья. Пострадавших с каждым часом становилось все больше.

Нэя наливала себе в кухне молоко, когда из маленькой комнаты слышались отчаянные вздохи и причитания:

— Господи боже мой, да как же это? И насмерть! Что же это делается? Стариков каких-то несчастных... Лиечка Николаевна, идите сюда скорее, идите посмотрите, что на улице-то делается. Давно такого у нас не было, ураган какой!

Римма Григорьевна хваталась за подушки и теребила карманы халата, выдавая почти паническое состояние, несвойственное ей. Ветки за окном царапали стекла и рамы, шумел гуляющий в кронах ветер, но все это было там, за окном. Жертвами разгулявшейся стихии стали двое пожилых людей — семейная пара, вышедшая в магазин за хлебом. Нэя тяжело переживала известия о чьей-то смерти, особенно такой нелепой.

«Жить бы им еще лет десять, правнуков нянчить, газетки читать, ворчать друг на друга. Боже мой, что же за город такой?..» Нэя никогда не забывала о той, первой в своей жизни чужой трагедии, с которой началась, как она считала, ее собственная история.

Когда на следующее утро Нэя оказалась на улице, она осознала масштаб вчерашнего бедствия. Выход из парадной наполовину был перегороден ветками массивного орехового дерева, лежащего вдоль дома. У перекрестка двое мужчин распиливали упавший дуб и по частям уносили с проезжей части; земля кусками лежала на асфальте, видимо, осыпаясь с выдернутых корней.

За ночь выбившись из сил, ветер блуждал сегодня по городу тихо и виновато. Похоже, жизнь возвращалась к своему прежнему течению. Сейчас уберут все последствия шторма, раны пострадавших со временем затянутся... И только одного уже будет не изменить — не посадить обратно вырванные с корнем две жизни.

Глава 5

Из Одессы в Петербург по особому внутреннему распоряжению пускали только старые поезда. Поездка обещала быть не особо комфортабельной: между нижним сиденьем и стеной с обеих сторон виднелись огромные щели, а когда Нэя присела на краешек нижней полки, то почувствовала, что та не закреплена и гуляет из стороны в сторону. Занавескам, лампочкам, креплениям — всему недоставало цельности. И как финальный аккорд — дверь в купе закрывалась только наполовину.

Соседи через два с половиной часа сошли где-то под Подольском (который по советской привычке называли Котовском), и уже до конечной Лия Николаевна и Нэя ехали вдвоем. В купе наступило затишье. За окном уходили в ночь редкие деревеньки; окна в домах тускнели и вскоре слились с полями и пролесками в общую густую темноту.

Нэя проснулась около двух часов ночи от духоты и резкого запаха гари. В поезде всю топил. На батарее вдоль окна можно было ставить кастрюльку и варить яйца. Нэя протянула руку и отодвинула от батареи пакеты с едой и ботинки. Через просвет под столом девушка заметила, что Лия Николаевна тоже не спит и смотрит в упор на нее.

— Душно, не могу уснуть. — Лия Николаевна еще пару секунд поворочилась на полке и начала приподниматься. — И нога болит, никак не проходит. Опухла вся.

— Такое уже бывало?

— Да, в последнее время что-то часто... Это, Нэечка, последствия операции. Вырезали ведь не только опухоль, но и здоровую ткань, что-то задела... Подай, пожалуйста, синюю сумку. У тебя под ногами, такая... с карманами снаружи. Там аптечка.

Нэя подала сумку и налила бабушке воды. Спать было невозможно, да и до границы оставалось меньше часа, поэтому Нэя села поближе к окну, поджала под себя ноги и уставилась в щель между занавесками.

— Раньше этот участок до границы мы днем проезжали. Каждое лето с внуками ездили. В начале июня — в Одессу, обратно — к школе уже, в августе. Так вот, в Жлобине (как раз остановка была, когда ты про-

снулась) игрушки всегда продавали, плюшевые. Яркие такие, размеров самых разных. Поезд только подъезжал, а люди с перрона уже в окна лезли. Сначала брать не хочешь, а потом все равно купишь и внукам, и на подарки.

Лия Николаевна произносила слова, пристально глядя, как и Нэя, на тонкую полоску запотевшего стекла. Она уже давно страдала бессонницей, мучилась по ночам головными болями и знала наверняка, что уснет не скоро. Ей, привыкшей такие ночи проводить у телевизора, была мучительно тишина. Нэя посмотрела на Лию Николаевну, на ее худое усталое лицо, поджатые губы, седые у корней крашенные волосы... Она понимала, что такому человеку, как бабушка, трудно смириться с собственной слабостью, с тем, что тело теряет форму, болит не утихая, что подводит память, зрение и слух теряют остроту. Огромная ее сила, за счет которой раньше держалась семья, уходит; жизнь детей и внуков идет своим чередом, без нее. Конечно, домашний мир еще вертится вокруг ее желаний и возможностей, вокруг ее здоровья, соединяя всех общей заботой. Только вектор движения больше не направлен вперед, теперь вся жизнь — это погоня за воспоминаниями.

— Лия Николаевна, — Нэя подалась немного вперед, обозначив интимность вопроса, — а вы замуж вышли по любви?

Бабушка улыбнулась и повернула голову:

— По любви, конечно... Но, знаешь, я ведь в Одессу приехала замуж выходить за другого. Видный был жених, сын секретаря райкома. Долго за мной ухаживал. Я в Ленинграде училась, в техникуме. Летом на работах познакомилась. Как окончила, в Одессу приехала, документы в институт подала. Готовилась к свадьбе... Когда результаты экзаменов вывесили, пошла смотреть себя в списках. Стою, волнуясь, ищу глазами свою фамилию, и вдруг меня толкают в спину, да сильно так! Я разозлилась, вспыхнула. Оглянулась: передо мной стоит высокий, красивый моряк. Влюбилась сразу! Все мысли о свадьбе пропали. Пришлось расстаться с женихом. Через пару лет мы с Валеёй поженились, родилась дочь. В его семью я входила тяжело, считалась ведь приезжей, провинциалкой, потому что родилась в деревне. А отец у мужа профессором в институте работал, знал шесть языков, музыкантом был, художником. Интеллигентная семья. Книг сколько! Я, Нэечка, столько никогда в жизни не видела. И книги дефицитные, редкие. Пластинки: Шаляпин, Собинов, Нежданова... Для меня это был новый мир.

Лия Николаевна потеряла больную ногу. Свет от единственного рабочего ночника освещал половину ее лица, правая сторона уходила в тень. Она сидела немного согнувшись, держась обеими руками за край постели. Вообще, Нэя любила поезда и вот эту романтику ночных разговоров, огни станций, еле уловимые очертания столбов и строений... Но от резкого запаха гари, который наполнял купе, ее уже начинало подташнивать. Девушка сдержанно улыбалась бабушкиным словам, стараясь не выдать своего состояния.

— Самое замечательное время было, — продолжала бабушка, — когда мы по распределению уехали в Кишинев. Валентин еще отрабатывал в Калининграде, и несколько месяцев мы с дочерью жили в новой квартире вдвоем. Нам от института дали сначала маленькую квартирку, года три мы

в ней прожили. Сашу сразу в детский сад определили, за несколько кварталов от дома. Приходилось пару остановок на троллейбусе ехать, а потом через парк пешком. До сих пор вспоминаю эти прогулки. После работы забирала дочь, и мы с ней так спокойно, не торопясь, шли домой, на птиц заглядывались, листья собирали... Один раз проспали! Что делать? Оставить не с кем, на работу идти надо. Наказала дочке, ей года четыре с половиной тогда было, дома сидеть. Дала бумагу, карандаши и ушла. Во время обеда забежала домой и вижу: Саша так и уснула за столом. Просидела все утро там, все рисовала... Нравилось ей рисовать и получалось хорошо. Она в восемь лет сама в художественную школу записалась. Перед фактом нас поставила.

С первых слов Лия Николаевна не смотрела Нэе в глаза, она будто и не ей рассказывала. Она рассказывала себе, ворошила свою память... Но Нэе было интересно, она любила слушать чужие истории. Пользуясь тем, что Лия Николаевна не смотрит на нее, девушка не стесняясь разглядывала ее лицо и фигуру и вдруг почувствовала, как приступ тошноты накатывает на нее с удвоенной силой. Боковым зрением она заметила какое-то быстрое движение за бабушкиной спиной. Перевела взгляд и ощутила мгновенно разлившееся по всему телу отвращение: на стене сидел большой таракан. Когда Нэя его заметила, он уже никуда не торопился и, ритмично подергивая длинными усами, таранился на девушку.

— Лия Николаевна, — тихонько, чтобы не выдать волнения, перебила бабушку Нэя. — Простите, у вас нет, случайно, салфетки? Вы мне просто скажите где — я сама возьму.

Бабушка двинулась немного вперед и подняла глаза. Она сделала это резко, одновременно потянувшись рукой под стол, к сумке, где лежали салфетки, поэтому черное усатое пятно за ее спиной отпрянуло в сторону и начало метаться по кругу.

— Я возьму сама, сидите. В этой сумке, которая на молнии? Вы, пожалуйста, не делайте резких движений. Просто там, за вами, на стенке таракан. Но вы, пожалуйста, не волнуйтесь, я его сейчас поймаю.

На слове «таракан» Лия Николаевна, конечно, инстинктивно дернулась и начала поворачивать голову назад, однако, послушавшись Нэю, остановилась. Та, вооруженная салфеткой, осторожно сползла на край постели, потом, не разгибая колен, вприсядку, приблизилась к бабушкиной полке и, выждав несколько секунд, схватила таракана салфеткой. Длинные усики трепыхались в бумажном капкане. Нэя смотрела на них и не знала, что делать дальше. Убить таракана? А вдруг придут его родственники и отомстят? Выпустить в коридор? А где гарантия, что он не вернется на насиженное место? И она унесла добычу в грохочущий тамбур.

Как ни странно, погоня за тараканом позволила ей на время забыть о плохом самочувствии, и, возвращаясь в купе, она отметила про себя, что тошнота отступила и дышать стало легче. Лия Николаевна разворачивала целлофановый сверток с ломтиками сыра, когда Нэя вошла в купе.

— Через полчаса граница. Не хочешь перекусить? Уснуть уже вряд ли удастся. — Бабушка протянула кусочек сыра. — Я этих тараканов в жизни столько перевидала... Бороться с ними бессмысленно. Они как-то сами уходят со временем.

— Лия Николаевна, а вы детство хорошо помните? Вы же в войну совсем ребенком были?

— Да, Нэчка, мне было пять лет, когда война началась. А сестре три с половиной. Помню. Что-то хорошо, что-то не очень. Отрывками, какими-то впечатлениями. Папа же у нас служил еще до войны, так что мы его редко видели. Но вот одно ярко запомнилось — как он приезжал домой и качал нас на португее. Вот, пожалуй, и вся память об отце. В начале войны он пропал без вести, после похоронка пришла, что погиб в бою в июле сорок первого. А мы остались в деревне с матерью и дедом.

— А где? В какой деревне? Немцы же везде были!

— В псковской. Так и у нас были! Довольно скоро оккупировали, но, слава богу, особо не тронули никого. Нас выселили в соседнее село. Только после войны вернулись обратно. Хозяйство было у нас небольшое. Свиной в первый год немцы порезали, а коров и кур невыгодно было — молоком и яйцами брали.

— Страшно же, наверное? Когда война кругом.

— Мы, Нэя, даже бомбежки видели. В конце войны я в школу пошла, в соседнее село. Парт еще не было — на полу сидели. Зато тепло вместе и весело. Как-то вот так жили... Мама в войну сердце надорвала, от инсульта потом умерла в тридцать шесть лет. Остались две сиротки: мне четырнадцать лет, сестре — тринадцать. Вот ты спрашиваешь, что помню. Помню овсяный кисель, который мама варила. Вкус его, запах. Капусту квашеную, соленые огурцы, драники картофельные. А еще мы, знаешь, смывали мешки из-под муки в кастрюлю, варили и ели. Вот тебе и память — вкус войны!

Поезд спокойно, почти незаметно замедлил ход и остановился. За окном лаяли собаки, перекидывались бранью сонные пограничники. Кто-то шутил между собой. Через десять минут по вагону прошелся проводник, проверяя, все ли проснулись. Нэя потянулась к косметичке за документами, Лия Николаевна достала из-под подушки давно приготовленный паспорт.

— Да, Нэчка, так вот и пройдет вся жизнь, и чтобы ее вспомнить, времени уже не останется. Ну ничего, — она слегка улыбнулась, — авось там, на небесной границе, не просят.

Глава 6

В январе по всей стране объявили эпидемию гриппа. Какой-то дикий вирус подкосил многих Нэиных знакомых этой зимой. Соседям тоже не повезло: переболели все. Первым слег внук Лии Николаевны — принес вирус из школы. Через пару дней заболела бабушка. Дальше Нэя уже не следила, так как в общий коридор лишней раз старалась не соваться.

В начале февраля Лия Николаевна позвонила и попросила срочно к ней зайти. Она сидела на своей кровати в розовой ночной рубашке, слегка прикрыв ноги байковым одеялом, и смотрела не отрываясь на стенку напротив. Там висели, образуя какой-то узор, фотографии: мужа (с траурной ленточкой), детей, маленьких внуков и в новых рамках — совсем свежие — правнуков. Лия Николаевна не замечала чужого присутствия.

Нэя начала ощущать неловкость и заговорила первой:

— Лия Николаевна, я пришла. У вас там дверь открыта.

— А! Хорошо.

Бабушка обернулась на Нэин голос, но сделала это всем телом: было заметно, что ей тяжело даются движения головой. Она попыталась улыбнуться, но вышло это, мягко говоря, не очень искренне и напугало Нэю еще больше, чем звонок и ее общий вид. Лия Николаевна какое-то время просто смотрела на нее, а потом разрыдалась. Девушка почувствовала, что этот порыв она сдерживала до последнего. Нэя знала, что ее роль сейчас проста: она должна утешить. Только как подступиться с утешением к человеку, которого ты ни разу в жизни не обнял, к которому ближе чем на метр никогда даже не подходил? Нэя стояла растерянная, раздираемая противоречиями. Образ бабушки — всегда ухоженной, крепкой духом, учтивой — никак не вязался с той женщиной, которую Нэя видела теперь перед собой. И она сделала то, что делала всегда, когда требовалось принять сложное решение, — начала действовать.

Нэя подошла к бабушке, села рядом с ней и обняла обеими руками. Крепко-крепко, как обнимают самых родных. И Лия Николаевна ответила на эти объятия: всем телом она подалась в Нэину сторону и, касаясь головой плеча девушки, сквозь рыдания прошептала:

— Спасибо...

Бабушкин рассказ прерывался всхлипываниями и тяжелым, изводящим кашлем. Нэя все же уловила суть: старшая дочь хочет продавать одесскую квартиру, прямо сейчас. Это, конечно, ее право: квартира досталась Саше в наследство от свекрови Лии Николаевны. Там оставалось еще много ценных вещей, которые необходимо лично перебрать. Да и там ведь Римма Григорьевна! Не выселять же ее на улицу? Еще надо выписаться, а перед этим решить дела с пенсией, перевести все данные сюда. Это дело не одного дня. И потом, она так слаба после бронхита и больницы, дорога ее просто убьет.

— Она хочет меня убить! — причитала бабушка. — Родная дочь!

Главное, что поняла Нэя из слов соседки: она слаба. Она, действительно, сильно сдала с последней их встречи, будто все силы, вся энергия ушли на борьбу с болезнью. А еще получалось, что бабушка была в больнице, а Нэя даже ничего не знала. Ей стало стыдно за свою пескариную зиму, поэтому она еще крепче обняла старушку и погладила ее по плечу. Та не отпрянула, не отдернула плечо, как боялась Нэя, и приняла эту ласку как что-то давно желанное.

«Удивительно, — подумала Нэя, — как порой мало близкие знают о наших желаниях». И дала себе обещание никогда не молчать о том, чего ей хочется, чтобы всю жизнь не мучиться от недостатка ласки, объятий, теплых слов из-за какой-то глупой гордости или установок, данных себе вначале. Что же тогда главное, если не искренность? Ей было жаль бабушку, но не потому, что кто-то в семье пошел против ее воли, что делается что-то без ее ведома и тем причиняет ей боль. Было жаль, что никто не обнимет ее, потому что не знает, как это сделать. Ведь не день, не год Лия Николаевна живет в этом неприступном образе, а всю жизнь! Вот трагедия. Господи, как же это страшно — так жить!

— Зачем ей это сейчас? Почему она не может подождать? — Бабушка начинала контролировать себя и говорила уже спокойнее. — Поставила меня опять перед фактом. Сказала, что уже нашелся покупатель и внес аванс. Поэтому такая спешка. И когда она выставила ее на продажу? Ничего мне не сказала, все сама, втихомолку. Родная дочь! И ведь это я ее воспитала!

Нэя почувствовала, что критический момент прошел: Лия Николаевна доверилась ей, поняла, что не одинока, оттолкнулась от этого нового знания и выплыла на поверхность, на привычную, устойчивую почву. Девушка медленно разомкнула объятия и опустила руки себе на колени.

— Так ведь всегда было, понимаешь? Ни у кого не спросит совета, все сама. А мы потом расхлебывай. То маркетингом занялась, долгов набрала. Нам с отцом пришлось квартиру продавать, чтобы расплатиться. Конечно, я ее понимаю: она уже устала по съемным квартирам жить, своего хочется. Но ведь терпела столько лет, почему хотя бы до лета не потерпеть? Я ей сказала — поеду в мае, спокойно переберу все вещи. Там же еще свекра моего — картины, чертежи. А главное, книги! Ты видела — целая библиотека. Вся классика русская, зарубежная. Надо придумать еще, как вывозить. Да и куда? Полквартиры занимают. Свекровь моя книжечку вела, записывала, кому и какую книгу давали, чтобы не забыть! Каждой дорожили. А теперь? Как это все выбросить?

Лия Николаевна хоть и говорила уже четче и спокойнее, однако все время останавливалась, чтобы откашляться, и кашель этот начинал беспокоить Нэю: от него бабушка задыхалась.

Хлопнула входная дверь, послышались звуки падающих предметов.

— Ба, я дома!

Младший внук Лии Николаевны Коля громко прошел по коридору, остановился у открытой двери.

— О, привет! — крикнул Нэе. — А что у вас тут случилось?

— Ничего, Коленька, всё в порядке. — Бабушка не смотрела на внука, чтобы он не заметил ее слез. — Мы просто разговариваем. Все хорошо, иди к себе. Переодевайся пока, я сейчас суп разогрею.

Через пару дней Нэя столкнулась у лифта с зятем Лии Николаевны. Михаил, всегда спокойный и улыбчивый, был сильно встревожен. Поприествовал Нэю, помялся немного, не зная, как начать разговор.

— Вчера рентген делали бабушке. Кашель никак не проходит. На снимках ничего не понятно: то ли пневмония, то ли метастазы в легких. Ей пока ничего решили не говорить, может, обойдется. Повезу снимки на изучение в НИИ. Через неделю-две должно проясниться. Пока не выяснят главного, лечить особо ничем нельзя. Заходи к ней, Нэя, она всегда рада тебя видеть.

— Спасибо. Конечно, зайду.

Нэя слышала свой голос как будто издалека, он звучал приглушенно и ровно, похожий на мелодию механической музыкальной шкатулки. Хотелось изо всех сил верить, что бабушка справится со всем, что нет никаких метастазов, что лет десять у них еще есть впереди. Нэя будет обнимать бабушку и слушать ее советы. Только бы она жила... Но кнопка лифта,

с которой Нэя не сводила глаз в течение всего разговора, казалось, чернела на глазах.

Она изменила привычный утренний маршрут и впервые за долгое время зашла в церковь. Постояла молча со свечкой в руках, не решаясь опустить ее в подсвечник у большой иконы святого Пантелеймона. Пахло яблоками и горохом. «Пожалуйста, — прошептала Нэя, — пожалуйста, не дай ей умереть. Исцели ее...»

Глава 7

Нэе исполнилось двадцать восемь.

«Двадцать восемь, по сути, ничем не отличаются от двадцати семи», — констатировала Нэя, чувствуя свое огромное одиночество, утопающее в такой же огромной двуспальной кровати. Что изменилось за этот год? Что в нем было, что пришло и ушло, что осталось? Девушка лежала, разглядывая замысловатую люстру над головой, и составляла в воображении таблицу, в которой бы разместились ответы на эти грустные и банальные вопросы. Тонкий луч, падающий на середину постели, отделял ее от пустого пространства, и Нэя читала в этом какой-то особый зловеющий знак. Но луч был яркий, с рыжиной, поэтому она в конце концов улыбнулась ему и переползла на край кровати, чтобы окончательно сбросить с себя утреннюю хандру и начать новый день.

— Есть кто дома?

Коля распахнул дверь без стука, как будто свою. Нэя часто забывала ее закрыть на ночь, однако все-таки удивилась такой наглости подростка и собиралась крикнуть ему что-то резкое по этому поводу, да не успела.

— Нэя, срочно к нам! Бабушка зовет, ее снова в больницу увозят! Не тормози, короче.

Девушка даже не стала надевать обувь, выскочила на цементный пол в тонких носках. Пробежала на цыпочках до соседской квартиры и влетела в бабушкину комнату, где уже собрались все домашние. Лия Николаевна, бледнее обычного, лежала на кровати, потирая сильно распухшую ногу. Напротив, на принесенных из кухни стульях, сидели работники скорой помощи. В комнате стояла тишина: врачи пытались дозвониться до диспетчера, чтобы зафиксировать вызов и получить указания, куда везти. Тишина. Странное состояние для восьми человек на таком маленьком пространстве. Не было слышно ничего, кроме гудков в телефонной трубке.

— Добрый день! Дежурная бригада триста четыре. Предварительный диагноз — тромбоз нижних конечностей, анемия тяжелой степени. Дайте информацию по больницам. Спасибо, ждем.

У дверного проема, где примостилась Нэя, началось какое-то движение. Женья, стоявшая прежде около бабушкиной кровати, начала пробираться к выходу. Заметив Нэю, она, хоть и с тревогой в глазах, искренне ей обрадовалась, пожала руку без слов и ушла на кухню. Ей было тяжело справляться с собственным волнением бездействуя, поэтому она начала собирать посуду для больницы. Из кухни крикнула сыновьям, чтобы помогли ей. Комната опустела, и Нэя смогла подойти к бабушке поближе.

— Мечникова, второе хирургическое? Хорошо. Спасибо, пусть ждут.

Женя вернулась из кухни:

— Мечникова? Неплохая больница. У Миши там вроде знакомые есть. Мама, слышишь? Не худший вариант.

Лия Николаевна, лежавшая с прикрытыми глазами, кивнула и, не меняя положения тела и век, тихо ответила:

— Как скажешь, Женя. У меня сумка давно уже собрана, надо только документы положить и рубашку чистую. Посуду... — Она закашлялась.

Врачи быстро заполняли бумаги, задавая вопросы зятю, который не участвовал в общей суете. Женя помогла бабушке присесть, затем подошла к комоду, чтобы собрать недостающие вещи.

— Лия Николаевна, — почувствовав, что сейчас самое время дать о себе знать, вклинилась Нэя. — Коля сказал, что вы меня звали.

Бабушка оживилась, виновато улыбнулась ей и обратилась к дочери:

— Женя, подай мне сумку, черную. Достань кошелек.

Женя выполнила указания, не интересуясь зачем. Лия Николаевна слабыми руками отстегнула ремешок кожаного кошелька, вынула тысячерублевую купюру и протянула Нэе.

— С днем рождения! Прости, что так. — Она обвела руками комнату. — Не успела ничего другого подготовить.

Врачи заторопили родственников, окликнули бабушку. Она еще раз улыбнулась Нэе и быстро убрала бумажник обратно в сумку.

Девушка, ошарашенная происходящим, пробурчала что-то отдаленно напоминающее «спасибо» и ушла. Только очутившись в темной прихожей своей одинокой, еще не разбуженной квартиры, она осознала, что держит в руках деньги.

«С днем рождения тебя, Нэя! — сказала она самой себе и присела на табуретку. — Разрыдаться, что ли?»

Вечером Нэя возвращалась домой с маленьким тортиком в руке. Несмотря ни на что, ей хотелось праздника, и она напевала себе под нос песню из мультфильма про Чебурашку, чтобы вернуть, хотя бы отчасти, в этот день детское ощущение волшебства. Морозный воздух заставлял Нэю двигаться быстрее, а падающий снег, наоборот, призывал остановиться и насладиться моментом. Девушка любила такой неторопливый, кружевной снег. Она перестала бежать и присмотрелась к фонарю, вокруг которого в нечетком контуре света спускались по невидимой спирали крупные снежинки.

Как может жизнь вмещать в себя все это? Красоту и страдание, болезнь и радость? Чей-то праздник и чью-то боль? В этом маленьком моменте, в торжественном приходе снега на землю, столько белоснежной, чистой радости! А уже через пару часов начнется оттепель, и он собьется комками и смешается с грязью.

«Между приходом и умиранием так мало времени, — подумала Нэя. — Но сколько именно? Вот в чем вопрос...»

В коридоре она встретила Михаила. Он рассказал, что бабушку обследовали и, действительно, нашли тромбы, что теперь необходимо разжижать кровь и выводить их из сосудов. Михаил держал в руках папку с бабушкиными документами, с результатами анализов за год, в каждом из которых говорилось, что все идет по плану, что онкология не возвраща-

ется... Однако в папке были и другие документы. Последний рентген, сделанный две недели назад. Михаил только сегодня забрал его из института.

— У Лии Николаевны обнаружили метастазы в легких. Это все-таки рак... Врачи дают неутешительный прогноз: со дня на день может наступить критическое состояние. Она умирает, Нэя, и с этим уже ничего не поделаешь.

«Она умирает, Нэя... Она умирает...» — повторялось снова и снова в Нэиной голове. Девушка вошла к себе, поставила торт на тумбочку в прихожей, сняла пальто, сапоги и шапку, помыла руки, а в мозгу, наворачивая круги, все звучало: «Она умирает, Нэя...»

Ольга Васильевна умерла, когда Нэе было девять лет. Девочка находилась одна в квартире и вынимала из вареного яйца ненавистный желток, когда ей сообщили об этом. «Это Ира?» — раздалось в телефонной трубке. «Иры нет дома, это Нина, ее дочь, что вы хотели?» — «Нина, твоя бабушка умерла». Что значит — умерла? Какая моя бабушка? У меня нет умерших бабушек! У меня есть только живые! «Вы ошиблись номером», — совершенно уверенная в своих словах, ответила Нэя. И повесила трубку.

Бабушка, ее родная, умерла... Но это было где-то далеко, не рядом. Умерла в больнице, от удушья. Добитая взбесившейся астмой, душившей ее всю жизнь. Нэя плакала несколько месяцев, глядя в стену. Она видела бабушку в каждом автобусе и трамвае. Она звала бабушку проститься, потому что обидела ее, еще живую, не зная, что не успеет попросить прощения.

Она приснилась Нэе через два года. Во сне папа держал Нэю за руку, они шли через яблоневый сад, как сквозь анфиладу сводчатых арок, и впереди белел дом, небольшой, ухоженный. На пороге стояла бабушка. Нэя бросилась к ней в объятия, как бросалась когда-то на лестнице хрущевки. Нетерпеливо, всей собой. Там — во сне — она почувствовала, что бабушка ее простила, что любит ее как и прежде. Нэя проснулась освобожденная. Она приняла эту смерть. Ничего не заканчивается, даже если кто-то умирает. Любовь выше, больше, сильнее смерти.

Все, кто ушел из жизни, в которой Нэя оставалась, уходили где-то далеко. Чаще — внезапно. Это парализовывало, удручало, заставляло чувствовать острее. Это напоминало короткий взрыв, после которого наступала глухота, а потом... потом все шло как обычно. Иногда кололо воспоминаниями, неожиданным осознанием. Но Лия Николаевна... она же еще жива. Еще только утром в полном сознании она торопливыми движениями доставала из кошелька деньги на подарок для Нэи. Да, она выглядела больной и слабой, но не умирающей!

«Глупо, конечно, глупо думать об этом. И все же, — спрашивала себя Нэя, — как выглядят умирающие? Что отличает их от других? Как приходит смерть? По дням, по минутам... Как человек меняется, что он делает, о чем он думает? Чувствует, слышит, осознает ли свой конец?»

Полночи Нэя не могла уснуть, задавая себе новые, пугающие ее самому вопросы. В карусельном беге мыслей она смогла ухватить только одно: «Двадцать восемь, ее двадцать восемь лет — это совсем не то же, что двадцать семь. Это будет страшный, тяжелый год для нее, но... будь что будет». И, засыпая, все твердила: «Будь что будет», — то ли убеждая себя, что ей хватит сил справиться со всем, что уготовано, то ли надеясь, что, может быть, еще обойдется.

Глава 8

Родственники устали. Нэя поочередно встречала кого-нибудь в коридоре, и каждому хотелось немного пожаловаться девушке на судьбу. Младший внук, обладая довольно специфическим подростковым юмором, достал где-то балахон с надписью «Горе» и ходил в нем повсюду. Ему доставляло удовольствие идти поперек деликатного отношения остальных к бабушкиному состоянию. Остальные же страдали всерьез.

Нэя видела, как каждый измотан. Она уже не могла просто существовать рядом с бедой, которая «по соседству». В голове девушки созрела дикая идея: сменить родственников на дежурстве в больнице, взять на себя небольшую долю их забот. С Лией Николаевной всегда кто-то должен был находиться. Дети боялись оставить ее одну, постоянно информируя друг друга о состоянии больной. Так им было удобнее справляться с собственным страхом. Нэя хотела помочь. Но когда она думала о том, что окажется наедине с бабушкой, то представляла себе ужасные картины: что бабушка умрет во сне под действием снотворного и Нэя не сможет это сразу понять; что бабушка встанет с кровати, опираясь на больную ногу, и упадет; что... В конце концов Нэя насмелилась предложить свою помощь.

Мартовский морозец скреплял разбросанные по парку лужи тонкой поверхностной коркой. Уже стемнело, и фонари вдоль аллеи больничного парка горели ярко, выхватывая из темноты островки реальности, по которым, задыхаясь, бежала Нэя. Не то чтобы она опаздывала — никто не назначал ей определенного времени («как сможешь, так придешь»), — но она все равно бежала. Бежала так, будто жизнь зависела от того, насколько быстро она бежит. Она не знала, что ждет ее в больнице, в каком состоянии сейчас Лия Николаевна. «Врачи говорят, что, может быть, со дня на день... Может, есть неделя, может, две, ничего не известно точно», — сообщали родственники.

В больнице Нэе провели инструктаж. Как поить, кормить. Следить, чтобы больная нога не опускалась. Что-то настораживает, требуется помощь — вызывать врача. Номер записан в блокноте.

— Нэя! Самое главное: ни слова про метастазы. Сейчас основной диагноз — это тромбоз. Основная задача — вывести тромбы. Пусть сосредоточится на этом. Лекарства, которые необходимы для лечения тромбоза, усугубляют положение в легких, ускоряют раковые процессы. Лекарства, которые бы облегчили общее состояние, то есть задержали бы распространение метастазов, не позволят вывести тромбы. Мы в очень сложном положении... Но она не должна знать, что умирает.

Это было общее семейное решение, так что Нэя приняла его, хотя и не совсем понимала.

Свежо, чисто и уютно было в палате. Нэе пришлось осматриваться практически в темноте: свет был погашен, телевизор выключен. На тумбочке у свободной кровати горела свеча в стеклянном стаканчике. Это был единственный источник света, а еще источник резкого странного запаха, от которого начинала кружиться голова. Бабушка спала, тихо дыша, без кашля и хрипов. Спала уже долго и крепко, после большой дозы обезболивающего и снотворного. В полутьме Нэя не могла видеть бабуш-

кино лицо, она боялась подойти к ней раньше, чем та проснется. Смотрела издали, с противоположного угла комнаты на спящее, умиротворенное тело.

Бабушка проснулась ближе к полуночи. Нэя готовилась встретить ее совершенно беспомощной, не владеющей телом, однако бабушка выглядела как обычно и даже кашель не приходил больше приступами.

— Здравствуйте, Лия Николаевна. Я буду с вами до утра, потом меня кто-нибудь сменит, — бодро начала Нэя, подойдя к бабушкиной кровати. — Как вы себя чувствуете?

— Здравствуй, — слабым голосом ответила бабушка, но чем больше слов она произносила, тем увереннее он звучал. — Как видишь, болею. Чувствую, что немного лучше, но... болит, Нэя. Все болит. Сама уже не засыпаю, дают снотворное. Тревога какая-то. Не отпускает. Знаешь, сколько дел, сколько забот? А я тут лежу... и все не могу набрать сил. Уже два месяца никак на ноги не встану, из одной больницы в другую.

В словах Лии Николаевны звучала и досада, и горечь, и жалость к себе. Все это было понятно Нэе. Если уж она сердится на судьбу при малейшей простуде, что же говорить о бабушке?

— Мне, Нэя, надо выздоравливать. Надо хоть немного окрепнуть. Почему столько уколов делают, капельниц, процедур, а тело слабеет? Женя новых врачей находит, а результат тот же. И дышать как-то тяжело. Боюсь, что задохнусь, понимаешь?

И это Нэя понимала.

— Все время думаю... Надо мне в Одессу ехать, столько дел там! Выплаты заморозили по пенсии, надо разбираться. Без меня никак не решить.

— Подождите, Лия Николаевна, о вас здесь заботятся, дети вас не бросят, денег на все хватает. Не волнуйтесь вы так. Даже если пенсия пропадет — и ладно! Вам надо сейчас о здоровье думать.

— Нет, нет! Надо ехать, непременно ехать. Все время в голове вертится, не могу об этом не думать. Надеюсь, к маю...

«Неприменно надо ехать». Этого Нэя уже не в силах была понять. К чему это стремление, такое настойчивое желание бороться за то, в чем мало толку? Жалкие гроши, за которыми Лия Николаевна приезжала в Одессу раз в полгода, могли обеспечить только двухнедельное проживание там. О чем она думает сейчас? Умирая. На финишной прямой, по которой она уже даже не бежит, потому что нет сил. Неужели она ничего не чувствует? Не понимает, что происходит?

То, что пенсия для бабушки была единственным оставшимся островком самостоятельности и утратить его сейчас, когда власть ее во всем остальном уменьшалась пропорционально увеличению боли, было так же смертельно, как сам рак, Нэя поняла позже, значительно позже. А в тот день она смотрела на Лию Николаевну с высоты своих идеалистичных воззрений и ее брала досада.

Ночь тянулась долго. Как пунктирная линия. Нэя засыпала, наступая на какую-то совсем недалекую и короткую ступень бессознательного, потом снова оказывалась в палате, где бабушка смотрела телевизор и по толку и стенам бежали разноцветные блики кадров. Из сна ее выбрасывала любая мелочь: скрип кровати, покашливание, вздох. Резко приподнимаясь

на локтях, находясь еще где-то на полпути к сознанию, Нэя спрашивала: «Всё в порядке?» И, получив утвердительный ответ, снова засыпала.

В восемь утра в палату вошла медсестра, быстрыми движениями сделала бабушке укол, высыпала на тумбочку горсть таблеток, разделив их ладонью на три части.

— Как спалось? Пospали хоть? — Вопрос прозвучал так, будто был обращен к глухому.

— Немного.

Бабушка слышала хорошо, поэтому инстинктивно вжалась в кровать.

— Вот и славно. Через час к вам придет дежурный врач. Пока отдыхайте.

Принесли завтрак. Лия Николаевна сама встала, затянула халат, чтобы выглядеть опрятнее, и заявила, что страшно проголодалась. Это был хороший знак.

Нэя никак не могла примирить свои ожидания с реальностью, которая встретила ее в бабушкиной палате. Конечно, ее радовало то, что страхи не оправдались. Чувство юмора не покидало старого человека, как и стремление к самостоятельности, и даже аппетит. Странно было знать, видя перед собой немного слабую, но вполне активную женщину, что внутри нее происходят необратимые разрушительные процессы. Не может быть, это сон или какая-то ошибка! Вон же — ходит, говорит, смеется, беспокоится о делах, строит планы...

— Нэя, — позвала ее бабушка (было видно, что она пытается на что-то решиться, но не уверена). — Я бы хотела тебя попросить... Я уже давно не была в душе, а здесь, знаешь, не очень удобно одной. Может, ты могла бы обтереть меня влажным полотенцем? Мне очень неловко просить, но неизвестно, когда Женя придет. А хотелось бы до прихода врача как-то привести себя в порядок.

— Конечно! Мне совсем не трудно! — Нэя ответила бодро, со всей готовностью, хотя внутри у нее все леденело.

Она налила немного теплой воды в поддон душевой кабинки. Когда Лия Николаевна сняла рубашку, девушка намочила полотенце и начала ее обтирать — медленно, аккуратно, боясь каждого прикосновения. Все тело бабушки было покрыто гематомами, мелкими рубцами. Особенно руки: вдоль вен — ни одного нетронутого места. На запястьях — катетеры, окровавленные бинты. Кожа собиралась на костях гармошкой, провисая в области бедер и плечевых мышц. В одежде бабушка не казалась Нэе такой тощей. Может, и не была раньше? В области паха, где уродливо выпячивался шрам от операции, Лия Николаевна рукой прикрывала грыжу. Дома она всегда носила бандаж, который скрывал этот изъян, но здесь она была незащищена в своем несовершенстве. Она стеснялась своего тела, однако не могла ничего изменить. Тело предавало ее — так ей казалось.

Нэя же видела в этом изможденном организме всю глубину страдания. Никакое молодое и здоровое тело не способно так полно выразить собой Божий замысел человека. Любое тело — это холст, на котором человек пишет свою жизнь. Каждая морщина, царапина, родинка, шрам, уродство — это штрихи уникального портрета. Старееющее тело почти окончательный шедевр. Нэе не хотелось смущать бабушку пристальным взглядом, она

опустила глаза и все остальное время, пока омывала ее, смотрела на свои руки. На молодые, гладкие руки — еще не заполненное пространство собственного холста.

Врач не пришел ни через час, ни через два. Нэю должна была вот-вот сменить младшая дочь Лии Николаевны, когда он наконец появился.

— Ну что, спали сегодня? Ели? — Слова врача звучали резко, он явно был раздражен чем-то, о чем Нэя не имела понятия. — Значит, так: анализы ваши я посмотрел, вам необходимо следить за диетой. Понимаете, в таком возрасте надо заботиться о том, чтобы продукты шли на пользу, а не наоборот. Припухлость с ноги, вижу, немного спала, значит, лечение действует. Что медленно — так это нормально в вашем случае.

— В каком случае? — Бабушка внимательно вслушивалась в каждое слово врача.

— Ну, в связи с вашими... — он осекся, сообразив, что зашел на опасную территорию, и раздражение его только усилилось, — с вашими общими проблемами после операции. Так. У вас есть ко мне вопросы?

— Дышать тяжело. Почему так дышать тяжело?

— Я скажу, чтобы вам дали кислород, подышите немного. Если больше нет вопросов, пойду дальше. Я сегодня один на вас всех. А вы, девушка, — обратился он к Нэе, — пойдете со мной на минуточку, поможете мне.

Едва они отошли от двери, тщательно прикрыв ее, врач набросился на Нэю с упреками:

— Что это вы такое удумали — скрывать от нее? Думаете, не догадается сама? Вот уже и дышать тяжело! Спрашивает меня почему. Ясное дело, живого места почти нет в легких. Подумайте хорошенько: надо ли вам в эти прятки играть? Неделю-две мы еще можем ее понаблюдать, а дальше вас возьмет только онкология. Все равно сказать придется. Я, конечно, обещание дал и сдержу его. Но имейте в виду, это ничем хорошим не кончится.

Развернулся и ушел. Нэя соображала быстро, однако ответить что-либо на это нелепое обвинение в ее адрес не успела. Была бы ее воля, может, и рассказала бы. Да в чужой семье свои правила, и не ей их нарушать. Из-за дверей палаты послышался тяжелый, надрывный кашель. Долгий. И Нэя поспешила вернуться к больной. Она переступила порог и подняла глаза на Лию Николаевну.

Та сидела на кровати, держась рукой за грудь, и, глядя ей прямо в лицо страшным, бескомпромиссным взглядом, прохрипела:

— Я скоро схохну!

Впервые Нэя увидела в бабушкиных глазах такое отчаяние. Лия Николаевна устала. Устала бороться с неизвестным, что захватывало ее тело, органы, отнимало силы и жизнь.

Глава 9

— Да, это сумасшедшие деньги! Но, Саша, это единственная возможность не сидеть сложа руки! Никакая химия все равно не дает гарантий, ты это знаешь. Мы же сами ее убьем своим бездействием. Не рак убьет, а наше равнодушие!

— Послушай, я все понимаю. Только это же экспериментальное лекарство — кто будет отвечать за последствия? Ты хоть думаешь об обратной стороне?! Я уже не говорю о том, что у нас просто нет таких денег.

Стены палат частной клиники, куда перевели Лию Николаевну, видимо, были оснащены звукоизоляцией. Иначе Нэя не могла объяснить, почему сестры затеяли этот спор именно здесь — в десяти шагах от человека, которому даже не сообщили о критичности его состояния. Кричали без оглядки на медицинский персонал, больных и Нэю, которая пришла навестить бабушку.

— Я знаю, что это риск. Я просто не вижу другого выхода! Обычная химия ей противопоказана. А здесь... Саша, вдруг сработает? Да, не вылечит, но она побудет с нами еще пару месяцев, а может, и лет! Я найду деньги. Беру это на себя. Мне просто нужна ваша поддержка, всей семьи. Хотя бы моральная!

— Женья! Мы всегда с тобой! Только пойми: финансово мы никак не сможем помочь. И мне все равно страшно, что не выйдет. Ты и ее, и себя измучаешь этой мнимой надеждой!

— Лучше хоть какая-то надежда, чем совсем никакой... Даже если за нее придется заплатить миллион.

Женья заметила Нэю и подала знак сестре, что разговор окончен и решение принято. Они втроем прошли в палату к бабушке, которая отдыхала после обеда. В последнее время она часто дремала, на чтение и даже на телевизор уже не хватало сил. Бабушка была рада любому общению: сама она говорила не очень много, но слушала всегда с удовольствием.

— А знаете, Лия Николаевна, — Нэе хотелось чем-то порадовать ее, — я рисовать начала. Давно уже собиралась и вот решилась. Нашла курсы. Папе ничего не говорю, хочу сначала посмотреть, что получится. Работа работой, но поняла, что теряю время. Хочется рисовать, вижу какие-то картинки в голове, краски, оттенки. Есть предощущение картины. Значит, надо пробовать. Правильно?

Лия Николаевна медленно покивала:

— Правильно, Нэя. Жизнь... короткая. Ты талантлива, все получится.

— Спасибо!

Нэя перебирала события последних дней, чтобы сказать еще что-нибудь. Ничего, абсолютно ничего, что могло бы быть интересно. Несколько раз она порывалась начать фразу и передумывала. Все это мелко, не то.

Вдруг она вспомнила:

— Лия Николаевна, я ведь Сонечку видела! Лера приезжала на днях с детьми к Жене. Такая Сонечка уже смышленная, большая. Смешно так лепечет о своем. Но, честное слово, я ничего разобрать не могу. Она мне игрушку протягивает и что-то такое говорит вдохновенно. А я не понимаю. Мы конструктор в вашей комнате нашли, она так ловко собирает его.

Бабушка улыбалась: она наслаждалась рассказом о ребенке. Она представляла себе Сонечку, которую в последние месяцы видела только на фотографиях. Ей так мечталось обнять ее, поцеловать макушку растрепанных коротеньких волос, взять обе щеки в ладони, а потом прижать всю малышку к себе. Бабушка вспоминала, как держала ее новорожденную,

как вдыхала ее молочный запах. Ей хотелось, так хотелось быть сильнее, быть здоровой — ради Сонечки. Она уже не злилась на обстоятельства, что-то в ней перегорело, однако это воспоминание о маленькой девочке, которую она любила, словно разбудило ее.

«Да, возможно, Женя права: стоит хвататься за любую соломинку, — подумала Нэя, глядя, как оживает старушкино лицо. — Никто не знает заранее, что будет. Но как было бы хорошо, если бы бабушка жила подольше!»

Первый курс нового лечения сразу же дал результаты. Лия Николаевна почувствовала прилив сил, активно начала двигаться, не позволяя никому себя обслуживать. Это было похоже на долгожданный праздник.

Шла Пасхальная неделя, придавая всему происходящему оттенок чудесного. Бабушку привезли на выходные домой. Нэя помогала накрывать на стол и не особо присматривалась к Лии Николаевне, которая сидела у окна в новом кресле, купленном специально к ее приезду. Бабушка смотрела на правнуков, мельтешащих перед глазами, неотрывно, впитывая в себя это беспорядочное энергичное движение. Мельком Нэя увидела старую тоску в ее глазах. Она оставила посуду и подошла.

— Всё в порядке?

— Да... — осторожно ответила Лия Николаевна и оглянулась, нет ли поблизости дочерей. — Нэя, только тебе и могу сказать. Я не знаю, что со мной. Вчера весь день чувствовала себя как будто здоровой и даже сегодня с утра. Но сутки без капельниц — и я опять слабею. Не могу им ничего сказать. Я ведь в курсе, что это лекарство, которое Женя привезла, оно безумно дорогое. Мне так хочется оправдать их надежды, а у меня не получается. Я не справляюсь, Нэя! Это большая ответственность, я не в силах ее нести! И сказать им не могу... не хочу их еще больше расстраивать.

Говорить было неудобно: в комнату в любую минуту мог кто-нибудь войти. Нэе хотелось успокоить бабушку или хотя бы обнять. Но она отошла обратно к столу, обернулась несколько раз и, увидев, что та снова ушла в себя, продолжила раскладывать посуду.

К вечеру Лии Николаевне стало совсем нехорошо, и было решено везти ее обратно в больницу. Несколько дней она держалась на обычных капельницах, затем пришло время второго этапа лечения. Все шло неплохо: состояние оставалось стабильным; бабушка звонила родственникам и знакомым, заверяя, что чувствует себя хорошо.

А потом — потом открылось кровотечение. Откуда оно взялось и с чем было связано — этого не могли сказать даже врачи. В общей панике перевезли бабушку в хирургию. Прооперировали, остановили кровотечение. Стало ясно, что продолжать лечение бессмысленно. Начали отказывать почки.

Лия Николаевна медленно приходила в себя, пытаясь принять свое новое состояние. Для нее уже не оставалось иллюзий. Когда она очнулась от наркоза, рядом были все, кроме самых младших. Страх читался в каждой паре устремленных на нее глаз. Все старались справиться с собой, осознавая, что бабушке нужна поддержка, ласка и покой, но ни у кого не выходило.

— Неужели это конец? — едва слышно произнесла бабушка. — Я что, умираю?

Ни тени упрека не было в ее словах, хотя она прекрасно понимала, что дети всё знали и скрывали от нее. Они подарили ей надежду и отсрочили на несколько месяцев те страшные вопросы, которые встали сейчас перед ней.

Наступило время отпустить все лишнее и остаться наедине с собой. Бабушка уже ничего не рассказывала и ни о чем не спрашивала. Редко просыпалась, послушно ела. Через несколько дней ее речь начала напоминать детский непонятный лепет, редкий, скомканный. Она еще различала родных, однако путала имена и чаще просто подзывала рукой или мычала.

Меньше слов стало и между родными. Они сосредоточились на том, чтобы окружить бабушку заботой, теплотой, отдать все накопленное за эти годы, невыраженное. Обиды, недомолвки, раздражающие мелочи — все это стало неважным.

Когда Нэя пришла к бабушке, чтобы попроситься, она впервые в жизни узнала, что любовь может быть осязаемой. Воздух в палате был плотнее. Теплый, и его можно было черпать ладонями. Нэя чувствовала, что эта любовь — вещественна, хоть взглядом ее не уловить. Как облака, которые из окна самолета кажутся взбитой ватой, а внутри один воздух и не видно мельчайших частиц, из которых они состоят.

Больная спала. Женя сидела на соседней кровати, пролистывая в телефоне страницы очередного медицинского форума. Она не хотела мириться с очевидным. Нэя присела рядом с ней, тронула за руку и тихо спросила:

— Ну как ты?

— Сложно. Так резко все изменилось... Нэя, как ты думаешь, это я виновата? Вспоминаю последние месяцы... Сначала так хорошо было, она даже расцвела, помнишь? Начала бодриться... Что же случилось? Почему так?

Женя редко плакала: она предпочитала вставать в позу борца и бить жизнь в ответ каждый раз, когда та ее обижала. Сейчас ее голос звучал воинственно, она была готова защищаться от чужих обвинений, но от собственных ее никто не мог защитить. Какова была доля ее вины в том, что бабушкин организм в конце концов сдался? Ускорило ли лечение этот процесс или замедлило? Стоило ли оно тех денег, что на него потрачено? В Жениных глазах случившееся было подобно внезапной катастрофе, у которой должна быть очевидная причина, а начало спровоцировала чья-то вина. Судьба, Бог, случай — этих понятий Женя не принимала.

— Я никогда не смогу примириться с этим, никогда не смогу простить себя... Я сделала это собственными руками. Я так хотела, чтобы она дольше ощущала нашу любовь! А теперь...

По Жениным щекам потекли горячие струи. Нэя поняла, насколько все серьезно для нее. Бабушка уйдет, она отмучается, она простит всех. Уйдет в вечность, и там... Почему-то Нэе казалось, что там будет хорошо, будет легче. Но Жене нести этот груз еще долго. Жить с ним, засыпать с ним, принимать решения — новые решения, от которых, может быть, будет так же зависеть чья-то жизнь. Все для нее будет теперь происходить с оглядкой на этот внутренний безапелляционный приговор.

— Женья, никто тебе не ответит на этот вопрос. Никто не знает, в чем причина. Так было надо. Ничего не происходит просто так. Посмотри! Оглянись еще раз на эти месяцы. В феврале врачи говорили, что она не протянет и недели. Женья! Она прожила еще три месяца. Это очень много. Ты подарила ей эти три месяца, вы все. Так — хорошо умирать! Только так и хорошо.

Глава 10

Ночью Нэю рвало. Рвало три часа подряд, и она ничего не могла с этим поделать. Она сидела над раковиной на стенке ванны и пыталась заглушить идущие изнутри рыдания и позывы. Никогда бы не подумала раньше, что так может быть, что есть такие эмоции, которые перекрывают доступ рассудку, захватывают, не давая опомниться. Кто тянул ее за язык, когда она снова предложила свою помощь? Да и кто она этой семье, чтобы они согласились оставить бабушку в таком состоянии с ней?

«Нет, пусть... Все правильно. Им тяжелее. К тому же никто не говорит, что это случится завтра. Может, минует... Просто посижу пару часов, буду делать что скажут. Потом кто-нибудь заменит меня... Побуду с ней еще чуть-чуть и уйду. Ничего не случится», — успокаивала себя Нэя.

Она пришла в больницу утром. Вокруг бабушки уже суетился персонал. Резко упало давление, вызвали дежурного врача с другого отделения (шла пересменка).

— Нэя, пока вроде бы уладили, стабилизировали ее. Но как-то мне не по себе, боюсь оставлять тебя одну. — Разговаривая с Нэей, Саша все время гладила бабушкину руку. — Если бы не срочный заказ... Надеюсь, за пару часов все решу и вернусь, да и Женья обещала часа через три подъехать.

— Ничего, три часа я продержусь. Все будет хорошо. Буду звонить вам, если что. Уверена, ничего не случится. Тем более я в любую минуту могу вызвать Галю, она поможет.

— Хорошо. Знаешь, мама сегодня ночью поднялась и так четко сказала: «Он зовет меня, Саша!» Думаю, это она о папе. Она очень тосковала по нему эти годы. Как-то боязно мне, Нэя. Но ты права: за три часа ничего не случится.

Время, наполненное напряжением, тянулось для Нэи невероятно долго, однако это были особые минуты ее жизни. Переступая через природную стеснительность и неловкость, которую ощущала перед немощным телом, она старалась окружить его осязаемым теплом. Нэя держала бабушку за руку, сидя на краю кровати, то отодвигаясь, то придвигаясь ближе. Она не знала, как надо правильно сидеть, как держать руку, чтобы не задеть катетеры, что говорить, как реагировать. Каждая минута пребывания в палате ставила перед ней десяток вопросов, на которые она не могла ответить, а подсказать было некому. Лия Николаевна уже не говорила, сиделка ушла к другим пациентам, а медсестры после утреннего кризиса еще не появились в палате. Отойти от бабушки на минутку, чтобы позвать кого-нибудь, Нэе даже не приходило в голову.

Пока все было стабильно, главная задача состояла в том, чтобы при-
слушиваться к дыханию больной, поить водой из чайной ложки и пытаться
кормить — хоть по капле, раз в десять минут. Нэя видела, что бабушка
не находит в себе сил открыть глаза или промыгчать, как могла еще вчера,
но слышит ее, откликается на просьбы: «Ну давайте хоть ложечку. Надо
поест. Чтобы были силы. Маленькую ложечку». Лия Николаевна по-
слушно открывала рот и пыталась проглотить вязкую кисельную жижу.
Иногда проглотить не получалось, и тогда Нэя аккуратно вытирала ей губы
салфеткой, говоря: «Ничего страшного, я сейчас вытру. Давайте попро-
буем еще разочек».

Лия Николаевна уже не могла управлять своим телом. Одну только
левую руку она, прилагая усилия, сжимала и разжимала, поднимала и бро-
сала опять на постель. Это был последний оплот ее власти. Сдавленный
хрип заставил Нэю вздрогнуть. Не открывая глаз, громко вдыхая кисло-
род через трубку в носу, бабушка подняла ладонь и показала в сторону ног.
Девушка, до этого сосредоточенная на деталях: собранных вместе пальцах
правой руки, краях одеяла, чертах лица, оглядела больную целиком и уви-
дела, что ее тело сползло вниз и ноги уперлись в борт кровати. Она испу-
галась и быстро набрала сиделку.

По лицу сиделки сложно было понять, что та чувствует: то ли раздра-
жена, что ее оторвали от какой-то другой работы, то ли искренне озабочена
причиной вызова. Голос ее звучал бодро и уверенно — это успокаивало
Нэю. Она обрадовалась Гале, как последнему человеку на Земле.

Галя быстрым шагом прошла в палату, указала Нэе место у бабушки-
ного изголовья и скомандовала:

— Я ее подниму, а вы изо всех сил дергаете подушку наверх. Осталь-
ное я сделаю сама.

Нэя почувствовала что-то вроде радости: впервые за этот день она
знала, что и как надо делать. Ей бы хотелось, чтобы Галя задержалась
подольше, не оставляла ее наедине с собственной неопытностью, руково-
дила бы ею. Энергия этой женщины питала ее. Как спокойно, по-деловому
она поднимает кукольное тело бабушки! Оно нелегкое, Нэя это знает, од-
нако в руках Гали все пациенты — невесомые марионетки. Она поправляет
голову, сдвигает ноги — одна к другой, придает положение рукам. Только
левая, от локтя, еще сопротивляется. Самостоятельно выписывает нелепые
фигуры в воздухе и ложится у бедра на одеяло. И подбородок — задира-
ется и опускается снова.

— Ничего. Ничего, хорошая. Сейчас будет лучше. Так ведь удобнее?

Галин вопрос не требовал ответа. Маленькая дань уважения к еще
живому человеку.

Только сейчас Нэя заметила, что окно приоткрыто на четверть, но ба-
бушке от этого было легче: на щеках появился румянец и дышала она ров-
но. Галя ушла. Нэя натянула на себя свитер, снова села на кровать и взяла
бабушкину руку в свою, с обеих сторон накрыв ладонями. Лия Николаевна
не противилась, она как будто дремала. Нэя начала аккуратно поглаживать
ее кисть, желтую, прохладную на кончиках пальцев. Девушка вдруг по-
чувствовала, что все бабушкино существо, обреченное на неподвижность
и молчание, откликается на эту внезапную нежность. Лия Николаевна

сжала Нэину руку и напрягла грудь, пытаясь объясниться. Нэя поняла эту благодарность без слов.

Через пару часов позвонила Женья:

— Привет! Как там бабушка? Какие новости? Врач заходила? Мерили давление еще раз? Как сейчас? — Она сыпала вопросами, беспокойно прерывая саму себя. — Скоро уже будем. Держись пока. Узнай, когда там тихий час. Нас пустят?

— Изменений нет, пока все стабильно. — Нэя решила сперва успокоить Женю. — Стараюсь кормить и поить, часто, но иногда не проглатывает. Врач не приходила. Давление попрошу померить. Про тихий час мне Саша сказала, что с трех до четырех и никого не пускают.

— Мы, скорее всего, не успеем к нему, будем сразу после.

— Хорошо, не спешите.

«Не спешите...» — эхом звучало в Нэиной голове, и это были ее собственные слова. Может, как раз надо, чтобы поспешили? Может, только это сейчас и важно — спешить, пока не поздно?! Нэя смотрела на Лию Николаевну. Ласково и растерянню. А тревога росла, глупая, неподвластная ей, горькая тревога. Время снова текло лениво, медленно — метрономом бабушкиного дыхания отсчитывая последние часы ее жизни.

Глава 11

— Как больная? Как давление? Так. Катетеры совсем пустые. Вы ее вообще поите? Как прошла ночь?

Врач ворвалась в палату, оставив двери открытыми. Это была молодая женщина со светлыми волосами и приятными чертами лица. Грубый голос и жесткая манера совершенно не шли ей.

— Давление вроде лучше, чем было. Кормить и поить стараюсь. — Голос Нэи звучал запуганно. — Ночью с ней была дочь, я ничего не знаю. Скоро приедут родственники, они смогут вам ответить. Я здесь случайно, я временно... Просто дежурю.

Врач обошла кровать с двух сторон, присела, подняла бабушкину руку, послушала, посмотрела зрачки, встала, обошла бабушку еще раз. Она слушала Нэю и в то же время изучала бумаги, переданные медсестрой.

— Понятно, — наконец сказала она. — Мы переводим ее в реанимацию. Снимайте все: одежду, кольца, нательный крест. Будем провозить через рентген, ничего металлического не должно быть. Как разденете — позовете сестру, она отвезет.

Мгновенно — именно так разлилось по Нэиному телу осознание реальности. Она проснулась. Будто весь день, все эти месяцы она дремала, а теперь, ослепленная ясностью неизбежного, увидела, что происходит. Ярко. Холодно. Ее начал бить озноб.

— Подождите. Как в реанимацию? Ведь все нормально? Давление не такое низкое, как с утра, нет никакого кризиса. К четырем часам приедут ее родные — это они должны решать.

— Девушка! Ничего уже не надо решать! Здесь у нас нет необходимого оборудования, нет реанимационного аппарата. — Не прерывая речи, врач обернулась к бабушке: — Вы меня слышите? — Она произнесла этот

вопрос на много тонов выше, чем до этого, пытаюсь прорваться к тонущему бабушкиному сознанию.

Лия Николаевна слегка повернула голову в сторону чужого голоса и, напрягая каждый мускул усталых век, широко раскрыла глаза. В них не было уже ничего: абсолютно белые, навывкате от напряжения, эти глаза непонимающе, испуганно устремились на невидимый им объект. Да, они еще были «зеркалом души», но отражали уже только ее тень, бьющуюся о стенки иссохшего тела в поисках выхода. Две секунды Лия Николаевна пробовала сосредоточить взгляд на чем-нибудь, а потом сдалась — обессиленно сомкнула веки и опустила подбородок.

Нэя тихонько спросила врача:

— А из реанимации ее смогут перевести потом обратно?

Врач удивленно посмотрела на Нэю. Она даже немного позавидовала наивности девушки, потому что точно знала: в таком состоянии из реанимации не возвращаются.

— Нет, она останется там. Необходимое пусть родственники передадут через охрану.

Последние слова она проговорила уже в дверях, а закончив, развернулась и быстрыми шагами направилась в соседнюю палату. В критические моменты Нэя умела действовать сосредоточенно и с той необходимой скоростью, при которой паника не успевает одолеть раньше, чем окончится действие.

«Действовать. Не задумываясь. Делать что-нибудь. Что? Что важно? Жень!»

В телефоне она услышала совсем не Женин голос.

— Кто это?! Позовите Женю! Срочно!

— Подожди. Не гони. Это Коля. Мама сейчас в душе. Что-то ей передать?

— Коля! Это срочно! Срочно, понимаешь?! Пусть перезвонит, как только выйдет! Бабушку переводят в реанимацию. Попасть к ней будет уже нельзя. Коля, слышишь?! Пусть перезвонит! Я не знаю, что делать!

«Дальше... Надо раздеть. Как? Как это сделать? Галя!»

Нэя набрала сиделку. Та сбросила. Значит, сейчас придет. Посмотрела на часы: четырнадцать пятьдесят пять. Пять минут до тихого часа... Ну почему они не поторопились, не приехали раньше? И тут она вспомнила, как сама сказала Жене, чтобы не спешили.

Наконец пришла Галя:

— Что случилось?

— Лию Николаевну переводят в реанимацию! Врач сказала — раздеть полностью и снять металлическое. Одна я не смогу, я даже не знаю, как это сделать правильно...

— Не волнуйтесь. Сейчас всё сделаем. А почему переводят?

— Не знаю. Просто пришла, посмотрела. Ничего толком не объяснила, сказала: «Готовьте в реанимацию».

— Ясно. Так, Нэечка, будете мне помогать.

Галя резко сдернула с бабушки одеяло, скомкала и оставила его в ногах. Затем начала аккуратно приподнимать полы ночной рубашки. Сначала Галя справлялась одна. Перевернув бабушку на левый бок, она подпернула край рубашки с правой стороны — до живота. На Лии Николаевне

не было беля. Сиделку уже давно не смущали подобные вещи, Нэя же не могла смотреть спокойно на это обнаженное, изуродованное медицинскими манипуляциями тело. В ней сталкивались отвращение и жалость, а еще — стыд.

Именно стыд охватил Нэю в ту минуту, когда оголились ягодички умирающей женщины. Она смутилась, но не подала виду, хотя все внутри нее кричало: «Как это гадко! Как гадко быть беспомощным... Как гадко умирать!» Она наблюдала за Галей: та была спокойна, сосредоточенна. Девушка охватила взглядом всю фигуру бабушки, и чувство стыда и смущения отпустило ее. Все это уже неважно! Перед ней лежал живой человек, со своим, пусть уже ускользающим, внутренним миром. Он еще дышал, еще слышал, еще понимал! Это был Человек... и даже больше — это была Женщина.

Нэя помогла Гале освободить от одежды бабушкины руки и снять рубашку через голову. Перочинным ножиком перерезали веревочку, на которой Лия Николаевна носила крест. Галя осторожно сняла с руки кольцо. Теперь время шло беспощадно быстро; в дрожи и суете Нэя действовала механически, не отдавая себе отчета в том, что это последние минуты, которые она проведет с Лией Николаевной.

Командам врачей могла сопротивляться только Женя. Она бы не успокоилась, пока бы не убедилась, что реанимация — единственно верное решение. Еще утром, когда у бабушки резко упало давление, она закидала Нэю сообщениями о возможных причинах этого и о том, как не допустить рецидива. Нэя вспоминала абсурдные Женины рассуждения, стоя посреди палаты с маленьким серебряным распятием в руках. На минуту она позволила себе застыть и почувствовать, что происходит. Одну минуту в ней стонало сострадание, однако силой воли она остановила зарождающиеся рыдания — не время! — и снова включилась в работу.

Когда с бабушки сняли рубашку и носки, она оказалась абсолютно голая. Это произошло как-то вдруг. И так же вдруг осозналось не только Нэей, но и бабушкой. Лия Николаевна, ничем не прикрытая, инстинктивно пыталась свернуться, прикрыть наготу руками. Обездвиженное тело как будто начало двигаться — по миллиметру — к центру кровати. Ноги не могли подтянуться, но голова склонилась к груди и руки беспокойно тянулись к бедрам. Левая рука достигла цели, правая продолжала стремиться. В носу у бабушки по-прежнему торчали трубки, она вдыхала кислород еще спокойно — всей грудной клеткой. Почему Галя вышла в эту минуту? Почему не накрыла бабушку одеялом? Сложно понять, только ли смущение владеет ей или же она ощущает холод из приоткрытого окна и пытается согреться. Где Галя, черт возьми?!

Нэя вновь взяла бабушкину руку в свою:

— Потерпите немного, сейчас кто-нибудь придет. Это временно...

Из коридора медсестра крикнула в палату:

— Готовы? Убирайте кислород и вывозите в коридор!

Галя оказалась в дверях одновременно с медсестрой и сразу же направилась к кислородному аппарату. Взгляд Нэи был сосредоточен на бабушке.

«Можно ли унижить человека еще больше? Можно ли сильнее страдать? Что же дальше с ней будет? Понимает ли она? О, понимает!»

Лия Николаевна уже три дня не дышала самостоятельно, без кислорода она теряла равновесие, теряла опору жизни: она задыхалась. Галя выключила аппарат и выдернула, именно так показалось Нэе, трубки из ноздрей. Нэя не знала наверняка, сколько минут прожила бабушка, но осталась уверена на всю жизнь: Лия Николаевна умерла вместе с тем — несостоявшимся! — вдохом, который судорожно искала, оставшись без поддержки аппарата, — и не нашла. Она широко открыла рот — напрягая грудь, глотая по-рыбьи воздух, потом вдруг отпрянула всем телом назад и, словно делая какой-то финальный прыжок, выдохнула все, что еще оставалось внутри.

Нэя не была матерью, и тайна родов для нее продолжала быть тайной. Но инстинктивно, по-женски она вдруг почувствовала этот связующий момент рождения и смерти — момент неизбежности исхода и принятия его. Так умирать может только женщина. Лия Николаевна испугалась смерти — она пугает каждого! — однако в долю секунды вместе с судорогами страха в ней родилась и покорность неизбежному. Последние минуты были лишь работой тела.

Лию Николаевну накрыли одеялом и увезли в коридор. Там замешкались — искали бумаги. Потом подкатили к лифту, который полторы минуты не приходил. Нэя два раза приближалась к бабушке: ей казалось, что та уже не дышит. Лия Николаевна как будто дышала — спокойно, ровно. Лишь после Нэя узнала, что это не было дыханием.

Глава 12

Нэя с минуту простояла у захлопнувшихся дверей лифта. На автопилоте дошла до палаты. Уже неспособная сопротивляться эмоциям, она металась по палате — из одного угла в другой — соображая, что делать дальше. Надо было чем-то себя занять. Стала машинально переставлять вещи. Затем почувствовала, что дрожит. Подошла к окну и закрыла его. Не помогло. Она посмотрела в окно: зеленый май! За эти полдня Нэя забыла, что сейчас май. Что на улице все цветет и пахнет травой. Очертания обычной жизни потихоньку начинали возвращаться в ее сознание.

Она попыталась составить в голове план дальнейших действий. В палату бабушка не вернется, значит, можно собрать одежду, лекарства. Женя скоро придет, она разберется. Нэя заметила, что держит что-то в руке: она забыла прибрать бабушкин крестик. Простой шнурок с серебряным крестом, маленькое выпуклое распятие.

Она не знала, как бороться с ознобом, который владел ею все это время. Пробовала внутренне расслабиться, закрывала глаза и заставляла себя не думать о реальности. Она чувствовала это давление, но еще не понимала, что никакой силой воли ей с ним не справиться.

Телефонный звонок подействовал на Нэю как пощечина, заставил ее собраться с мыслями.

«Еще ничего не закончилось, надо держаться и соображать». Звонила Саша.

— Нэя, как ты? Что там у вас?

— Александра Валентиновна! Лию Николаевну увезли в реанимацию! Я пыталась дозвониться до Жени, она была в душе. Я не знала, что делать... Я ничего не смогла изменить.

— Так. Поняла. Нэя, послушай. Успокойся. Ты сделала все как надо. Не вини себя. Я сейчас вызываю такси и еду к тебе.

Снова одна. Снова пустая палата. Еще двадцать минут назад все было иначе...

— Нэечка, как вы? — Это вошла Галя.

— Не знаю... — прошептала Нэя.

— Я бы хотела, знаете, просто напомнить. За вчера Женья оставляла денежку, а за сегодня я не нашла. Вы не могли бы у нее спросить?

— Конечно. Мне она ничего не говорила, но, я думаю, она сейчас приедет и расплатится с вами. У меня просто нет с собой...

Нэя понимала, что, несмотря на чью-то беду, человеку положено заботиться о насущном, однако внутри все ныло от этого понимания.

— Хорошо. Я зайду тогда позже. Держитесь, Нэечка. Вы храбрая девушка.

Храбрая девушка в этот момент отдала бы все на свете, чтобы быть трусихой. Чтобы иметь право дрожать в уголке, не скрывая эмоций. Чтобы никто не ждал от нее решений, не надо было «держаться». Нэя думала о себе, жалела себя. Вспоминая о бабушке, она просила для нее одного: чтобы это поскорее закончилось. Но и боялась того же. Если бабушка умрет сейчас, она, Нэя, будет виновата в том, что не удержала ее до приезда родных. Они уже едут, они должны быть вот-вот. Осталось пятнадцать минут до четырех. Женья прорвется, даже в реанимацию! Она все сделает, чтобы быть рядом!

Приоткрылась дверь. Нэя встала с кровати, подавшись вперед. На пороге стояла врач, та самая, с красивыми светлыми волосами. Глаза чуть опущены вниз.

— Ваша бабушка умерла.

То, что вырвалось у Нэи в это мгновение из груди, было похоже скорее на радостный вскрик, чем на стенание убитого горем человека. Она не знала, почему так. Ей бы стыдиться таких эмоций, но она не могла. Бабушка умерла — значит, все закончилось! Значит, нет больше боли, мучений, неизвестности. Все уже решено. Для всех решено. Для всех окончено.

Врач не понимала, что происходит с Нэей. Она присела рядом и начала говорить, утешая:

— Понимаете, как она мучилась? Ну сколько бы она еще прожила — час, два... Мы ее даже до реанимации довести не успели.

Бланк с выпиской из журнала о регистрации смерти лежал у нее на коленях. Она осторожно, все еще боясь задеть Нэины чувства, попросила расписаться в его получении. Отдала бумагу, сказала: «Примите мои соболезнования». И ушла, прикрыв за собой дверь.

Неужели все? Вот так: раз — и все? Неужели больше ничего не будет? Бабушки не будет...

Зазвонил телефон.

— Нэя, мы уже здесь, внизу! Через пять минут, сказали, начнут впускать. Саша сказала, что мама в реанимации. Сейчас разузнаем, как можно туда попасть!

— Женья! Она... она умерла, Женья. Все закончилось...

Женья молчала. Пауза становилась невыносимой.

— Когда? Когда она умерла?! — Голос в трубке еще пытался сохранять стойкость, но уже прерывался.

— Двадцать минут назад, — посмотрела Нэя на бланк.

— Когда ее увозили... какая она была? Руки были холодными? Синели?

— Нет, Женья, они были теплыми, все было так же, как утром.

— Нэя! Жди нас, уже скоро... как только откроют... — И Женья разрыдалась.

Пару секунд Нэя слышала ее. Она знала, что там, внизу, Женья не сдерживает слез и ее утешают, обнимают муж и сыновья. Они вместе — вместе сопротивляются новому и вместе примут его.

Здесь же, в этой опустевшей палате, чужая этой семье, горе которой ей пришлось пережить как свое, она будет сопротивляться, и принимать, и снова прокручивать в голове этот день, и переживать его — в одиночку. Из недр, из самой сердцевины ее вырвались наружу рыдания. Радость сменилась ощущением потери. Нэя сидела на кровати, раскачиваясь телом, и тихо плакала, беззвучно, но так горько, как никогда в жизни.

Время тихого часа закончилось, прошло еще десять минут, потом еще пять... Наконец Женья вбежала в палату. Она остановилась рядом с Нэей, долго смотрела на нее, села рядом и крепко обняла. Они плакали вдвоем, обнявшись. И каждая — о своем потерянном, об ушедшем вместе с бабушкой.

Вечером собрались дома. Нэю тоже приглашали посидеть вместе, вспомнить последние месяцы. Она еще не была готова пройти заново этот путь — через воспоминания, через слова. Ей было больно. Внучки привезли детей, и Нэя вызвалась посидеть с ними.

Бабушка давно уже не жила толком в своей комнате — маялась по больницам, но никто из родных не трогал оставленных ею вещей. Халат, который она сняла, перед тем как ехать в последний раз, так и остался лежать на краю кровати. Несколько ампул с лекарствами на тумбочке, телефонная книжка, листочки с записями...

Сонечка за руку водила Нэю по квартире. «Дай!» — командовала она, указывая на синий мячик. «На!» — кидала его Нэе, и та не успевала ловить. Сонечка говорила совсем чуть-чуть.

Последний раз девочка видела бабушку около месяца назад, тогда она только лепетала. Они разглядывали картинки с динозаврами в большой Колиной книге. Помнила ли это Сонечка? Кажется, дети так быстро все забывают...

Мячик укатился в бабушкину комнату. Сонечка побежала за ним. Подняла с пола и огляделась по сторонам. Словно искала глазами кого-то. И вдруг четко сказала:

— Бауфка?

Впервые.

— Да, малыш, здесь живет бабушка.

И сколько бы лет ни прошло, она будет здесь. Будет всегда с тобой.

Анжела ПЫНЗАРУ

УРОКИ СААМСКОГО

* * *

ты уедешь на запад
а я на восток на ближний
приручать голубей и смирну и
возможно не встретимся даже
где-то на середине
и вспомню как ты говорил
что мои груди как чашечки
мальвы а глаза

забуду
кто-то оставил закладкой
цветок цикория на страницах
исхода

* * *

крыши для дождя
и стучит с утра

туман чтобы не видело
небо
пока мы целуемся и снимаем одежды
и не отличишь где
что это урок рок
пока мы
пока я
пока ты

* * *

утром выходя на берег
иду сквозь рощу или
она сквозь меня
мужик спросонья курит пьет кофе
предлагает мне сигарету
этот бы меня понял не то что ты

огромный пластмассовый медведь
у мусорных баков и собака бродячая
рассматривает его с интересом
выходной день еще не начался
все спят
на краю утеса паучье гнездо меж
осенних голубых ромашек
если это знак то что же он означает
или все проще как туман
укрывший реку и горы
потерянность и растерянность
на едва угадывающихся берегах енисей
обрываются свистом проходящего поезда

* * *

что перышки весенних птиц
в грязи на берегу
следы инонебесного
жития святых
запоздавших к всеночной

скошенная трава взывает к жизни
вертикальной

лесную дань с нас спрашивает выдра
меж бревен притаившись

и голубика черная к утру

* * *

и эти воды и это небо
леса рябины
яшень и открытые на закате окна
и из них музыка что играют не знаю
времени нет собирай чемоданы
да не забыть бы взять в дорогу
нет я уже не вспомню
шум самолета газнокосилки смешались в это утро
сорока провожает и стрижи
да белый бог в обличии вороны

* * *

та лестница к морю не вела
открывалась горчайшей полынью
и лопухами
сине-сиреневыми чернилами
грецкими орехами домами
и стеной глухой больничной

с козами всегда сложно
они неразумны жаловался пастух

о слушай
она у меня коза делится ты и пастух
кивал а море оно здесь и не здесь

на кладбище миндаля

море пружинило не шумело
спокойное внизу

как та змея в руках
женщины
на вокзале
утром
когда приехали

уроки саамского

1.

у саами (почти у всех) голубые глаза
у тебя тоже могли бы быть глаза саами
вздых
если бы столько не плакала
застиранное небо балтики
застало меня врасплох
такое низкое что вот-вот упадет
всем на голову
несколько туч мордашками уткнувшихся в землю
как олени в ягель
ветер долгие и короткие гласные
едва коснувшись трав
Ничто
пристально вглядывающееся в меня
ранним утром
на краю волн
но я пока не готова к взаимности

2.

ее стон из глубин потерянных земель
вечно влажных от весенней капли

почему никогда не вздыхаешь
или не по кому

наши мужчины понимают только стон женщины
им слова ни к чему
просто вздыхай каждый раз проходя мимо

и я вздохнула и он отвернулся к морю

* * *

смотрю как ходишь по комнатам
как собираешь вещи
как не уходишь

без губ
как целоваться без губ без рук как обниматься без рук
как камень камню я промолчу тебе
не уходи

* * *

когда мы расстанемся я думала
по меньшей мере случится землетрясение
а ничего не было
просто я плакала а ты уезжал
на берегу я махала тебе какой-то футболкой белой
чтобы ты увидел с парома
но ты не увидел
невозможно было увидеть
на следующий день я это проверила
и ветер чуть не снес меня с палубы в море
оттуда виден и дом и собор и точка
возможно это сосна ни запятых ни тире ни линий
одна лишь точка октябрьская ягода можжевельная

* * *

утром пройдя по комнате
взор охватил заколку для волос
булавку кольцо сердолик
потом подойдя к окну
горы

как умирание весной доступно взгляду
мой сердолик мой зверь

степной океанический прощу
не надо
только не этой весной

* * *

на камне том я не сидела
а болела
лучами солнца волной речной
и ангелом мирской воды

чужая изгородь у дома
вся зацвела рябиной черной

как неживая
открылась дверь

в квадрате белом
ведро колодец и сестра

стрекозиными крыльями астры
стеклышки на ветру

бьют в дождь

я уже здесь
я никуда не уйду

* * *

в конце путешествия спишь
холодный дом напоминает о зиме
под тяжестью одеял (будто под снегом)
травой пригнувшейся
зрачок еще запоминает небо
полоски туч и линию берега с деревьями
в квадрате окна

* * *

и виноградники вернулись
октябрьским вечером

и западный ветер уже не ласкает
все это в прошлом
мне снится журавль
белый как остров дальний
на что я надеюсь

Владислава ВАСИЛЬЕВА

ПЕНСИЯ ДЛЯ ЦАРИЦЫ

Р а с с к а з

— Сколько вам, Алена Антоновна? Тридцать три? Девочка еще. В вашем возрасте мне казалось, что я все могу. Все! Все мне подвластно, всего я могу добиться. Прекрасный возраст!

Глаза начальницы районного управления статистики, Светланы Васильевны Моисеевой, сияли ласковым голубым светом, а нежный голос струился, обволакивая, лстя, почесывая за ушком нового, вчера только принятого на работу, юрисконсульта.

Предыдущий уволился с большим скандалом перед самым полугодичным отчетом, мстительно бросив на стол начальнице только стопку невнятных черновиков. Но не на ту напал. Светлана Васильевна нашла юриста буквально в последние дни работы дезертира. Пусть без опыта, ничего: под ее чутким руководством девочка всему научится.

«Девочка» выглядела слегка оглушенной. Пока еще Алена пребывала в испуге от резкого поворота своей судьбы. Неделю назад она спокойно работала на государственной службе. Работала давно, обязанности свои знала вдоль и поперек. Немножко ныла, что не устраивает зарплата, но жизнь ее была вполне стабильной. А потом буквально на минутку заскочила по делам службы в районное управление статистики — и вот она уже в новой должности, о которой имеет самое смутное представление. К тому же на временном месте. Основной работник находится в отпуске по уходу за ребенком, и полтора года из этого отпуска уже прошли. Логически все верно, убеждала себя Алена: здесь выше зарплата, и здесь, наконец-то, пригодится диплом юридического вуза. Все хорошо. Только глаз дергается.

Сейчас она сидела перед полной, красивой женщиной с чрезвычайно ласковым голосом — своей новой начальницей. Алене эта женщина нравилась — и голос, и одежда, подобранная с большим вкусом, и тяжелые темно-красные серьги, с достоинством покачивающиеся при каждом движении головы. Цвет серег удачно сочетался с цветом шейного платочка.

— Где же вы нашли такой холодный оттенок красного? Я сама искала и не смогла, — восхитилась Алена.

Светлана Васильевна польщенно засмеялась. Они немного пощебетали о приятных для каждой женщины вещах: украшениях, помадах, нарядах. Солнце лилось в большие окна с низкими подоконниками, немножко путалось в желтых блестящих шторах и белом, почти деревенском тюле. Интерьер кабинета остался, видимо, еще с девяностых: пластиковые панели «под дерево» и линолеум с паркетным рисунком. В кабинете было свежо и уютно, все плавало в золотистой ласковой дымке. Какая прекрасная,

умная женщина, как она поняла и оценила ее, думала Алена. И еще она любит читать, это чудо!

— К сожалению, наши работники очень мало читают, — доверительно поделилась Светлана Васильевна. — Я даже завела небольшую библиотеку. Вы не видели? В шкафу у секретаря. Там можно взять любую книгу. Правда, интересуются в основном детективами и любовными романами. С одной стороны, понятно. Но ведь надо и расти духовно! Как бы нам с вами, Алена Антоновна, приучить их к серьезной литературе?

Алена млея в лучах внимания и любила всех сотрудников — читающих и не читающих. Ну зачем им читать? Не надо, мы и без них чудесно общаемся, думала она. Но вслух, разумеется, сказала другое. О необходимости психологической разгрузки.

Когда она наконец вышла из первого кабинета управления, разомлевшая от комплиментов, в коридоре уже стояли несколько человек, молча ожидая возможности зайти. Алена смутилась. Ей казалось, что ее могут осудить или — кто знает? — даже позавидовать ей. Но коллеги смотрели равнодушно и проходили мимо, в открытую дверь, как взрослые проходят мимо соседского ребенка. Казалось, они не возражали бы, проводи Алена в кабинете начальства и целый день.

Однако же Валерия Николаевна Кокосова, кадровик управления, разделившая кабинет с новым юристом, высказывала начальству сомнения по поводу «девочки»:

— Чудная она, ох и чудна-а-ая!

— Чем же?

— Какая-то неженственная. Хоть бы накрутилась, что ли, юбочку надела. А то — как мужик. И отчет делает — руга-а-ается!

— Значит, делает? Вот и хорошо. Все будет нормально, Валерия Николаевна. А там, может быть, и Татьяна из декрета выйдет.

Но опытная работница кадров поджала губы: мол, пожалеете еще, что, не посоветовавшись, принимаете на работу подозрительных людей.

Алена неодобрение Валерии Николаевны, конечно, чувствовала. Но сильно о разговорах за спиной не беспокоилась. Да и что о ней могут сказать? Не накрашенная? Ну не любит она это дело, подумаешь. Ей хотелось поскорее разобраться со своими обязанностями, чтобы не выглядеть глупо. А когда она во всем разберется, то, конечно, ее оценят и полюбят. Пока же она то и дело изливала соседке по кабинету свои восторги. Какая Светлана Васильевна умная! Какая интеллигентная! Как вникает в каждую мелочь! А как одета!

Валерия Николаевна выслушивала молча и, выражая недовольство всей своей крупной фигурой, отвечала:

— Она-то пусть такая. А ты-то хоть понимаешь, что место у тебя временное? Вре-мен-но-е! Может, Танюшка уже через два месяца выйдет. Точно. Выйдет к концу лета. Ты бы лучше работу себе искала.

— Мне Светлана Васильевна сказала, что расширение скоро будет, ставку второго юриста дадут, — лепетала Алена.

— Ты меня спроси. Спроси-спроси! Хлопотала она о расширении? Просила второго юриста? И не будет, помяни мое слово. Наобещать-то она мастер. Ищи работу, мой тебе совет.

Убежденность Валерии Николаевны и дергающийся глаз сделали свое дело. Скрепя сердце Алена приступила к поискам работы.

Друг Сашка, вызвавшийся помочь, спросил с пониманием и сочувствием:

— Ты у Моисеевой сейчас? Знаю, знаю, сука редкостная. Мать моя у нее работала. Не бойся, найдем тебе что-нибудь.

Алена так удивилась, что промолчала. Второй раз она удивилась, когда встретила на улице Татьяну, на месте которой работала. Татьяна прогуливалась с коляской, но, увидев Алену, притормозила.

— Ты как? — спросила Алена. — Выходить собираешься? А то вот искать работу, не искать?

— Не знаю, — протянула Татьяна, — денег маловато, конечно. Как в детском саду приживемся.

Потом помолчала и, искоса взглянув, спросила небрежным тоном:

— Как там Моисеева? Всё досье собирает?

— Какое досье?

— Не собирает, нет? Раньше, если кто из сотрудников накосячит, она все бумаги копировала и по папкам раскладывала. На всех папки завела.

— Такого нет, — сказала Алена тоном недоверчивым и даже немного оскорбленным.

— А, ну-ну... — хмыкнула Татьяна и покатила коляску дальше.

Неунывающий Сашка работу Алене нашел. Ни много ни мало, а заместителем начальника юридического отдела в налоговой инспекции. И Алена совсем уж было собралась уходить и с тяжелым сердцем объявила об этом Светлане Васильевне, но та так интенсивно, так горячо принялась убеждать Алену в скором расширении штата, что проходил день, другой, третий, а заявление об уходе оставалось не поданным. Да и в налоговой спохватились насчет замначальника: как же на такую должность без опыта работы? И предложили место, хоть и главного, но специалиста. Алена отказалась. Мысленно она уже привыкла к должности зама и начинать с «понижения» не хотелось. А штат управления статистики, действительно, расширили. И сияющая начальница объявила Алене, что теперь та постоянный сотрудник.

Вникнуть в работу оказалось не сложно. Нужно только вычитывать все законы, все постановления и указы, всю судебную практику по статистике — в общем, делать то, что Алена просто обожала. Тогда цифры на бумагах обретали смысл и знакомый вид: это возраст, это код местности, это стаж и количество детей... А вот это, в правом нижнем углу листочка, итоговая сумма, выводимая по формуле, предписанной все тем же законом. От итоговой суммы зависело положение гражданина — будет ли он учтен в льготном списке или в обычном, рядовом. А то, может быть, и вовсе никакого списка пока не заслужил. А льготный список — это всё. Это работа лучше, отпуск длиннее, кредиты больше и процент по этим кредитам ниже. В общем, то, что для статистики арифметика, то для граждан — живые деньги. В суд приходили те, кто пытался доказать несправедливость формулы или неумение работников управления ее применять. Алена же доказывала гражданам, а главное, судьям, что формула гарантирует социальную справедливость.

То множество разнообразных судебных дел управления, которое с первого взгляда показалось Алене хаотичным и чрезвычайно запутанным, вдруг разделилось на несколько вполне понятных категорий. По од-

ним делам возражения на исковые заявления граждан были давно разработаны юристами Главного управления статистики. Того самого, что находится в красивом высотном здании в центре Москвы и начальствует над всеми областными и районными управлениями. Отступление от разработанных канонических текстов приравнивалось к вредительству и каралось... страшно подумать, как оно бы каралось, если бы кто-то осмелился это сделать. Другие дела были еще новыми, ранее не опробованными, и утвержденного текста возражений на иски не имели. Относительно них начальство пожимало плечами. Как Алена поняла, по таким делам можно и проиграть — спросу особого не будет. Но поскольку больше всего на свете Алена любила логические задачи с красивым, нестандартным решением, то, обложившись законами, указами, перепиской с государственными органами и прочими бумагами, имеющими хоть отдаленное отношение к теме, она писала, переписывала — и создала свои собственные возражения. И неожиданно выиграла! Дело обжаловалось в областном, затем в Верховном суде — решение оставалось в силе. Алена чувствовала себя математиком Перельманом, доказавшим гипотезу Пуанкаре.

Пока Алена решала задачки, жизнь управления шла своим чередом. Поскольку Алену приняли на постоянное место, а Татьяна все еще не вышла из декретного отпуска, то на работу взяли новую сотрудницу. В кабинет, и без того маленький, внесли третий стол, третий стул, и напротив Алены разместилась Ольга, девушка прибалтийского типа — беленькая, стройная, немногословная. Была она разведенной и вечно сидела без денег. Одежду носила дешевую, иногда чужую. Иногда мужскую: брат отдавал свои старые куртки. Как-то сразу выяснилось, что мама с папой Оле не помогают, да и детство ей выпало нелегкое. В общем, опекать Ольгу было приятно. Ей тут же нанесли кучу одежек от старших дочерей — на донашивание. Ольга благодарила и брала, почему же нет. Отдавая, Олю просили тут же все примерить и восхищались ее модным видом и своей добротой. Правда, однажды все дружно одобрили старую мохеровую кофту с рисунком в виде павлина на спине, которую Оле отдала мама. Яркая, тебе идет, сказали все. Алена, обычно погруженная в свои бумаги, отвлеклась и удивилась. Она прекрасно помнила эти черные, с цветной спинкой, кофты. Их носили все в году примерно восемьдесят пятом. Схему вязания этой кофты опубликовали в журнале «Работница», и это была бомба! Женщины в управлении не могли этого не помнить. Но сейчас двухтысячные, да и кофта сваялась до войлока.

— Это же мама отдала! — объясняли ей.

— А как носить? — не понимала Алена.

Но на нее зашикали, замахали руками, и она замолчала.

Личная жизнь Ольги тоже стала предметом общественных забот. Вдруг выяснилось, что Оля встречается с парнем моложе ее на семь лет. Семь! И мамы, имеющие молодых сыновей, вздрогнули: «Мы-то ее, бедную, жалели, одевали, а она вон как! И паренек сирота, некому его защитить от старухи-то».

— Брось его! Нехорошо, не морочь парню голову, — наставляли ее хором Светлана Васильевна, Валерия Николаевна и даже завхоз Тамара Михайловна.

Оля, впрочем, на все выпады отвечала неопределенной улыбкой и твердым игнорированием любых высказываний. Девушка оказалась с характером. Алена пыталась объяснить Валерии Николаевне, что Оле двадцать семь, а мальчику двадцать — и оба молоды, но примитивная математика не интересовала никого.

— Семь лет! Се-е-емь! Он себе девочку найдет невинную. На что ему эта старуха-разведенка, и с дитем к тому же? Морочит только парню голову. А если б твой сын такую привел? — И Валерия Николаевна вздрагивала всем своим крупным телом, представляя, как ее старшенький Мишенька приведет разведенную бабу старше его самого, не дай бог еще и с довеском.

— Какую угодно — мою ровесницу, с четырьмя детьми, лишь бы ему хорошо было! — запальчиво отвечала Алена. Подумав, прибавляла: — Только чтобы не пила и не кололась. И чтобы отдельно жили.

— Наговорила, половина не годится, — фыркала Валерия Николаевна, сердито отворачиваясь.

Матерью она была сумасшедшей, над детьми, Мишенькой и Ташенькой, тряслась. Растить их приходилось одной, в вечных трудах и заботах. Мужа бывшего то ругала — он развелся с ней пятнадцать лет назад, то хвалила — за красоту и любовь к детям, но говорила о нем каждый день и называла «нашим папкой».

Впрочем, Алена всего этого почти не замечала. Ее взаимно приятное общение с начальницей продолжалось. Как раз тогда они начали гулять со своими собаками, доходя порой до парка, а то и дальше. Тому способствовала сухая прохладная осень и жадный интерес Алены к личности Светланы Васильевны. Алена слушала о том, как та попала в статистику, как появлялись все новые и новые законы в этой области, просто как грибы после дождя. Как работа стала представлять собой ежедневный кризис, аврал, взятие крепостей и бастионов и как замечательно отдыхать душой в поэзии.

Светлана Васильевна писала стихи.

Что?! Стихи?! Эта новость ошеломила Алену.

К теме поэзии Алена приступать в разговоре побаивалась. Нет, в принципе она понимала, что надо делать. Попросить почитать стихи. Восхититься. Попросить еще. Но тут-то и крылась загвоздка. Алена готова была искренне восхищаться и рассказывать о своем восхищении, но вот врать не умела в принципе. Чувствовала себя при этом неловко, запинаясь — в общем, лучше и не пытаться: что не дано, то не дано. А уж врать о стихах... Главное, умом-то она понимала, что соврать бывает необходимо. Что нет никакой окончательной истины относительно поэзии, а если и есть, то содержится она уж точно не в Алениной оценке. Но соврать не могла и обычно выпаливала свое мнение раньше, чем успевала подумать. Ну не глупость ли? Она хотела увидеть эти стихи, надеялась всей душой, что найдет в них что-то хорошее, — и боялась: что, если нет?

В общем, Алена испугалась, запуталась и начала с вопроса:

— А кто ваши любимые поэты?

Думала, Светлана Васильевна назовет некоторые известные имена и на этой почве можно будет прийти к общему знаменателю. А потом плавно перейти к собственным стихам начальницы.

Но ответ получила неожиданный, что-то вроде:
 — Вася Пупкин. У него было опубликовано два или даже три стихотворения в «Дне поэзии» 1998 года.

Алена оторопела:

— А Пушкин?

— Школьная программа, — сказано было снисходительно: мол, Агнию Барто еще вспомни.

— Бродский?

— Еврейская поэзия! — презрительное фырканье.

— Пастернак?

— Заумь вообще.

— Ахматова, Цветаева?..

— Бабскую поэзию не люблю.

Черт, черт, черт! Просить почитать стихи уже не представлялось возможным.

— Светлана Васильевна, ну какие-нибудь более известные имена назовите! Из признанных поэтов кто вам нравится?

— Рубцов. У него есть необыкновенные поэтические находки. Например, о снеге он говорит, что тот «присугробился»... Вот как!

Черт, черт, черт... И всё? Это все критерии? «Присугробился»?

— Подождите! Есть же стихи, написанные просто. Не знаю... «Мой дядя самых честных правил»?..

Светлана Васильевна пожала плечами:

— Рифмованная проза. О чем мы говорим, это же роман в стихах! Роман. В отношении поэзии надо быть честной и не бояться судить резко, да. Помню, какие у нас в литературном объединении были обсуждения — м-м-м, битвы! Здоровенные мужики плакали! Я никогда не боялась сказать правду! — И она сладко шурилась, вспоминая приятное.

Хуже было, когда Светлана Васильевна пребывала в тревожном состоянии духа и начинались разговоры «о них». «Они» хотят занять мое место. «Они» думают, что я должна спать с молодыми любовниками, но я не такая, я развиваюсь духовно! Алена только испуганно хлопала глазами. Мелькнули какие-то обрывочные воспоминания из институтских времен, когда разговаривавший со студентами преподаватель весело рассказывал, что начальник — фигура сакральная и ассоциируется с родительской. Да уж, точно. Ощущение от разговора о «молодых любовниках» — будто подсматриваешь в бане за собственной матерью. И... ну правда же: пятьдесят шесть лет, шестьдесят второй размер — и молодые любовники? Что за идея вообще? Или Алена чего-то не понимает?

Ходили слухи, что когда-то, в начале девяностых, к таким шалостям была привержена начальница налоговой инспекции города, что верно, то верно. Но там был особый случай. Начальница налоговой, молодые предприниматели, девяностые годы... Все это вместе — как будто твои собеседники голодны, а у тебя имеется буханка хлеба: в целом есть шанс построить разговор. Но начальница управления статистики? В чем интерес? Слишком сложная формула, слишком прозрачная система... Нет, этот вариант исключен.

Господи, зачем она вообще пошла с Моисеевой? Что ей во дворе-то с собакой не гулялось?

Осторожно ступая на зыбкую почву и не понимая уже, какую ересь несет с перепугу, Алена попыталась утешить Светлану Васильевну:

— Я читала воспоминания царского министра Витте. Так вот: с одной стороны его родней была Елена Блаватская, с другой — знаменитый историк Карамзин и один известный путешественник. И там все родственники такие. Только один саратовский дядюшка подкачал. Витте пишет про него: «Добился всего лишь поста мирового судьи и окончил жизнь ничтожным человеком». Это я к тому, что — ну что такое должность начальника управления статистики? Может быть, «они» и не думают о вашем кресле!

Весь идиотизм сказанного дошел до Алены только дома.

— Вот я дура! — жаловалась она мужу.

— Э-э-э... да, — хмыкнул муж. — Долго она тебя не вытерпит.

Как в воду глядел, но это стало ясно гораздо позже. Пока же Аленины суды выигрывались, жители района были бессильны прорваться к заветным льготам, Светлана Васильевна парила на крыльях могущества.

Граждан, посмевших, дерзнувших бросить вызов Статистике, Светлана Васильевна считала недалекими наглецами. Но граждан, знакомых с ней лично и все-таки осмелившихся подать в суд, — причисляла к наглецам опасным:

— Уже доказано, что мы правы! Как та же Лимончикова могла? А?! С каким лицом стояла там и говорила, что мы ошибаемся! Но бог все видит, он уже наказал эту женщину за такое отношение к статистике.

— Наказал?

— А вы не знали? У Лимончиковой ведь ребенок умер, — с удовлетворением сообщила Светлана Васильевна.

«Ты видишь? — говорили сияющие глаза начальницы. — Ты знаешь, с кем сила!»

Радуйтесь, мол, Алена Антоновна: вы в правильной команде.

И чувство эйфории стало убывать. Розовые очки потускнели, Алена вдруг заметила то, чего раньше не видела. Например, как исчезали люди после больничных. Был человек — и нет его. «А как он собирался вообще работать с больным сердцем?»

Не все сдавались так просто, некоторые сопротивлялись, пытались доказывать свою полезность и компетентность. Тогда в кабинет к диссиденту тяжелым, нездоровым шагом отправлялась заместительница Светланы Михайловны и тихим голосом объявляла, что необходимо сделать перестановку. «Столы расставлены нерационально. И поэтому на столах бардак. А бардак на столе — это бардак в голове. Не надо спорить. Думаете и решаете здесь не вы. Передвигайте, что смотрите!» И сопротивление оказывался сидящим в углу, лицом к стене. «Покажите, что вы успели сделать за день? Что это? Ах, таблица... Шрифт слишком мелкий, а границы столбцов слишком бледные, надо жирнее. Нет, это не работа! Плохо».

Выжившего и перетерпевшего оставляли в покое приблизительно через полгода, с нервным срывом и понижением в должности. О понижении он просил сам, буквально умоляя в своем заявлении перевести его на нижестоящую должность — по состоянию здоровья, а также в связи с некомпетентностью. Но самостоятельное решение об увольнении не при-

ветствовало. Кадровик Валерия Николаевна грудью вставала на выходе. Что значит «увольняешься»? Куда? Хочешь всю жизнь у мужа денег на колготки просить? А тут, слава тебе господи, вовремя и в срок. И премия в конце года, уж доработала бы. Приняли тебя, выучили, в должности повысили — а ты что ж? Нехорошо. Начальство ругает? Иди к Светлане Васильевне, прощения попроси. Покайся...

Особая статья — рожаящие. Ну, первого еще ладно. Но второго! И главное, от кого? Были б хоть мужья хорошие, а то так, недоразумение одно.

— Ну и что им теперь, всем от твоего Кокосова рожать? — хмыкала Алена.

— Да они хоть понимают, как трудно одной-то с двумя детьми остаться? — взвизывалась Валерия Николаевна. — Куда они рожают-то? Кому?

— Да, Алена, ты просто не знаешь, — поддакивала завхоз Тамара Михайловна, она всегда с энтузиазмом принимала точку зрения «кадров». — А попробуй-ка одна с двумя!

— Валерия Николаевна, — упорно продолжала лезть туда, куда ее не просили, Алена, — вот у вас двое. Мишенька и Ташенька. Кого из них не надо было рожать? Когда надо было на аборт сходить?

Валерия Николаевна недовольно отмахивалась: что там эта Алена понимает в женской жизни! Что они все понимают? Жизнь у Валерии Николаевны и правда была нелегкой. И кто ей хоть раз помог? Кто протянул руку? Из инструментов выживания — только дар тотальной лояльности. Умение быть милой, нужной, согласной с начальством. Всегда. Подать, принести, не мешать. Зато дети, хоть и без папки, а как сыр в масле катаются. Все для них, а кто им еще поможет?

Но бывало, что люди становились «врагами народа» и без видимых причин. Просто вдруг Валерия Николаевна начинала поговаривать, что у «этой» — и называлась фамилия, — по всей вероятности, не все в порядке с головой и это уже прямо-таки заметно и опасно. Как же так, недоумевала Алена, вчера же еще все нормально было. А вот теперь проявилось, говорила Валерия Николаевна. Наверное, полнолуние. Как-то странно «эта» разговаривала со Светланой Васильевной, и взгляд такой... Светлану-то Васильевну не обманешь, всю жизнь с доктором прожила. Теперь Алена и сама заходила к начальнице с опаской: мало ли что та в ней вдруг «увидит».

Не получающая больше своей дозы восхищения, Светлана Васильевна стала охладевать к новому юристу. Тем более что в победоносной ранее судебной практике произошел перелом: группа граждан дошла до высших инстанций — и все изменилось. Граждане получили свои льготы, а служба статистики сдала позиции.

Однажды в конце осени Валерия Николаевна, вернувшись с обеда, который всегда у нее проходил в компании с начальством, горделиво объявила: Светлана Васильевна примет участие в городском конкурсе «Женщина-руководитель года». Кому же, как не ей, это всем понятно. Да, строга. Да, и отбелит и отчернит мама не горюй. А кто сказал, что легко руководить сотней человек? Все ради выполнения-перевыполнения.

Алена понимала. Можно иметь миллион претензий, но учреждение работало как часы. Никаких перекуров. Никаких чаепитий. Всё по звонку.

Но и обед по звонку, и окончание трудового дня тоже. Никто не задерживался после работы, никто не выходил в субботу-воскресенье. Это ли не счастье для работающих женщин? Правда, поговаривали, что и в других районных управлениях порядки не хуже, но кто знает точно? Алена не знала, сравнивала исключительно со своей предыдущей работой.

На столе у Валерии Николаевны появились фото и документы, освещающие жизнь женщины-руководителя со всех сторон. Про крепкий брак Алена знала, про двоих взрослых, уже разлетевшихся из гнезда детей — тоже. А вот фото молодой Светы Моисеевой увидела впервые. Со снимка на нее смотрела красивая худенькая девушка с лицом ведущей НТВ Татьяны Митковой. Умный, твердый взгляд, тонкие губы. Такая далеко пойдет!

Лежала на столе у Валерии Николаевны теперь и книжка стихов Моисеевой с автографом автора и дарственной надписью. Как зачарованная, Алена открыла ее, все еще побаиваясь, но и сгорая от любопытства, что же могла написать эта девушка с пытливым взглядом...

Алена пыталась вчитаться. Взгляд проскальзывал по строкам, как по хорошо смазанным рельсам. («Аннушка уже разлила масло», — неожиданно вспомнилось Алене. Ох, не надо было открывать эту книжечку!) Про себя не получилось. Шепотом. Надо было найти хоть что-то и непременно похвалить: точную метафору, свежее сравнение, неожиданную рифму... только бы не молчать, когда так пристально смотрит на нее приближенная к телу номер один Валерия Николаевна. Описание русской природы, ага... Не то чтобы банально, но как-то не точно. Слова буквально расползаются, не давая читателю сложить из них картинку или историю. К каждому существительному прикрепляется прилагательное, порой даже оригинальное. К каждому образу — сравнение. Но непонятно, почему именно это. Чем оно заслужило право стоять тут? Алена вспомнила рассказы о «разборах» в литературном объединении. Наверное, для критики Светлана Васильева находила правильные слова, раз здоровенные мужики плакали...

Алена встряхнула головой: надо сосредоточиться.

Раздел «О любви» был чуть более личным, но что-то знакомое мерещилось в образе лирической героини. Ой, ну конечно! Содержание любовных стихов Светланы Васильевны вполне укладывалось в заданную формулу: «Давно это было. Мы с тобой встречались, любила я тебя безумно. Пришлось расстаться, но ты забываем. Будет ли тебе так же хорошо с другой?» Перед внутренним взором Алены тут же предстало воображаемое литературное жюри, сплошь из поэтов-мужчин, она буквально увидела, как эти мужчины кивают красивыми седыми головами: правильно, мол, пишешь, правильно...

— Не знаю, что сказать... — Алена осторожно положила книгу обратно на стол Валерии Николаевны.

— Что ни говори, а мы с тобой так не напишем! — сразу откликнулась та.

— Вот, золотые слова! — обрадовалась Алена. — Согласна на сто процентов.

Конкурс прошел, и его результаты были удовлетворительными, имя Светланы Васильевны прозвучало веско и солидно. Но победу жюри присудило не ей, за что и было проклято Валерией Николаевной на веки вечные:

— Кому отдали? Смешно сказать — парикмахерше! Поду-у-умаешь, салон она открыла. А на плечах Светланы Васильевны такое учреждение огромное, и все сама, все сама! Небось, парикмахерша стрижет кого надо бесплатно, вот и выиграла. Коррупция одна кругом! А так-то куда ей с Моисеевой тягаться?

— Но та-то хоть сама все сделала, — неожиданно раскрыла рот обычно помалкивающая Ольга. — А Светлана Васильевна — что? Сама статистику придумала? Сама зарплату всем платит? И без нее управление бы работало. Смена начальников — дело обычное, от этого еще ни одно учреждение не закрылось.

Алена с удивлением посмотрела на Ольгу: смелое высказывание, она бы так не рискнула. Хотя... сама часто ляпнет, а потом только сообщает, стоило ли.

— Разве что сама в начальницы выбилась, — закончила свою мысль Ольга.

— Да и то, честно сказать, не сама! — неожиданно перешла на шепот Валерия Николаевна. Видимо, информация распирала ее изнутри. — Если б не Владимир Иванович, кто б ее начальником-то сделал?

— А что Владимир Иванович?

— Как это — что? Муж-хирург, да еще начальник отделения — это не шутки, милая моя! Он там с кем надо переговорил, ее и взяли. И то Краевский, говорят, против был, не хотел ее брать. На него из Белого дома надавили. Она его до сих пор боится как огня. Ох, не любит он ее!

— Кого боится? Краевского?

— А кого ж? Трясется прямо вся. Думаешь, почему она сиднем сидит в своем кабинете? Другие-то без конца в область мотаются — к Краевскому на прием, а эта нас только гоняет. Еще как бои-и-ится!

Ольга с Аленой переглянулись. Краевский был всесильным начальником областной службы статистики, его стоило бояться.

Позже Алена увидит этот страх собственными глазами.

Новый год принес всякое. Валерия Николаевна пришла с зимних каникул с рассказами о бесконечных праздничных визитах к нужным людям. Алена, напротив, почти не выходила, только по вечерам — немного развеяться. Сын пропадал где-то по своим подростковым делам, прибегая разве что к обеду, и Алена с мужем наслаждались десятью днями беззаботного счастья. Татьяна одиннадцатого января вышла на работу из декретного отпуска. Ольгу перевели в отдел, где бумажной работы было столько, что статистические дела приходилось таскать домой сумками, чтобы все успевать. Это, с одной стороны, запрещалось (персональные данные и все такое), с другой — поощрялось как признак самоотверженности сотрудников. Зато там, куда Ольгу перевели, оказалось много веселой молодежи, и ей уже не надо было сидеть в окружении тетюшек, осуждающих ее за личную жизнь...

А в феврале Ольга погибла.

В первый понедельник месяца она не вышла на работу. Валерия Николаевна пыталась с ней связаться, потом набрала номер Олиной мамы. Та побежала проверять дочкину квартиру, и уже через час в управлении статистики раздался звонок следователя.

— Светлана Васильевна! Оля задохнулась! — ворвалась в кабинет начальницы Валерия Николаевна, как раз когда Алена была там. — Ваш, говорит, сотрудник? Она, говорит, мертва! Так и сказал: «Мертва»!

— Кто говорит? — уточнила Светлана Васильевна.

— Совсем задохнулась? — не поняла Алена.

Она вообще с этого момента перестала понимать происходящее. Как могла умереть молодая, здоровая, так упорно выкарабкивающаяся из всех жизненных трудностей Оля? Невозможно.

Алена и не поверила. Не верила, когда вместе с Валерией Николаевной поехала домой к Оле забирать из квартиры рабочие бумаги перед опечатыванием. Не верила, когда увидела на столе перед следователем два паспорта и поняла, что Олин парень задохнулся вместе с ней. Угарный газ, пояснил следователь, незаконная установка газовой колонки. Не верила, когда встретила Олину мать, бродящую по подъезду с хмурым лицом, и разбитого горем отца на стуле в углу лестничной площадки — видно, ноги совсем не держали его.

— Отпуск вы ей так и не дали, она все в отпуск хотела, — сказала им в спину Олина мама.

Валерия Николаевна резко развернулась на месте, выдохнула, посмотрела с прищуром и процедила сквозь зубы:

— «Мать»! Бедная Олечка! — Она не нашла другого способа намекнуть Олиной матери, что и та не образец заботы о дочери. Знаем, мол, про тебя.

Алена все равно не верила в Ольгину смерть и не пошла на похороны. На поминках, устроенных в обеденный перерыв в кабинете, Валерия Николаевна причитала: «Олечка, Олечка, что же ты наделала! И паренька с собой утянула...» — а Таня захлебывалась слезами об Олином сынишке, оставшемся без мамы.

Алена же не плакала. Плакать — значит верить, поверить — значит сдаться этой ужасной несправедливости. Умом понимала, а сердцем нет.

Еще несколько лет потом Алена постоянно «встречала» Олю на улице. Да вон же она — ее осторожная близорукая походка, ее фигура, даже одежда ее, не ошибешься! Потом прошло...

А пока, разбирая вещи в Олиной тумбочке, она нашла старый растрепанный ежедневник с расписанием судебных заседаний и стихотворением на последней странице:

Ты — воздух!
 Без тебя задыхаюсь, мне нечем дышать.
 Ты — солнце!
 Не хочу без тебя просыпаться, вставать.
 Ты — радость!
 Нет тебя, и тупая тоска меня гложет.
 Ты — наркотик,
 Кроме тебя, боль унять никто не сможет.
 Ты — ночь,
 Без тебя нет покоя и сна.
 Ты — рассудок,
 Я схожу без тебя с ума.

Ты — счастье,
 Без тебя на земле этой незачем жить,
 Ты — вся моя жизнь,
 Без тебя меня просто не может быть*.

Руки задрожали. Оля писала стихи? Оля предсказала свою судьбу вот этим круглым, детским почерком? «Боже, боже, мне страшно, не хочу бояться одна!» И Алена понеслась в кабинет Светланы Васильевны — показать стихотворение еще одному поэту.

— Смотрите, — только и смогла сказать она. — Олино!

Светлана Васильевна пробежала глазами строки и пожала плечами:

— Рифмованная проза, тут нет поэзии.

— Но...

Светлана Васильевна раздраженно нахмурилась:

— Слабое стихотворение, не о чем говорить. Вы отчет подготовили?

Алена кивнула и молча вышла из кабинета. Стихи мертвой девочки о любви и о собственной смерти. И единственное, о чем говорит эта женщина, — слабые стихи или сильные... У нее нет сердца?

Ежедневник Алена выкинула, он жег ей руки. Да и кому отдать? Матери? Слишком жестоко. Мать пришла в управление с серым неподвижным лицом, написала заявление на материальную помощь «в связи со смертью сотрудника». На следующий день, вернувшись с обеда, Валерия Николаевна заявила, что мать «хапнула» денег. Понятно было, чье мнение озвучено.

Алену понесло:

— Хапнула?! У вас же у обеих дочери! Не хотите «хапнуть»? Нет?

— Светлана Васильевна сказала, что nepозволительно Олиной матери так отзываться об управлении статистики!

Алена только за голову схватилась.

— Зря ты, — утешала ее Татьяна. — Зачем ты?

— Не могла не сказать им!

— Кому?

Татьяна права. Кому она это говорит? Зачем? Что изменится?

Алена замолчала.

Вскоре в управление приехал Краевский. О визите предупредили буквально за час. Глава областной статистики был немного пьян, благодушен и сопровождал московского гостя из числа высокого юридического начальства. Алену вызвали в кабинет. То, что она там увидела... лучше бы ей не видеть этого никогда. Не простят ей этого, поняла она сразу. Так, в общем, и получилось.

Когда она вошла, Краевский и московский начальник юридической службы сидели перед Моисеевой на стульях для посетителей. Стол перед ними пугал пустотой. У Краевского было немного растерянное, смущенное лицо, московский гость наливался раздражением. Как поняла Алена, он рассчитывал на более радушный прием. Или хотя бы на проявление уважения.

— Так вот, если вам интересно мое мнение... — продолжал гость какой-то разговор, начатый без Алены.

* Стихи Елены Киселевой. — Прим. автора.

— Мне? Я ничего не спрашивала! — Лицо Моисеевой было как раз таким, какие в русской классической литературе принято называть «опрокинутыми». И вдобавок на лице вдруг проявилась и тут же попыталась уползти к правому уху дрожащая, но явно саркастическая улыбка.

— Вот! — Гость ткнул пальцем в Алену. — Вот они работают. А ты сидишь тут болванчиком, бумажки только подписываешь! Сама-то что последний раз делала?

«Мне конец», — успела подумать Алена, прикрывая глаза.

— Мы на «ты» не переходили! — Светлана Васильевна, кажется, совсем потеряла голову от страха и, как загнанная в угол мышь, пошла в атаку: — У вас есть еще вопросы к нашему юристу?

— Есть! Как вам тут работается? Какие жалобы?

— Жалоб нет, — отрапортовала Алена, понимая уже, что это ее не спасет, — прекрасные условия для работы!

И ее отпустили.

— Что это было? — спросила она Валерию Николаевну, вернувшись в кабинет.

— Ха! — с мрачным удовлетворением сказала молчавшая до того Кокосова. — И всегда так. Сколько она уже проверяющих обидела! Я как рыба об лед бьюсь: я и чайку, я и коньячку, я и на стол, — а она им все «место указать» норовит. Царица хренова. А в этот раз она меня даже не подпустила, пусть теперь как знает, я-то что? Сам Краевский с москвичом! Что-то будет?..

Визитеры уехали быстро, через два дня командировка высокого гостя закончилась. И отдел кадров областной службы статистики вспомнил, что Моисеева Светлана Васильевна стремительно приближается к своему шестидесятилетию. Столько не работают, тем более в сфере управления. Моисеева пыталась снисходительно ответить, что, вообще-то, Краевский ее ровесник. Ей сказали, что это не ее ума дело, решение тут принимает не она. Моисеева представила длинный список достижений управления за годы своего руководства. «И в чем же тут лично ваша заслуга?» — заинтересовались у нее.

Просить она не умела. Извиняться и каяться — тоже. Плакать? Этого никто не видел. На ее лицо легла и, кажется, приросла навечно болезненная гримаса. Руки все время растерянно перебирали бумаги на столе.

Потом из области посыпались бесконечные запросы и требования найти дополнительное финансирование управления за счет местных муниципальных властей. Таково требование времени и высшего начальства. Моисеева пробовала написать Краевскому письмо, объяснить, что муниципалы на переговоры не идут.

— И что она там написала, — спросила Алена у Валерии Николаевны, — «хэлп ми»?

— Что-то типа того, — хихикнула та. — Он ей быстро ответил. Сказал, не можешь — увольняйся, какой ты начальник? Сроки исполнения вам назначили, говорит, не сделаете — будем прощаться.

Работа сотрудников вдруг перестала удовлетворять Светлану Васильевну. «Плохо. Переделать. Где ваша ответственность? Вечно за вас приходится думать! Вы что, сами не могли? Мы вас повысили, а вы не справляетесь. Премии не ждите».

Объяснительные писали все и каждый день. Поступления премиальных теперь ждали не ради денег, а ради трехдневных каникул — начальница заперлась на три дня с Валерией Николаевной в своем кабинете и отделяла черных козлиц от белых и пушистых овечек. Черных выходило большинство, и вопрос был только в том, кому дать мало, а кому еще меньше. Решение принималось трудно, иногда главный бухгалтер просто умоляла Светлану Васильевну поторопиться, чтобы не нарушить, не дай бог, сроки выплаты заработной платы.

Потом вдруг выяснилось, что коллектив наводнен предателями, играющими «на другой стороне» (спрашивать, на какой и что значит «играющих», — нельзя). И полностью некомпетентными людьми, за которыми приходится все проверять. В отделах начались перестановки. Начальников и замов меняли местами каждую неделю. Процедура этих перестановок напоминала процедуру срывания погон перед строем. «Вы абсолютно некомпетентны. Никчемны. Не справляетесь. Вы не годитесь даже в специалисты. Мы не увольняем вас только из жалости. Даем вам самый последний шанс».

Алену, после сцены с московским гостем, начальница просто видеть не могла — закатывала или отводила глаза. Потом передала через Валерию Николаевну, что в кабинет к ней заходить не надо. Надо передавать все бумаги на подпись через секретаря. Вот так.

Смотреть на все это Алене было страшно и жалко, как на приступ эпилепсии в людном месте. Как на сбывшуюся страшную сказку. Чем помочь впавшей в немилость у Золотой Рыбки старухе? Еще так недавно была она царицей, карающей и милующей собственной рукою. Хор славословящих в те времена звучал громко, а наказанные молча отползали куда-то в небытие, за пределами управления след их терялся. Еще вчера свет окончательной истины исходил от каждого тихо сказанного слова Светланы Васильевны. Сотрудники слушали не критику, а благодушные наставления о том, как наладить семейную жизнь, как воспитывать детей, получали рецепты вкусных пирогов. Горячо благодарили, и все было мирно. И вдруг все кончилось. Страх и боль расходились волнами от кабинета номер один к самым дальним уголкам управления. Как радиоактивная пыль, агония этой карьеры оседала на лицах, документах, разносилась на подошвах сотрудников по городу.

— Что она так паникует, я не понимаю? — спрашивала Алена у Валерии Николаевны. — Ну уйдет на пенсию, так хоть этой муки не будет. Она же поэт. В газету пойдет статьи писать или на телевидение. Дома-то не засидится! С редактором наверняка дружит. Сколько в СМИ статей понаписала про статистику!

— Куда там она пойдет! — устало махала рукой Валерия Николаевна. — Она же со всеми расплевалась в городе — все же «дураки», кроме нее-то! Никто ее никуда не возьмет, господи ты боже мой. Кому оно надо, счастьешко такое?

— Да ладно! Она всю жизнь тут прожила, с кем-то же она дружит...

— Ни с кем. «Я не знаю город, город не знает меня», — вот так она всегда говорит. Уеду, говорит, отсюда. Да и не местная она, после института к нам приехала.

Лет тридцать или сорок назад, прикинула Алена, и ни с кем не дружит.

Это надо понять, внушала себе Алена. Это надо представить. Вот, к примеру, человек чувствует в себе много сил, и ума, и опыта. И вдруг ему говорят: «Прощайте. В ваших услугах мы больше не нуждаемся». И все сделанное до того — не в счет, все обесценено. Но, с другой стороны, разве не случилось то же самое с Валей Пенкиной или Машей Дорониной, которые работали себе всю жизнь в статистике, а виноваты-то были только в том, что легли на месяц в больницу с сердцем? И лет им было столько же, и опыта не меньше, но ведь избавилась же от них Моисеева — да быстро как! — потому что «зачем нам тут больные». Так почему же Моисееву жалче? А бог ее знает... Может быть, дело в том, что одни умеют душе-раздирающе страдать, а другие молча смиряются?

Валю Пенкину Алена видела иногда в городе и здоровалась. Разумеется, та не работала, да и кто возьмет ее на работу в пятьдесят пять? Разумеется, пенсия ее была копеечной, и это было видно хотя бы по черным туфлям из кожзаменителя на низкой подошве — считай, тапкам, — которые Валя носила теперь с весны до поздней осени. Так почему с Валей все как будто в порядке вещей, а у Моисеевой прямо-таки крушение жизни? Вопросы, вопросы...

На работу не хотелось до такой степени, что Алена натуральным образом каждое утро забывала отчества сотрудников и могла обратиться к пожилой бухгалтерше: «Татьяна... э-э-э... не подскажете номер платежки?» На выходные уходила как в отпуск, с чувством, что впереди свобода длительностью в тридцать шесть календарных. Понедельники становились трагедией. Она стала больше читать — убегала от реальности. Из книг предпочитала детективы. Особенно те, где в первой главе находили убитым отвратительного, злобного старика, портящего жизнь окружающим. Сценами с описанием неподвижного тела на полу, застывших луж крови, паники и облегчения среди действующих лиц — прямо зачитывалась.

В один из походов в библиотеку она обнаружила на стеллаже сборник местных поэтов. Помедлила, взяла с полки и открыла. Пролистнула до знакомой фамилии. Стихотворение было о каких-то корыстных, бездуховных людях. Ага, в отличие от автора, надо полагать, скривилась Алена. Ее саму удивила сила токсичной злости, поднявшейся в душе: «Во что я превращаюсь?» Машинально перевернула страницу, и вдруг... черными буквами на белой бумаге сборника:

Ты — воздух!

Без тебя задыхаюсь, мне нечем дышать...

Алена так и села. С фотографии на нее смотрела молодая, хорошенькая, как кукла, женщина с приветливой улыбкой. Алена узнала ее, приходилось сталкиваться. Девушка, написавшая это стихотворение, действительно была милой, работала и в газете, и на телевидении, и везде ее любили. Бывают такие счастливые характеры. Выходит, Светлана Васильевна знала, что это не Олино стихотворение, и знала чье? И не сказала... Как все сложно у поэтов.

Сотрудники увольнялись. Кто мог — уходил в декрет. Рожать вдруг решили все, невзирая на возраст. Когда одна из сотрудниц, старше Алены на несколько лет, объявила, что ложится на сохранение и раньше, чем через три года, ждать ее не следует, Валерия Николаевна фыркнула вслед закрывшейся двери:

— Лишь бы не работать. Ей лет-то сколько? Вот увидите, родит дауна и в детский дом сдаст!

Валерия Николаевна вообще сейчас могла позволить себе все, любое высказывание. Настало ее время. Сотрудники были поделены на преданных и прочих. А Валерия Николаевна превратилась в заботливую мать для начальницы, знала это и с удовольствием брала на себя эту роль. Чего бы ни захотелось ее большому ребенку, Валерия Николаевна умудрялась это обеспечить. «Выговор кому объявить? Сделаем. Помидоров на зиму закатать? Легко. Справка нужна? Водителя пошлем. Не переживайте, скушайте блинок, сама пекла, вку-у-усненький...»

Потом, наконец, пришло известие, что Моисеевой разрешили доработать до конца года, имея в виду получение годовой премии.

С этого момента Светлана Васильевна перестала интересоваться делами статистики. Часто запиралась в кабинете, на входящих реагировала недовольной гримасой. Главное, что требовалось теперь от сотрудников, — не расстраивать и не напрягать. Низкие показатели расстраивают, а проблемы напрягают, инструктировала коллег Валерия Николаевна. Идите и решите все сами, потом доложите. А лучше бы и вовсе не беспокоили.

И коллектив осиротел. Не было больше строгой, твердой руки, устанавливающей правила. Некому наказать, некому и погладить. Куда пойти пожаловаться на «плохих» коллег? У кого попросить премию? Помаялись сотрудники, погрустили, да и стали сами себе начальниками. Каждый теперь мог зайти в соседний кабинет со словами: «Плохо. Это не работа! Вы некомпетентны». Впрочем, и ответить в соседнем кабинете теперь могли тем же.

Алена все отдала бы за возможность сидеть и по-прежнему решать свои юридические задачки... И в конце концов, хоть и с сожалением, она сняла трубку и вновь набрала номер друга Сашки.

Через год Светлана Васильевна жила в одном из курортных районов соседней области, в новом доме, купленном на ту самую годовую премию, и писала стихи. Об одиночестве.

Валерия Николаевна приобрела нового начальника и так же легко нашла к нему подход. Ее жизненная стратегия работала безупречно.

Татьяна оказалась девушкой с железным характером: получила от службы статистики все возможные льготы и повышение.

Алена же работала теперь в другом месте — с веселым молодым коллективом. Куда перешла, правда, с некоторой потерей в зарплате и в продолжительности отпуска. Зато ее любимые юридические задачки были совсем новыми и готовых решений пока не имели.

Однажды к ней подошла девушка, работавшая раньше в администрации города, и, захлебываясь от восторга, воскликнула:

— Ой, я же видела на совещаниях вашу Светлану Васильевну! Такая милая, приветливая, всегда улыбалась!

— Да, она у нас душка, — ответила Алена.

Серафима САПРЫКИНА

«РОДОМ ИЗ УСТЬ-ПОТЁМОК...»

* * *

Спят горемык потомки
Смотрят настырно сны
Родом из усть-потёмок
Где обрелись мы

Сонм матерей невольных
Топот отцовских ног
Нет, не войнушки — войны
Боженька, а не бог

Вечером вместо сказки
Тропка за гаражи
Воздух сгущен и ласков
Топкая жизнь-пожизнь

Век бы глаза не глядели
Память не берегла
Ножичек самодельный
Жалобный плач из угла

Этих краев-окраин
Цельнокирпичная злость
Жги, огонек сакральный
Все, что со мной стряслось

* * *

время равносильными
перебито межами
от николы зимнего
до николы вешнего

свет неяркий, охристый
окружает ободом
и висит над пропастью
образ и подобие
детвора картавая
бродит в райском садике
каин ищет авеля
чтоб подуть на ссадины

се, творю все новое
говорил им отче наш
и слова лиловились
в речи незаконченной

Два стихотворения о войне

1.

воины из-под неволи
жгут обманные огни
васильки на минном поле
синевой пренебрегли
спертый воздух арестантский
звезды мерно колесят
сквозь бесцветное пространство
прорывающиеся
всё чревато столкновеньем
треугольники летят
я качаю на коленях
чьё-то спящее дитя
и пою хрестоматийно
песнь про баюшки-баю
мы живые дезертиры
в этом мертвенном бою

2.

тихонечко лежим мы
в нетопленной подклети
военного режима
опасливые дети

отечна немочь пальцев
сплетенных в узел строгий
зверки, неандертальцы
святые недотроги

снаружи время вздорно
и воздух супостатен
господь неиллюзорный
лишает благодати

но нас никто не тронет
не потревожит больше
не бойся, золотой мой,
не бойся, мой хороший

* * *

верещит воробьиное радио
голосов заглушая гам
их коротенький праздник свадебный
волхвования злой там-там
подчиняясь внезапной прихоти
я тянусь безотрывно вниз
и внутри меня зреет тихая
чревоточина, атавизм
это дар упраздненной гласности
мстит мне пристально и умно
и чириканье птиц опасное
потешается надо мной

* * *

мы гадали — прогадали
врет волчок, как ни крути
валерьянковые дали
корвалольные пути

ужас мой великопостный
смерти очный циркуляр
костяной натянута остов
стонут темные поля

под роскошной гроба сенью
на лице проступит гжель
неужели нет спасенья
нет спасения уже?

Мария СТАРОДУБЦЕВА

ГАДАЛКА

Р а с с к а з

1.

Аня стоит на остановке, напряженно всматриваясь в поворот, откуда должен появиться трамвай. Конец октября холодный и неприветливый, ветер крутит сухие листья между пыльными шпалами. А сверху нависает серенькое, опухшее от надвигающегося дождя небо. Девушка поминутно ежится, пытается плотнее запахнуться в короткое черно-белое пальто. Она забыла дома беретку, длинные волосы путаются и залезают в рот. Промозглый сквозняк продирает сквозь платье до колен и тонкий капрон колготок. И начинающаяся простуда напоминает о себе хлюпающим носом и тяжелой головой.

Дождей сегодня прогноз не обещал, хотя какой смысл ему верить. Тонкий зонт, клетчатый, как шотландский килт, ненужным отростком болтается на руке, на веревочке. От ливня он не спасет, сильный ветер вывернет и погнет спицы...

Аня торопливо роется в сумке, достает телефон — серый «Самсунг». Девять процентов зарядки, а до квартиры ехать пятьдесят минут, в другой конец Барнаула.

Леша не отвечает на звонки, игнорирует сообщения в соцсетях. Пора бы уже Ане понять, что он ее бросил, так нет, она все надеется. Как дура.

Блестящие трамвайные рельсы начинают темнеть от морозящего дождя. Небо гаснет, словно наверху вырубил электричество. Туфли на высокой платформе не спасают от сырости, Аня прячется под фанерную крышу остановки, брезгливо выискивая место посуше на сквозной деревянной скамье.

Она залетела. Это выяснилось пару недель назад. Все как в дешевой мелодраме с непродуманными диалогами. Позвонила Леше и надиктовала новость на автоответчик. Леша перезвонил два часа спустя и попросил о встрече. Здесь, возле пятой горбольницы, в маленьком скверике. Прибежал на пять минут и сказал Ане делать аборт.

И все. Он поднялся со скамейки и ушел, а она поплелась к остановке. На полдороге ее скрутило, она отбежала в кусты, там ее вырвало. Сейчас она стоит одна и ждет трамвая. Внизу, в серой пелене дождя, потерялся город, похожий на скелет древнего Левиафана, в котором копошатся тысячи муравьев. Мосты, подвесные опоры и рельсы — это его нервы и сухожи-

лия, многоэтажки — его позвонки и суставы, а льющийся Ане за шиворот ледяной дождь обжигает, как горячая кровь.

Голова отяжелела, в горле жутко першит.

Идти в больницу страшно, но еще страшнее звонить матери и признаваться во всем... Нет, нужно записываться на прием, пусть гинеколог даст направление на аборт. И проблемы отпадут.

Остановка заклеена ободранными афишами. Приезд в город популярной музыкальной группы, какие-то пьесы в театрах, концерт в филармонии...

На глаза Ане попадается большое объявление: «Окажу помощь в решении семейных проблем... Любые обряды черной и белой магии... Заговоры на удачу и быстрые деньги... Сделаю очень эффективный приворот... Гадание на картах. Снятие порчи, сглаза и многое другое...»

Аня в такое не верит, но продолжает вчитываться: «Я, Таисия, потомственная колдунья, маг, экстрасенс, парапсихолог, гадалка. Практикую белую и черную магию почти с детских лет. Могу помочь в великом множестве проблем (далее длинный список таковых, включая неурядицы на работе и безответную любовь)... Гарантирую проведение ритуалов на профессиональном уровне и в согласованный срок, а также конфиденциальность информации любого рода... В случае, если вы не получите должного результата, обязуюсь вернуть средства в полном объеме».

Надо же, как подробно. Еще и с гарантией... Смешно!

А в конце концов, что она теряет?

Аня украдкой оглядывается, срывает объявление, запихивает в карман и бежит навстречу подходящему желто-красному трамваю.

Дождь барабанит по облезлой крыше наземной мини-электрички азбуку Морзе.

2.

Гадалка жила на Взлетной, у черта на рогах. Аня едва успела забежать домой и поискать в ноутбуке сведения о ней. Информации нашлось негусто, и, чтобы не передумать, Аня решила идти не откладывая.

Опять лил дождь. На Взлетную ходила «двойка», раздолбанный «пазик» бело-зеленого цвета, облезлый и тесный, как собачья конура. Сидячих мест не было, людей набилось — тьма. Автобус резко дернул с места — чтобы тут же «зависнуть» на светофоре. В нос Ане ткнулась чья-то мокрая подмышка, и от неожиданности девушку чуть не вывернуло.

Она цеплялась за поручень, нависая над женщиной лет шестидесяти с лишним, в нелепой черной юбке с кружевами и цветастой кофте. На коленях у тетки лежала сумка с продуктами из «Ленты» с торчащим наружу длинным батоном, и на весь салон автобуса воняло колбасой. У Ани закружилась голова. Из-за стоящего рядом мужика в заводской робе вынырнула кондуктор, молоденькая рыжая девчонка, и напустилась на тетку:

— Эй, вы не видите, девушке плохо! Место уступите!

— Что? Она молодая, постоит!

Бабки вокруг согласно закивали:

— Ты еще не знаешь, каково это — еле ноги передвигать!

Кондуктор не сдавалась:

— Она зеленая совсем. Блеванет на вас — что скажете тогда?

Перепадка продолжалась до остановки, потом кто-то вышел — и Аня с облегчением рухнула на освободившееся сиденье.

До Взлетной ехали сорок с лишним минут. Автобус остановился напротив пустого здания бывшего летного училища. Перед заброшкой возвышался памятник взлетающему самолету, ободранный, но еще довольно красивый.

Сжимая в руке объявление с адресом, Аня пошла дворами, кляня себя за то, что не позвонила и не записалась на прием. Уверенности у нее прибавилось.

Дом номер девятнадцать оказался обычной девятиэтажкой с выпирающими наружу балконами. В полутемном подъезде Аня не сразу заметила лифт, долго искала восемьдесят пятую квартиру, пока не обнаружила, что ошиблась корпусом: ей был нужен «А», а этот оказался «Б». Спрашивать дорогу у местных она постеснялась и побрела дальше искать. Ей казалось, что встречные смотрят на нее мрачно и неодобрительно. А мужчина с розово-серым питбулем вообще напомнил маньяка из фильма ужасов... Черт, хватит накручивать!

После дождя ноги вязли в грязи по щиколотку, дорога была плохая, изрытая ямами. Наверно, вон тот, абсолютно идентичный дом с таким же темным замызганным подъездом и есть корпус «А». Внутри так воняло кошками, что Анну опять начало тошнить. Дверь в восемьдесят пятую — деревянная, исписанная какими-то каракулями, еле различимая в полутьме...

Собравшись с духом, девушка неуверенно постучала.

Дверь открылась практически сразу. Аня нервно слотнула, ожидая увидеть кого-то в духе «Битвы экстрасенсов» — в наколках и веригах. На пороге стояла молодая женщина, старше Ани лет на десять или, может, чуть больше. Черноволосая и черноглазая, без особых украшений, во вполне обычном, довольно строгом серо-стальном платье, перехваченном в талии узким черным ремешком.

— Добрый день. Вы на прием? — Голос у колдуньи оказался низким и довольно хриплым.

Ане мешала сосредоточиться разгулявшаяся простуда. Черт, похоже, у нее высокая температура, тело горит...

— Да, — сипло ответила она. — Наткнулась на ваше объявление, рискнула зайти...

Таисия молча кивнула и указала, где разуться. Аня запихнула в дальний угол изгвазданные туфли, с которых ошметками отваливалась грязь.

Гадалка жила в «однушке», довольно чистой и с малым количеством мебели. В центре комнаты, оклеенной типовыми серыми обоями с желтыми разводами, стояли тахта и стол — сразу и кухонный, и письменный. Рядом, на комод, небольшой телевизор, у стены — шкаф с зеркальными дверцами.

— Вы замерзли и ехали издалека. Поставить чайник? — Голос Таисии донесся до Ани как сквозь вату. Голова гудела, словно внутри кто-то

ритмично бил молотком. Тем не менее девушка нашла силы удивиться: сериалы на «ТВ-3» не рассказывали о чаепитиях с колдуньями.

— Да... спасибо.

— По какому вопросу вы ко мне? — Электрический чайник вскипел, гадалка протянула Ане темно-синюю кружку, стилизованную под гжель.

— Вы вроде как должны сами мне это сказать, — устало съязвила Аня. — Во всяком случае, так обычно делается...

В ней всколыхнулось упрямство. Даже больная и усталая, она не даст себя одурачить!

Гадалка внимательно всмотрелась в худое бледное лицо с пятнами лихорадочного румянца.

— Вас бросил парень, вы от него беременны и хотите его вернуть с помощью приворота, — спокойно сказала она, размешивая сахар и мерно постукивая ложкой о края кружки. — В мистику вы не верите, но ринулись сюда, ухватившись за мое объявление как за соломинку. Ваша семья не позволит вам оставить ребенка, а растить его в одиночку вы не решаетесь. Свою мать побаиваетесь. Она вряд ли поймет вас.

По спине Ани пополз липкий пот. Кружка обжигала ладони, но голова теперь соображала лучше.

— Как зовут моего парня?

Таисия осторожно взяла девушку за руку. Маникюра у колдуньи не было, ногти просто покрашены, и на среднем пальце левой руки единственное кольцо с агатом. По руке Ани пробежала, как слабый ток, теплая волна. Девушка от неожиданности вздрогнула.

— Алексей.

Аня лихорадочно кивала, уже не сдерживая рыданий. Голос внутри говорил ей, что это развод, обычные приемы мошенников, но она отмахнулась от него. Таисия отнеслась к ней с таким участием, не пугает жуткими закланиями и прочей эзотерикой... Сама не замечая того, девушка уткнулась гадалке в плечо и плакала, а та осторожно гладила ее по спине.

— Простите... — стучала зубами Аня. — Я... я просто не знаю, как мне быть... Я люблю его, он нужен мне! Помогите, пожалуйста!

Таисия ушла в кухонный отсек и принесла оттуда несколько влажных салфеток.

— Он не ваша судьба, раз так легко от вас отказался, — покачала головой.

Глаза Ани недоверчиво округлились.

— Он мне нужен, я его люблю! Вы можете как-то помочь? — это уже не с мольбой, а с растущим нетерпением и даже раздражением.

— Помочь могу, но счастливы вы не будете. Приворот идет против судьбы, он насильно вас повяжет. Потом наплачетесь.

— А про будущее скажете?

— Хотите, чтобы я сейчас принесла стеклянный шар и там прочла вашу судьбу? — колдунья усмехнулась. — Зачем? Кто знает будущее, придавлен его неизбежностью. Ужасы и несчастья сыплются на головы людей только в дешевых книжках. Реальная жизнь не так уж и плоха, если присмотреться... Так вот, приворот. — Гадалка машинально перешла на «ты». — Положи фотографию любимого под подушку. А в новолуние пе-

рenessи снимок на подоконник и поставь на него стакан с соленой водой. Пусть он там стоит двое суток.

Аня доверчиво слушала, открыв рот.

— Потом возьми это фото, выйди на перекресток и закопай. Тогда Леша к тебе вернется. А теперь давай про твое будущее...

Из верхнего ящика комода Таисия достала аккуратно сложенные карты Таро — большие, темно-синие, довольно потертые — и принялась их раскладывать, а поверх выкладывая обычные карты. Аня невольно подавалась вперед. Гадалка посмотрела на нее искоса. Карты ложились на оклеенный клеенкой стол с глухим шелестом, обнажая непонятные символы и картинки.

— Вот твое будущее, — медленно заговорила Таисия, осторожно водя пальцами по картам. — Ребенка ты убить не сможешь, решишь рожать и признаешься матери. Будет тяжело, она не сразу примет, но смирится. Приворот сработает, Леша вернется, но вместе вы не останетесь: ты сама его бросишь. А через три года выпадет тебе встреча, хороший парень будет, только не упusti этот момент.

— Все это сбудется?

— У будущего много вариантов, — усмехнулась гадалка, — но этот по картам наиболее вероятен. Кстати, советую не мешкая идти в аптеку или сразу в больницу — пневмония тебе точно ни к чему. Потом еще придешь — эффект закрепить надо.

На пути к двери Аню шатало от слабости. Наверно, стоило вызвать такси, но телефон разрядился, когда она показывала Таисии Лешины фото. Ладно, доедет на автобусе. Нет, все же такси... Дойдет до остановки, а там разберется.

— Сколько с меня?

— Сколько сама захочешь отдать.

Девушка нервно покопалась в сумке, вынула кошелек. Она протянула Таисии банкноту, потом, поколебавшись, добавила вторую. И ушла торопливо, не оглядываясь.

Из темного дома на улицу Аня вырвалась, как душа из чистилища. Настроение поднялось, хотя голова болела ужасно. Даже прохожие уже не смахивали на монстров. Небо немного расчистилось, однако ветер еще усилился. Похоже, ночью будет целая буря. Главное теперь — быстрее выйти к остановке по этим закоулкам...

3.

За шесть лет после окончания университета Ольга Зимина, она же гадалка Таисия, успела сменить кучу профессий. Поступая на соцпедагога, особых надежд она не питала и амбиций не имела, просто хотела разобраться в себе. Общаться с книгами и компьютером ей всегда было проще, чем с людьми. Учеба давалась относительно легко, и вообще на первых порах казалось, что жизнь к Ольге расположена... А потом привычный размеренный уклад начал рушиться как карточный домик.

У мамы случился инсульт, а вскоре инсульт разбил и папу. Ольга, едва успев окончить университет, приехала к ним в Заринск. Оставлять родите-

лей одних было нельзя, оставаться в Заринске всем троим — бессмысленно. Нужно было переезжать.

На «однушку» в областном центре ушли почти все их деньги.

Ольга устроилась на работу в воспитательную колонию и страшно боялась свое место потерять. Проблемы малолетних воров и поджигателей мало ее трогали; она обычно сидела за отчетами, замкнувшись в себе, или бесцельно смотрела в окно в обеденный перерыв. Но вскоре с этой работы пришлось уйти: с зарплатой восемь тысяч в месяц она не могла тянуть своих. Когда умер отец, Ольга пошла в частные сиделки — заниматься тем же, чем дома, только за деньги. Но долго не выдержала: не было сил выносить стариков, слушать часами одни и те же разговоры...

У матери обнаружилась болезнь Альцгеймера. Как выяснилось, она развивалась у нее с пятидесяти девяти лет, но отец, пока был жив, это скрывал.

Ольга приходила домой, мама заглядывала в ее комнату и спрашивала:

— Можно я с тобой посижу? — потом доходила до своей спальни, возвращалась и снова задавала тот же вопрос. За день это повторялось десятки раз. Ольга не могла ни отдохнуть, ни сосредоточиться и в конце концов сама уже стала бояться сойти с ума.

Мама быстро сдавала, вскоре она целыми днями просто сидела и смотрела в одну точку, однообразно шевеля губами. А потом слегла окончательно.

Жизнь Ольги теперь превратилась в невеселый обряд, в тупую последовательность повторяющихся действий. Утром она кормила маму, переворачивала ее, протирала, меняла памперс. Вечером кормила, меняла памперс, снова слегка поворачивала и протирала. Осторожно терла тонкую морщинистую кожу, похожую на сухую листву. Мама почти не реагировала на дочь, мало говорила. Только иногда начинала звать Жору (это папа) — и на выцветшие водянисто-зеленые глаза наворачивались слезы.

Любила ли Ольга маму? Любила, наверное, но только ту, которая у нее в детстве была. А эта женщина у нее с мамой не ассоциировалась. Ольга понимала, что та, что лежит на кровати, и есть ее мама, но душой этого принять не могла. Ей легче было отрешиться и думать о матери как о постороннем человеке, просто тяжелой лежащей больной.

Она могла бы... могла бы... Жить. Но отправить мать в дом престарелых не хотела из гордости. И потом, слухи расходятся быстро, неохота прослыть неблагодарной тварью.

Однажды ночью, шатаясь по Интернету, Зимина наткнулась на ссылку: «Курсы гадания, астрологии и магии». Сначала посмеялась, а потом задумалась. Чем черт не шутит, в конце концов? Курсы, к счастью, оказались не особо дорогими, Ольга получила свидетельство, от вида которого можно было свалиться в припадке истерического смеха. Купила карты, шар, еще пару аксессуаров — и дала объявление об услугах «колдуньи Таисии». Имя взяла первое попавшееся. За шар — обычную стекляшку — как ни обидно, пришлось выложить кучу денег.

О магии Ольга знала только из редких просмотренных ею сериалов. Мудреные заклинания и подробные описания ритуалов, найденные в Ин-

тернете, вызывали головную боль. Затея казалась бредовой, однажды в приступе паники Ольга даже хотела сорвать объявления и выбросить в мусоропровод. Ведь она точно знала: никаких паранормальных способностей у нее нет. И даже гадать толком она не умела.

Когда они жили в Заринске, тетя иногда рассказывала Ольге жутковатые истории про чертей в бане, призрачную белую лошадь и спускающихся с небес красных стариков. Повзрослев, Зимина окончательно убедилась, что подобные рассказы — плод больного воображения, и только. Ей самой, даже в бреду, при высоченной температуре, никакие призраки не мерещились. Наоборот, она втайне гордилась своей способностью логически обосновать любое «паранормальное» явление.

Но то, что по объявлению повалил народ, логике не поддавалось. Раскладывая карты и глядя в стеклянный шар, Ольга еле удерживалась от ироничной улыбки: неужели людей так легко одурачить?

Зимина не умела предсказывать и колдовать, но психологом оказалась неплохим. Люди прежде всего хотели денег, затем шли запросы на счастье в любви и на здоровье. Зная психологию и кое-какие приемы манипуляции, можно за пару минут просчитать человека и примерно назвать его проблемы, почти для всех однотипные.

Так же и с только что ушедшей Анной, которая явно позабыла о временной и почти стершейся, но все же различимой татуировке на запястье: «Аня + Леша». Остальное додумать несложно, тем более рассказать «будущее»... Половине Ольгиных клиентов была прямая дорога к психиатру, а они зачем-то явились к ней. Странный парадокс: к колдунье пойдут скорее, чем к специалисту.

4.

Работала она так чуть меньше трех месяцев и наконец начала расплачиваться с многочисленными долгами. Правда, как оказалось, «коллег» у нее в городе полно и делить с ними сферы влияния довольно сложно. Уже несколько раз анонимные звонки сообщали, какую порчу наведут на нее и какие проклятья обрушат, если она не прекратит отнимать чужой хлеб.

Над одним звонком она смеялась до слез. В два часа ночи некто хриплым голосом читал ей в трубку заклинание для защиты от темных сил:

— Семь мучеников святых с города Иерусалима шли
 И святыми руками святую икону несли.
 Все двери пред ними сами растворялись,
 Все колдуны и ведьмы наземь опускались.
 Я — Божий раб, маг Евгений,
 От премудрых ведунов и злых еретиков,
 Кто начнет колдовать на меня из них,
 Того семеро мучеников святых заставят
 В море песок считать.
 К тебе, Господи, взываю,
 На защиту Твою уповаю.
 Аминь!

— Какой ты, к чертовой матери, Божий раб, маг Евгений! Все религии со страху попутал? — хохотала Ольга в трубку, посылая чернокнижника куда подальше.

Но он нашел единомышленников. В Сети распространили информацию, что Ольга — ловкая мошенница, вымогающая деньги, а кроме того — бывшая стриптизерша. Выставили ей ультиматум: либо она платит, либо лишается клиентов. Начали со ста пятидесяти долларов, при этом никаких гарантий прекращения травли не дали. Зато создали сайт с якобы Ольгиными интимными фотографиями: нашли ее старое резюме психолога в колонии, взяли фото и приставили к телу Саши Грей.

В сообществе Таисии «ВКонтакте» комментаторы называли Ольгу «порноведьмой» и наперебой писали ей в личку, спрашивая, услуги какого рода она оказывает. Среди этих умников сразу обнаружили две колдуньи из соседнего квартала, ранее пересылавшие Зиминой порчу по интернет-кабелю. Ольга не знала, смеяться или плакать. Ну ладно, попросили бы местного хакера взломать аккаунт или запустить вирус, чтобы грохнуть ее компьютер, — это еще куда ни шло. Но регулярно приходящие в сообщениях заклинания и «псалмы», подкрепленные требованием денег...

В ответ поднаторевшая в юридической практике Ольга пригрозила, что сообщит полиции о факте травли и вымогательства и выступит с ответными разоблачениями в эфире местного телеканала. Временно звонки стихли: видимо, противники поняли, что их тактика не работала. Ольга же теперь стала записывать все телефонные разговоры на диктофон, чтобы иметь потом возможность оправдаться.

Потом последовал новый раунд. В местной церковной газете вышла большая статья «Отступница», где Ольгу описали как еретичку, намеренно использующую христианские символы для получения коммерческой выгоды. «Мы уверены, отец Евгений сможет дать адекватную оценку использованию О. Зиминой священной символики в рекламе своей “предпринимательской” деятельности», — заявлял автор статьи, некий брат Михаил.

Ольга начала готовить документы для подачи искового заявления в суд о взыскании компенсации за моральный вред. Если уж колдуны нашли общий язык с церковниками, то она со своим бизнесом виновата меньше всех.

Сегодня удалось принять семнадцать человек. Все как обычно: минимум эзотерики, внимательность и спокойное доброжелательное обращение.

Но один случай Ольгу взбеленил. В обед приехала дородная тетка в красном пальто с ребенком под мышкой. Девочка, белая от боли, сама идти не может, ее ведет вправо. Стоит еле-еле, медленно сползает по стенке, пока мать гремит на весь этаж, не заходя в квартиру и не закрывая дверь за собой:

— С вечера мается, свекровь посоветовала к тебе пойти. Давай колдуй, только побыстрее — нам еще на рынок заехать надо!

Ольга оторопела, но все же попыталась осмотреть девочку. Той все равно — стоит зажмурившись и часто-часто дышит. Лоб в мелких капелюшках пота. За живот не дает даже взяться, на вид он твердый и вздутый. Кожа горячая, как печка. На психологии лечебному делу, конечно, не учат, но тут и доктором быть не надо!

— Девочке срочно нужно в больницу, — как можно спокойнее говорит Ольга.

— Там только уколы колоть могут, у меня там муж умер. Нечего им верить, зря налоги на них тратят. Колдуй, говорю! Боль снимешь — заплачу хорошо, не волнуйся.

— Вы соображаете, что говорите? У вас дочь умереть может!

— Еще какая-то проходимка меня учить будет! — Тетка побагровела, развернулась и удалилась, волоча на буксире безвольную дочь.

Ольга растерялась, не зная, куда звонить: в больницу или в полицию. Скрепя сердце решила промолчать. Все равно она даже имени этой тетки не знает...

Чайник вскипел. Ольга покосилась в сторону закутка, где спала мать. У прежних жильцов там была детская. Всколыхнулась старая горечь: ей стыдно даже думать о том, чтобы кого-то сюда привести. Квартира как зачумлена. Очередной вариант клетки.

В последнее время ее мечтой стал день, когда все это закончится и она освободится от давящего груза. Страшно, когда вроде бы и любишь, и мечтаешь избавиться. Как будто гниешь изнутри. Иногда Ольга даже представляла, как убивает безвольное тело в соседней каморке. И обе они будут свободны... Продумывала действие до мелочей. А потом грустно улыбалась сама себе и шла туда — в сотый раз мыть, кормить, переворачивать...

Ольга включила телевизор, свое недавнее приобретение, и погрузилась в просмотр новых серий ментовского боевика «След». Закурила прямо в квартире: «пожарка» отключена, а окно распахнуто настежь. По полу гуляли сквозняки, но ей все равно было жарко и душно. Снаружи полыхало вечернее солнце в кольце темно-синих туч, облетевшие тополя тянулись к небу темно-коричневыми, блестящими на свету ветками, и высокая красная церковь в отдалении сверкала золотыми куполами.

5.

С утра пятеро относительно обычных клиентов. Стандартный набор: несчастная любовь, отворот на алкоголь и просьба погадать на суженого. Странная профессия Ольге начинала нравиться, так можно и во вкус войти. И поднять цены, раз уж клиент повалил и удалось отстоять свою нишу в бизнесе.

За окном привычно лил дождь. Капли уныло ползли по стеклопакету, падая вниз, в скользкую траву. Чуть дальше шла дорога из города в сторону ее родного Заринска.

Снаружи — панорама типовых домов примерно одной высоты и целый лес перекошенных антенн, тарелок почти не видно. На фоне серого неба антенны кажутся мачтами и такелажем разбившихся в шторм кораблей, прибитых течением к берегу — ее дому. Так же, как ее клиенты.

К обеду поток усилился. Вести о новой, уж точно настоящей, гадалке разлетелись по району как горячие пирожки. Правильно, тут же рядом городская психушка — неудивительно, что услуги Таисии в тренде: кругом сплошные потенциальные, а может, и реальные психи. И какие-то глуп-

цы по телику рассуждают о человеколюбии? Нет, если любить, так только кофе!

На пороге стоит осунувшаяся женщина неряшливого вида, промокшая, в потертом, облезлом пальто. Держит за руку высокого парня, вроде школьника. Блондин, даже в тусклом свете лампочки на этаже волосы чуть ли не сверкают.

— Таисия, — тихо, с придыханием, бормочет женщина, — мне рекомендовала вас Галина, сказала, вы очень ей помогли...

Еще бы вспомнить, что за Галина. Ну ладно, натянем на себя приветливую улыбку и сделаем сосредоточенный взгляд.

— По какому вопросу вы пришли?

— Таисия, а как часто вы ходите в храм?

— Я туда в принципе не хожу.

— А в Бога вы верите?

— Нет.

— Ну хорошо, а моельная комната у вас есть?

«Что за бред она несет?» У Ольги глаза на лоб лезут.

— У меня нет моельной комнаты.

— Моего мальчика прокляли! — доверительно шепчет посетительница, представившаяся Юлией Игоревной. — Сглазили. Боялась я к вам идти — нарушение первой заповеди все же. И в храме вы не бываете... А я его по всем церквям уже водила, нигде помочь не могут. Молюсь каждый день, колени уже в мозолях. Вот только Он не слышит... Вот и решилась на грех.

Да, грешит она долго и с чувством.

— Ведь вы же из светлых магов? Вы всего лишь проводник Высшего Разума, Бога! В Библии сказано: грех обращаться к магам. Потому что обычному человеку, а такие все в основном, невозможно отличить, к кому именно он обращается, и он может легко стать жертвой либо шарлатанов, либо еще хуже — черных колдунов! Они очень умело маскируются. А если попасть к черным, то можно и души лишиться, и беды на себя навлечь! Вот и грех! Не просто недоверие Богу, а обращение к силам зла, ненавидящим как Бога, так и человека, создание Его!..

— Не волнуйтесь, я служительница светлых сил.

Пока тетка заговаривает колдунье мозги, пацан тупо пялится на засиженный мухами плафон. Видно, что умственно отсталый, но так приветливо улыбается... Сглазили его, как же!

— А в больнице мальчик на учете состоит?

— Нет, они нам не нужны! Они служат Темному, Черному человеку. А вы должны знать светлые заклинания. Помогите, пусть он придет в себя! С рождения такой, сестра моя его прокляла — да и умерла, стерва, а мне теперь мучиться!

Так, надо сосредоточиться.

— Ведьмой ваша сестра была, порчу наложила на ребенка. — Для правдоподобия гадалка делает вокруг парня пару пассов.

Мальчик, Егор, рассеянно улыбается.

— А ты, тетя, не обращай на маму внимания, — бормочет он. — Она добрая, просто боится очень.

«С такой матерью — уж лучше в детдом», — фыркает про себя Ольга и продолжает ритуал:

— Юлия Игоревна, порча достаточно сильная, нужно отправить ее ведьме назад и запереть в ее гробу. Найдите осиновое полено или палку. В день проведения ритуала с утра нельзя есть. Позволительно только пить чистую воду с добавлением освященной в церкви. Запомнили?

— Да, — тетка подпрыгивает за блокнотом, записывает импрессионистские откровения.

— В полдень закройте двери и окна. Фото ведьмы и полено положите на стол. Поставьте перед ними небольшое зеркало. Зажгите церковную свечу. Прочтите молитву «Отче наш» трижды. После нужно четко и уверенно произнести формулу: «Беды и несчастья, злые дни ненастья в зазеркалье собираю, ведьме снова отправляю. Лаской солнца ей не наслаждаться, миром ясным не любоваться. Что мне дала — себе возьми, свой черный дар обратно прими. Аминь!» Полено отнесите во двор и бросьте на кучу мусора. Фото порвите на мелкие кусочки. Зеркало закрепите так, чтобы в нем отражалась улица за окном. Можно приклеить его к внешней стене дома.

— Сработает?

— Естественно! В адовом огне гореть будет ваша сестра в ином мире. А для Егора подготовьте пятьсот грамм соли, высыпьте ее в ванну с теплой водой, опустите мальчика в эту воду и постарайтесь максимально его расслабить. Не кричите на него и не пугайте. Соль будет вытягивать из его тела всю накопленную негативную энергию. Пусть лежит в воде пятнадцать-двадцать минут, представляя мысленно, как все лишнее и ненужное уходит из него, растворяется в воде. И для закрепления эффекта все же стоит сводить его к психотерапевту и невропатологу, пусть посмотрят. Не всегда врачи служат Тьме, есть и там наши сторонники. Верьте и мужайтесь!

— Господи, спасибо тебе! — Тетка заливается слезами и едва ли не облизывает гадалке руку. Голосит так, что соседи, наверно, опять придут ругаться и грозить полицией. Вытаскивает кошелек и отстегивает десять тысяч чистоганом!

Гадалка еле сдерживается, чтобы не присвистнуть от изумления. Ладно, пацан, порчу не снимем, так хоть нервы успокоишь маленько. Каково тебе с такой истеричной родительницей?

Восемнадцать тысяч за день, жизнь удалась!

И ведь чокнутая фанатичка реально пойдет искать осиновые дрова, лишь бы помочь сыночку. И всерьез верит в козни покойной сестры. Каждый считает себя хорошим, а остальных плохими, вот в чем сложность жизни.

6.

Все классно, но холод в квартире — точно беспорядок. У мамы в комнате — как в тундре. А сегодня надо ее мыть: волосы уже совсем засталились и одними влажными салфетками не обойдешься.

Кое-как Ольга перетаскивает койку матери в большую комнату — там потеплее. Закрывает наглухо двери. Пододвигает неподвижное тело

к краю кровати, чтобы волосы свисали вниз. Под них на табуретку ставит тазик с водой — ополоснуть голову. Потом влажными тряпочками долго водит матери по лицу. Той мягкие прикосновения нравятся, она что-то лопочет и улыбается непонятно кому.

Поверх простыни Ольга с трудом просовывает клеенку, чтобы матрас не промок. Чистую губку смачивает в воде, затем протирает ею один участок тела, после чего тщательно ополаскивает губку и снова протирает. Одна губка на один участок. Вода быстро становится грязной и маслянистой. После купания Зимина промокает старческую кожу полотенцем и укрывает маму плотнее одеялом.

В комнате потеплело или это ей жарко? Даже в пот бросило.

— А где Аня? — шепчет мать.

Это что-то новенькое. Ольга от неожиданности вздрагивает:

— Какая Аня, мам?

— Которая к тебе приходила...

Мама опять проваливается в детство. Ольга торопливо оглядывается, стесняясь себя самой. О чем это?

Она убирает пролившуюся на пол воду. Под столом, прикрытый уголком ковра, валяется пыльный старый «Самсунг», разряженный в ноль. Ольга ворчит про себя на клиентов, забывающих свои вещи. Вот где она теперь найдет его владельца?

Откуда-то тянет гнилостной вонью. Вроде испортившейся кислой капусты. Наверное, это от соседей. С ними Ольга почти не общается, там одни бабульки живут. Они быстро пронюхали о роде ее занятий и шушукуются о ней, стыдливо умолкая при ее приближении. Сами записаться на магический сеанс боятся — ладно, лишь бы клиентов не распугали. Одно из преимуществ наступающего зрелого возраста — с каждым годом все больше плевать на мнение окружающих. Жаль только, рано она состарилась.

По телевизору, как обычно, концерт и шоу гипнотизеров, а в газетенке «Телепарк» — гороскоп на две недели. Однако конкуренция в магии жесткая, только успевай вертеться.

Вонь, которая ненадолго улетучилась, опять вернулась. Теперь она сладковатая, как от гниющих яблок. Нет, точно из квартиры напротив!

Увидев у себя на пороге колдунью Таисию, Антонина Сергеевна ужаснулась такой наглости. Ну надо же — столько людей облапошивает, теперь еще и соседке покоя не даст! Смазливая физиономия Таисии на явлениях пенсионерке уже глаза проела.

— Что-то нужно?

Гадалка замялась:

— Скажите, пожалуйста, у вас никакие продукты не пропали? У меня вся квартира пропахла гнилью...

— В свой холодильник загляни! — сморщилась старуха, плотнее запахнувшись в шаль поверх потертого махрового халата. — Нормально у меня все. Наверно, это у тебя серой пахнет.

— А ты мне так говорить не боишься? — засмеялась вдруг ведьма, осердив зубы. — Порчу наведу — попляшешь!

— Иди, иди отсюда! Ишь, прикинулась пайнкой! — прошипела старуха, захлопывая дверь. В принципе, она и сама сошла бы за ведьму.

Зими́на сквозь зубы выругалась и вернулась домой.

Вонь опять исчезла. Может, это очередные магические ухищрения Ольгиных «коллег»?

7.

Ольге не спалось. Она ворочалась, куталась в одеяло и пледы, накрывалась подушкой, пытаясь заставить себя заснуть. Но попытки успехом не увенчались. Еще и пьяная компания под окном горланила под музыку, а за полночь заорала сигнализация на стоянке автомобилей неподалеку.

Пришлось перевернуться на спину и просто лежать неподвижно. Ведь лучший способ заснуть — это вообще не думать о сне, а размышлять о всякой ерунде. Ольге обычно помогала прокрутка одного бесконечного сюжета про погони, перестрелки и тяжелые ранения. Она частенько засыпала под такие мысли... Нет, сегодня не срабатывает.

Резкий стук в дверь.

В соседней комнатке вздохнула мама.

Ольга вперила в темноту усталый взгляд, потом, ворча под нос что-то невразумительное, принялась отыскивать халат и тапочки.

Ну, если это клиенты притащились в три часа ночи, она их как липки обдерет!

— Кто там?

— Полиция. Откройте немедленно!

Ольга открыла. В квартиру впотьмах ввалились сразу трое. Дрожащей рукой она включила свет:

— Что происходит?

— Гражданка Зимина Ольга Георгиевна?

— Да.

— Старший лейтенант полиции Бауэр. — С ней разговаривал светловолосый человек в форме, лет на пять ее старше. — Поступил сигнал о пропаже девушки. По нашим данным, вы последняя, кто ее видел. — Он сунул Ольге под нос фотографию. — Поскольку дело срочное, мы не можем вызвать вас в отдел полиции для взятия объяснения.

Девушка на фотографии казалась смутно знакомой. Ну да, это та, что просила вернуть ей парня приворотом. Еще носом шмыгала постоянно.

— Вы знаете эту девушку?

— Да. Два дня назад она приходила ко мне на сеанс. Кажется, ее зовут Аня...

— Анна Крылова. О ее пропаже сообщила подруга, они вместе снимали квартиру. На звонки Крылова не отвечает. Соседка вспомнила, что, когда они в последний раз виделись, та смотрела в соцсетях координаты кого-то из гадалок Барнаула, полезла в ноутбук Крыловой и там нашла открытой вашу страничку.

Ольга вкратце рассказала, что было на сеансе.

— Я попыталась ее успокоить и отправить в больницу. Но куда она пошла потом, понятия не имею.

— Она ничего не оставляла? Какие-то вещи?

— Так, я вчера мыла мать, она лежащая... — бормочет Ольга. — Потом вытирала воду с пола, и под столом лежал телефон. Еще подумала: кто-то из клиентов забыл. Сейчас вспоминаю — он был у этой девушки в руках, она мне фото своего парня на нем показывала... Пойду принесу, он в комод.

К счастью, у оперативников нашлась подходящая зарядка. Они едва дождались, пока телефон «оживет», и включили его. Там оказалась куча фотографий конспектов, домашних заданий — так, это ни к чему... Закаты и радуга — тоже не то... Фотографии парня с красивыми серыми глазами, без подписей и комментариев... В телефонной книге владелец номера был помечен как «Аня». И больше ничего.

Полицейские просидели у гадалки полтора часа и ушли, так ничего толком и не узнав.

Тишина. Теперь можно поспать. Только сзади, со стороны окна, опять надрывно визжит сигнализация. Кто-нибудь, украдите уже этот дурацкий автомобиль!

Только Ольга закрыла дверь за полицией и вернулась в постель — снова звонок, резкий, раздраженный.

— Да кто там? Что вам нужно?

За дверью никого. Видно, подростки балуются — наверняка их соседи подначили. Вот только... Гадалка вышла на лестничную клетку, светя фонариком телефона, и искала кнопку звонка, при этом точно зная, что... Ну да, ее нет. Ольга убрала звонок два месяца назад, когда клиенты пошли косяком, — чтобы не тревожили мать. От недосыпа в голове трезвон начался? Или...

Ольга почувствовала, как по спине липким потом ползет страх. Она пересмотрела «ТВ-3» и теперь ей мерещатся привидения? Ну уж нет, в такой бред она точно не поверит!

Глубоко вдохнув, Зимина ринулась обратно в квартиру, закрылась и забралась поглубже под одеяло, твердо намереваясь заснуть.

8.

В дверь стучали и звонили до рассвета, но Ольга больше не открыла. В девять утра, злая, не выспавшаяся и растрепанная, она сидела на табуретке и пыталась залить в себя побольше кофе, чтобы не заснуть. Звуки прекратились, зато ее не покидало отчетливое ощущение, что в комнате есть кто-то еще. Похоже, пора завести себе хотя бы кошку: меньше будешь с ума сходить... Нет, ее буквально ели взглядом! Хотя так дурачить себя она и сама умеет.

День неудачный, клиентов мало. Раз на раз не приходится. На улице резко похолодало, после полудня повалил снег, пока еще тающий на подлете к бурой мокрой траве. Зима близко, однако; надо доставать из шкафа теплые вещи. Тем более что Ольгу, похоже, решили заморозить. В пластиковые окна бился ветер; казалось, что стеклопакеты надрывно стонут. Черт, вроде она никогда не отличалась склонностью драматизировать, теперь-то что происходит?

С четырех вечера начал звонить телефон.

— Да, кто это? — В ответ одни помехи. Снегопад линию повредил, наверно.

Звонили через каждые семь минут, хоть по часам сверяй. Прямо во время сеанса. Работа едва не сорвалась, клиентка отстегнула мало денег. Ольга боялась, что тетка увидит, как по ее лицу от злости ходят желваки, и вообще не даст ни рубля.

По телевизору показали большой сюжет про настоящих колдунов и шарлатанов, дружно идущих к черту. Упомянули и о ней — «лжецелительнице и прислужнице дьявола». Все, завтра она идет в суд, хватит с нее магических разборок...

И опять трещит телефон!

— Да кто мне звонит все время?! — рычит Ольга в трубку. — Отвечайте немедленно, или я заявлю в полицию! Кто вы?

Только шорох, похожий на неразборчивый шепот.

Ночью Ольга проснулась от хрипов мамы, побежала к ней. Та стонала и плакала, пыталась вертеть головой.

— Мам, что случилось?!

— Где... Ваня?

— Какой, к черту, Ваня?!

— Аня-я-я! — завывала старуха, широко раззявив рот.

Сам собой включился свет в кухонном блоке, потом в комнате. Лампа в плафоне мигала, шипела и искрилась. Пока Ольга соображала, как вызвать электриков, свет потух. Потом включился вновь. Отходить от маминой кровати она побоялась, сидела рядом скрючившись и закрыв глаза.

От двери потянуло холодом и знакомой мерзкой, гнилой вонью.

— Кто здесь?! — заорала Ольга. — Что вам нужно?!

Минуты на две повисла тишина.

Зиминая осмелилась открыть глаза и поднять голову.

Прямо перед ней стояла девушка — пропавшая Анна Крылова. Бледная, в забрызганном дождем пальто. С виду обычный человек, ничем не примечательный. Вот только быть ее здесь никак не могло!

— Найди меня, — проговорила девушка. Ольга услышала ее голос приглушенно, издали. — Я не знаю, где нахожусь...

Гадалка моргнула и в испуге осмотрелась — рядом уже никого не было. Она не могла поверить в то, что с ней происходит. Все это смахивало на дешевый ужастик, да еще и отдающий нафталином. Сейчас уже такой ерунды не снимают, везде спецэффекты. Господи, о чем она думает...

У нее нет никаких сверхспособностей, почему этот призрак явился к ней?!

Утром Зиминая отправилась в полицейский участок — узнать о ходе поисков Анны Крыловой. Ей сказали, что она пропавшей девушке никто, поэтому информацию ей не предоставят. Что делать дальше, гадалка не знала. Спустить все на тормозах — как в случае того ребенка с аппендицитом? А если призрак Ани явится снова?

Нет, таких посетителей ей больше не надо! Взвинченная до предела, Ольга, пытаясь успокоиться, расхаживала вперед-назад по комнате, обхва-

тив себя руками за плечи. Впервые за всю ее жизнь привычная реальность таяла на глазах, открывая... Даже думать было страшно, что именно. Все, хватит, больше никакой магии! Черт знает кого можно *оттуда* вызвать.

Но эта девушка, Аня, просила о помощи... Ольга резко остановилась посреди комнаты. Она не умеет колдовать, что она может сделать? Стоп, но ведь видела же она призрака? Значит, какие-то способности у нее есть... И что теперь? Если она все-таки в силах помочь — то как?

Гадалка полезла в Интернет. Поисковик выдавал только заговоры на поиски потерянной или украденной вещи. Нет, не пойдет... Как найти пропавшего человека? Если даже ничего не получится, так, может, хоть отпустит этот парализующий страх. Липкий, холодный страх перед чем-то абсолютно неизвестным и невозможным.

Наконец, уже почти отчаявшись, Ольга наткнулась на обряд — «Поиск пропавшего человека посредством магического шара». Стекланный шар лежал на подоконнике: когда не было сеансов, она им подпирала оконную створку, проветривая комнату.

Гадалка расчистила стол, пристроила шар в центре, следуя указаниям, почерпнутым на форуме доморожденных магов в Сети. Сжала прохладное стекло в руках и, закрыв глаза, сконцентрировалась. Сначала она совсем ничего не чувствовала. Потом ей показалось, что шар потеплел. Ольга открыла глаза и стала всматриваться в стеклянную глубину.

На комоде бормотал телевизор, Зимина не помнила, когда успела его включить. Отвлеклась от бесполезного шара, поискала глазами пульт, чтобы выключить...

По «Катуни», местному телеканалу, показывали срочный сюжет. Вслушавшись, гадалка замерла. Забытый шар, потеряв опору, откатился на край стола.

На экране появились болота за городом, в протоке Оби, на повороте от старого моста. В мутной воде, прикрытая ветками и травой, лежала девушка. Нетрудно было догадаться, что случилось. Скорее всего, ее поймала на улице компания пьяных парней, они развлекались с ней, насиловали, а потом, предварительно избив, выбросили в первую попавшуюся канаву.

Труп обнаружил какой-то водитель.

Лицо мертвой в прямом эфире, конечно, не показали. Мелькнули потемневшие от воды и грязи распущенные светлые волосы. Диктор за кадром говорил, что ведется расследование, требуется опознание... Но у гадалки не было сомнений: это Анна.

Владимир КОСОГОВ

«БЫЛ ДЕКАБРЬ АНГИННЫЙ...»

* * *

Оставить все приобретенное:
Гнев, недоверие и страх.
Останется аллея темная,
Где снег лежит на фонарях.

Спешат встревоженные жители
И отрешенный прячут взгляд.
Но хрипло громкоговорители
Иерихонские трубят.

И чтоб не выглядеть посмешищем,
Прохожий падает в крови,
Зарезанный не Ходасевичем —
Смертельной силою любви.

* * *

Был декабрь ангинный —
И на градусник больно смотреть.
Я любил эти зимы,
Эту детскую глупую смерть.

Так, болезненный отрок,
Проверяю горячечный лоб,
Бедной рифмою «морок»
Запивая аптечный сироп.

Не вмещается в дольник
Солидом пропахший отец.
И охрипший приемник
Добавляет беде килогерц.

Не выходят из спальни
Караваны тревожной родни.
И в графинчик хрустальный
Мама слезы роняет одни.

Мне казалось, погибель —
У порога, и смотрит в глаза.
И въедается в мебель
Преломленных лучей стрекоза.

* * *

Евгению Коробковой

1.

У человека вырос колокол,
Как хвост (дурацкий рудимент).
Он за собой таскает волоком
Небесной музыки секрет.

Не будет ничего хорошего,
Прибереги остаток сил,
Не звонаря вина оглохшего,
А тех, кто слышать научил.

И пусть набат не прекращается,
Не разбирая снов и слов.
Так мертвые с небес спускаются,
Глухих приводят женихов.

2.

Дальше — переход на кольцевую.
И куда я двину налегке,
Подставляя губы поцелую
И твою ладонь держа в руке?

В преисподней метрополитена
Что найду глазам твоим взамен?
Ты — моя последняя измена,
Потому что не было измен.

Человек, который в грош не ставит
Жизнь свою, бреду к тебе опять.
Фотоснимок делаю на память,
Опасаясь это вспоминать.

О судьба, зачем запечатлела:
Вот приезжий, сгорбленный, как гном.
Он пиджак снимает сатанело,
Вытирая слезы рукавом.

* * *

Получается долгая нота,
и зевота берет за грудки.
Поцпади меня, смерть, идиота,
не точи об меня коготки.

Будь ты в пасти у бога ли, черта
ли — не считай коренные, клыки.

Полюбившие с пол-оборота,
мы сгорели, как те мотыльки,
пей вино низкопробного сорта
да считай до отмашки деньки.
Страшной смерти тускла позолота,
сладкой жизни темны огоньки.

* * *

Хоть какое-то развлечение:
Всей палатой измерить давление.
Вот и скачет предательский пульс.
Невеликое утешение
Срифмовать: «умереть боюсь».

Это бред постнаркозный, месиво
Нераспознанных букв, фонем.
Неужели родным не весело,
Если стану и здоров, и нем?

Проплыву над родной провинцией,
И застынут, махнув рукой
Мне, Андрей и Роман, и в принципе,
Это все, кто пришли за мной.

* * *

М. Л.

Жизнь пройдет, и мы не встретимся.
Обернемся, перекрестимся
через левое плечо,
чтоб горело горячо.

Превращаясь в хрупкий пепел,
сбив осадок на душе,
человек нелеп и светел,
смертью тронутый уже.

Он встречает опечаленно
солнца душное отчаянье
и бормочет как дурак
дольнику кривому в такт:
«Жизнь пройдет, и мы не встретимся,
потому что перед сном,
вдруг отравимся, застрелимся,
все оставив на потом».

Это нам сейчас не верится,
представляется с трудом.

Клуб «АМАЛЬТЕЯ»

«Сибирские огни» вновь разворачивают над родными просторами гордый лозунг: «Сибирь — это фантастика!».

Придуманый Михаилом Михеевым («Тайна белого пятна», «Вирус В-13») и возрожденный три года назад журнальный клуб любителей фантастики «Амальтея» продолжает знакомить читателей с новинками жанра, долю и роль которого в современной литературе трудно переоценить.

К компании известных отечественных авторов-фантастов — Романа Глушкова (Новосибирск) и Алексея Гравицкого (Москва)*, открывших в мае 2016 года новую страницу в истории клуба, присоединяется Ярослав Кудлач — талантливый русскоязычный автор из Ганновера. Судьба занесла его в Германию, но и с Сибирью Ярослав знаком не понаслышке: в детстве он часто проводил лето в Омске.

Лауреат нескольких литературных конкурсов и премий, Ярослав Кудлач продолжает и развивает традиции классической фантастики. Его рассказы отличают хороший язык, выверенный стиль, оригинальные идеи, впечатляющие сюжетные повороты и неожиданные развязки — все как мы любим.

Итак, вы готовы отправиться в космос, чтобы увидеть новые миры? Тогда — «поехали»!

*Вячеслав Шалыгин,
писатель-фантаст*

Ярослав КУДЛАЧ

ПРОБЛЕМА КОНТАКТА

Р а с с к а з ы

Семейный пикник

Темно-синяя планета, испещренная полосами архипелагов, возникла на 3D-экране бортового компьютера. Алина, вытянув губы дудочкой, придирчиво выбирала место для посадки.

Тэк-с, на западе бушует ураган. Остров на юго-востоке слишком велик, за две недели его не осмотреть. На севере чересчур холодно. А вон та очаровательная тарелочка с белыми песчаными пляжами и конусовидным возвышением в центре подходит для пикника. В наличии тропический лес, теплое море и загадочная гора, а главное — никакой опасной живности. Если верить каталогу, разумеется. Важно, чтобы другая парочка не положила глаз на этот микроскопический Эдем. Космос велик, но в последнюю минуту обязательно вынырнет какая-нибудь пижонская космояхта и ошвартуется на том самом островке. Извечный закон подлости.

* В № 5 «Сибирских огней» за 2016 г. в рубрике «Клуб “Амальтея”» были опубликованы фантастические рассказы «Подпольщик» Р. Глушкова и «Живая музыка» А. Гравицкого. — *Прим. ред.*

Алина ввела координаты в борткомпьютер и дала команду на посадку. Катер развернулся боком к планете и стал снижаться по широкой дуге, входя в атмосферу незнакомого мира.

Идея провести «дикарями» две недели отпуска была просто великолепной. Разумеется, потому, что исходила от Алинки. Леша, этот рыжеволосый великан, моментально робел, стоило молодой жене сурово сдвинуть черные брови. У себя в бюро он выступал в роли капитана, но превращался в юнгу, перешагнув порог собственного дома. Алина еще до начала совместной жизни четко продемонстрировала, кто имеет право стоять на капитанском мостике. Свекровь, прежде игравшая роль старшего помощника, превратилась в простого кока, да и то приходящего. А нечего говорить, что Алина даже космокатером не умеет управлять, не то что семейным бюджетом! Кухня — вот исконный ареал обитания всех свекровей, начиная с каменного века.

Затем Алинка взялась за окружение Лешика. Очень скоро отсеялись все ненужные и неприятные люди. Особенно поредел женский состав. На Алексея засматривались многие свободные дамы и девушки. Еще бы! Директор финансового отдела госпредприятия «Рус-Киб», известный нейропрограммер, да и внешностью бог не обидел. Алинке пришлось здорово повозиться, чтобы среди друзей женского пола остались только безнадежно замужние дамочки бальзаковского возраста. Больше всего хлопот доставили близнецы из Тамбова — Иришка и Маришка. Эти красавицы за словом в карман не лезли, а главное — действовали слаженно, безо всякой конкуренции. Заметив, что Алексей к Алине относится все серьезнее, они организовали атаку сразу на двух фронтах. Одна охмуряла Лешу, а другая тем временем очерняла Алину в кругу общих знакомых. Время от времени они менялись, что не всегда было заметно ввиду их необычайного сходства. Одна величала Алину ядовитой гадиной, другая — заразой. Впоследствии сестры объединили усилия и ввели в обиход термин «ядовитая зараза». Но Алинка показала им, где раки зимуют. Когда Леша, растерявшийся от количества женского внимания, начал колебаться в выборе, Алина по ходу очередной вечеринки устроила ему тет-а-тет на полутемной кухне. Перед этим пришлось через посредников намекнуть близнецам, что Алексей желает сообщить им нечто важное ровно в полночь на той же кухне. Поэтому, когда туда вломились сестры, они застали обнимавшихся Алинку и Лешу. Не дав интриганкам опомниться, Алина заявила, что они с Лешей собираются пожениться и счастливы объявить об этом всем собравшимся. Близнецы отчалили несолоно хлебавши, а обалдевший Алексей стал официальным женихом.

Вспомнив свой ловкий маневр, Алинка хищно оскалилась, но, спохватившись, сложила губки бантиком. Надо вести себя сдержанно, даже если тебя никто не видит. Ядовитая зараза, надо же! Она очень умная и красивая. И заслужила любящего мужа с приличной зарплатой. А вы, Иришка и Маришка, езжайте в свой Тамбов, к волкам.

Катер снизился до пятнадцати тысяч метров. Повинуясь борткомпьютеру, выдвинулись несущие плоскости, а гул трансдвигателей сменился ревом планетарных турбин. Еще десять минут, и Алинка будет дышать свежим морским воздухом. Лешик прилетит на фирменном космолете ближе к вечеру, так что времени на подготовку пикника более чем достаточно.

И тут Алина некстати вспомнила свекровь.

— Не умеешь ты водить космокатер, и права у тебя липовые, — говорила та, командуя сворой рободворников. — Муж нейропрограммер, а ты даже автоповара закодировать не можешь. И учиться не желаешь! В наше время одним смазливым личиком не прокормишься, дорогая моя!

Щеки Алины покраснели от гнева.

«Вот я покажу этой противной тетке, как надо водить! Сейчас возьму и посажу машину вручную!»

Совершенно не смущаясь, что «тетка» не видит ее ловкости, Алина вырубил борткомпьютер и схватилась за штурвал. Неприятности начались ровно через десять секунд. Мощный воздушный поток стал относить суденышко вглубь острова. С такой проблемой можно легко справиться, стоит лишь усилить боковую тягу, но Алинка, которая летала, действительно, плохо, перепутала направление рулевых дюз. Катер метнулся в сторону, как ошалелый мотылек. Перед глазами Алины завертелись лес, пляж, гора в центре острова... Как в таких случаях поступает опытный пилот? Правильно, гасит скорость и выравнивает закапризничавшую машину. А что делает молодая особа, всего месяц назад сдавшая экзамен на вождение космплавсредства? Совершенно верно. Алина так и поступила: взвизгнула и закрыла руками лицо. Кувыркающийся катер рухнул в лес у подножия горы.

Когда мир перестал вертеться, Алина обнаружила под собой бирюзовое небо и кучевые облака. Поерзав, она поняла, что лежит на спине, задрав ноги на спинку кресла. Как она очутилась в такой неудобной позе, осталось загадкой.

Перевернувшись, Алина занялась ревизией повреждений. М-да, катер грохнулся прилично. Снесена антенна космической связи, поврежден нос, ободрано брюхо. Бедный Лешик, он так расстроится! Ведь катер совсем новый, в кредит купленный... Ладно, мужа она умаслит. Она же не виновата, в конце концов! Резкий порыв ветра, непредвиденные обстоятельства... Страшнее другое. Заранее содрогаясь, Алина поднесла к глазам карманное зеркальце. Проклятье, так и есть! Правая скула припухла и покраснела. Похоже, будет фингал. Что же это за невезение!

Чуть не плача, Алинка активировала ремонтного дрона. Как она теперь перед мужем-то покажется? Попробуй умаслить его с такой бандитской рожей!

Дрон выскочил из люка и принялся летать вокруг поверженной посудины. Через пять минут поступил доклад. Требуется вырастить новую антенну. Повреждения корпуса не угрожают безопасности, но починка оболочки необходима. Нарушена жизнедеятельность биоплаты бортового компьютера, рекомендуется замена. Расчетное время окончания ремонта: 20:00 по Гринвичу. Общая стоимость: 2359 евроллов. Спасибо, что воспользовались услугами ремонтного дрона компании *Biosoft*.

Прочитав сводку, Алина значительно повеселела. Ничего непоправимого не случилось. Катер относительно цел, связь скоро будет восстановлена, ну а счет... Ах, какая чепуха! Леша все оплатит. Жизнь снова предстала перед ней в ярких тонах, которые, правда, омрачались растущим фингалом.

Не будем о грустном! Вокруг чужая планета, нечего синяки считать! Алина даже поразмыслила, не поднять ли ей катер, чтобы добраться до первичной цели — пляжа, но слегка струхнула. Нет, раз борткомпьютер выключен, лучше не геройствовать. Пикник подождет, Леша не обидится. А пока можно здорово провести время, исследуя таинственный остров. И пускай каталог утверждает, что животные на планете ростом и свирепостью не превосходят земного кролика. Алина способна найти приключения и в крольчатнике!

Она наскоро напихала в рюкзачок самые необходимые для турпохода вещи: косметичку (вдруг все-таки попадутся люди, а ей синяк нечем припудрить!), пачку тонких сигарет, зажигалку, термос с ледяным чаем и пакетик одноразовых платочков. В карман джинсов сунула универсальный медиаблок. Затем, воровато оглянувшись, прихватила фляжку, наполненную первосортным коньяком. Ну держись, чужая флора и фауна, — Алинка идет!

Люк открылся, и бравая исследовательница прыгнула на густую траву. Тэк-с, что у нас тут интересенького? А ничего. Трава как трава, деревья как деревья. На тропическом острове растительность должна быть пышнее. Особенно хорошо смотрелись бы кокосовые пальмы, а не эти безвкусные хвоицы, или как там они называются. Что за глупый лес, ну просто смех, ничего хорошего в нем нет...

Алина прищурилась, всматриваясь в остроконечную гору, возвышавшуюся метров на пятьсот. Пожалуй, единственная местная достопримечательность, не считая пляжей. Если забраться на вершину, весь остров будет как на ладони. Алинка убедилась, что ремонтный дрон занят делом, закрыла люк и бодро зашагала прочь.

Невысокая красно-зеленая трава приятно пружинила. Из-под ног выскакивали существа, похожие на крупных насекомых, и уносились, треща крыльшками. Высоченные коленчатые деревья росли довольно редко, так что лесом их можно было назвать с большой натяжкой. Тем не менее, когда пять минут спустя Алинка оглянулась, катера она не увидела. А не вернуться ли, подумала она. Но мысль о том, что заблудиться на острове диаметром три километра может лишь топографический имбецил, заставила ее гордо вскинуть голову и продолжить путь.

Еще через десять минут Алина почувствовала, что местное солнышко весьма кусачее. Она решила присесть на поляне, усеянной валунами, и обрызгать лицо противосолнечным наноаэрозолем.

Одна глыба резко выделялась среди прочих странным видом и огромными размерами. Когда Алина приблизилась, мысли об аэрозоле испарились бесследно. Величиной булыжник не уступал грузовому джетмобилю и напоминал аккуратный шестиугольный кекс, покрытый сложным орнаментом. У Алинки захватило дух. Артефакт! Творение рук чужой цивилизации! Надо немедленно взять пробу и сфотографировать. Исследовательница вытащила из косметички щипчики для ногтей и вознамерилась отщипнуть кусочек для химического анализа.

Тогда-то и завертелась карусель настоящих приключений.

Глыба встряхнулась и начала неторопливо вставать из травы, распрямляя длинные могучие ноги. Не веря собственным глазам, Алина смо-

трела на поднимающееся перед ней гигантское создание. Четыре многосуставчатые конечности подняли на десятиметровую высоту покрытое серым панцирем тело. Щели в броне раздвинулись и выпустили гибкие отростки, смахивающие на руки, только вместо ладоней извивались щупальца. Над головой (или спиной?) взметнулся гребень твердых пластин, отчего монстр стал похож на краба с панковской прической. Панцирь наклонился, и, хотя у страшилища не было глаз, стало ясно, что чудовище внимательно рассматривает незнакомое маленькое существо. И этим мелким существом была Алина!

Истерически завопив, туристка бросилась бежать, но страшный великан ловко схватил ее поперек туловища. Алина с ужасом почувствовала, что поднимается в воздух. А потом чудовище бросилось к конусовидной горе, торчавшей в центре острова.

«Ничего себе, на пикничок слетала! — думала Алинка, пытаясь высвободиться из цепких объятий. — Чертово турбюро, ну и свинью подложили! “Никаких опасных животных!” Вот я им задам перцу, когда вернусь! Засужу подлецов!.. Больно! Пусти, гад! Ребра! О-о-ой!»

Монстр размахивал пленницей, словно демонстрант флажком. От безумного бега и тряски Алину начало тошнить. Чудовище достигло горного склона и полезло вверх, цепляясь ногами за выступы. Но даже когда в горе само собой распахнулось отверстие, напоминавшее человеческий рот, курортный разум первооткрывательницы все еще отказывался верить в очевидное.

Страшилище широко шагало по черному коридору, разукрашенному сверкающими узорами. Алина, которая каждую субботу ходила на дискотеку в клуб «Сливки Галактики», сразу распознала ультрафиолетовое излучение, заставлявшее флюоресцировать все вокруг. Коридор плавно перешел в куполообразное помещение радиусом около полусотни метров. Из пола торчали грибовидные выросты, а часть зала занимало нечто вроде карниза, утыканного бородавками всевозможных размеров и форм. И все это светилось, переливалось, мерцало в чужеродном сиянии...

Тресь! Алинка взвыла и схватилась за ушибленное мягкое место. Монстр с размаху посадил ее на «карниз» и отступил, разглядывая добычу. Затем раздался чмокающий звук, и в стене открылось другое отверстие. Девушка задрожала, увидев еще трех чудовищ. Все стали полукругом и наклонили панцири. Гребни пластин на броне шевелились. Алина затравленно озиралась. Только сейчас до нее дошло, что все события происходили в полной тишине...

Искательница приключений осторожно слезла на пол. Чудовища покачнулись, но не двинулись с места. Несмотря на страх, Алинка еще не потеряла способность мыслить. Колоссальное помещение показалось ей очень знакомым. Выступ с «пимпочками» напоминал панель управления, грибовидные наросты — противоперегрузочные кресла, а сияющие орнаменты на стенах — дисплеи и датчики. Похоже, путешественница находилась в пилотской рубке гигантского космического корабля.

Алина горделиво приосанилась. Она, которую называли «ядовитой заразой», обнаружила чужую негуманоидную цивилизацию! Ха-ха, теперь все попляшут! Девки, вертевшиеся вокруг Лешика, дура-свекровь,

надутые коллеги мужа... Видите ли, учиться она не желает, катер водить не умеет. Подумаешь, очень надо! Алинка прославится на весь мир и получит Нобелевскую премию. Если удастся вступить с инопланетянами в контакт, то Комиссия галактических связей просто обязана сделать ее командиром контактеров!

Алина даже взвизгнула от восторга. Широко улыбнувшись, она шагнула вперед и подняла обе руки в знак приветствия. Чужаки попятились.

— Здравствуйте! — выкрикнула будущая нобелевская лауреатка. — Мир! Дружба! Жвачка!

Неизвестно, то ли лозунг не понравился инопланетянам, то ли слово «жвачка» вызвало у них темные ассоциации, но один из монстров подхватил контактершу под микитки. Алина завизжала и замолотила кулачками по щупальцам, враз позабыв о мире и дружбе. Чудовище подбросило вопящую Алинку, и в тот же миг она оказалась внутри прозрачного параллелепипеда метров трех в длину.

— Выпусти меня! — гневно заорала космотуристка, расплющив нос о стенку. — Слышишь, ты, вонючий краб!

Оскорбление было беспочвенным, поскольку от «крабов» ничем особенным не пахло. Чужой не ответил. Он поставил террариум на пульт управления и, казалось, удовлетворенно созерцал результат. Когда Алина готова была сама себя укусить от бессильной злости, в пилотской рубке появилось еще одно существо. Увидев его, остальные страшилища слегка ступшевались. И ведь было от чего. Если четверо «крабов» были великанами, то вошедший оказался великаном из великанов. Обросший колючками и ороговелостями панцирь возносился ввысь на добрых два десятка метров, почти касаясь потолка исполинского помещения. Могучие руки-актинии мускулисто пульсировали, а суставчатые богомольи ноги величественно пирали сверкающий блесками пол. Алина сообразила, что видит капитана чужого звездолета.

Экипаж послушно отпрянул, когда гигантская фигура приблизилась к пульту управления. Владелец массивного панциря навис над Алиной, как тираннозавр над овечкой. Но кровавой развязки не последовало, капитан только глянул на нее, если слово «глядеть» применимо к безглазому существу. Его пластинчатый гребень встал торчком, и великан неторопливо удалился. В ту же секунду террариум схватили и понесли.

Судорожно озираясь, Алина видела проносящиеся узоры на стенах, переборки, дыры боковых тоннелей... Короткий подъем, толчок, и террариум с пленницей застыл на полке. Монстр сложил «ирокез», вышел, и дверные губы сомкнулись за ним. Алина осталась одна.

Одна?! Искательница приключений с ужасом озиралась. Помещение, куда угодила жертва межпланетного киднеппинга, было утыкано полками с прозрачными параллелепипедами. На космотуристку пялились десятки глаз — фасетчатых, круглых, удлинённых, светящихся, мигающих и вращающихся. Ни одно из этих существ Алине прежде не встречалось, и все они выглядели не очень приятно, особенно полосатое и волосатое создание, сидевшее в соседней клетке. Его четыре глаза на стебельках внимательно изучали перепуганную землянку, а торчавшие из шерсти колючки с зазубринами хищно шевелились. Встретившись взглядом с четырехглазым

страшилой, Алина почувствовала, что нуждается в подкреплении сил. Трясущейся рукой она достала фляжку и разом выхлебала половину. Смахнув наверхнувшиеся слезы, пленница уселась на пол и задумалась.

«Вот вам и первый контакт! С такими чучелами не то что контактировать, даже видеть их не хочется. Уроды! Наверное, летают по планетам и ловят животных. Заодно и меня, грешную, прихватили... Стоп! Алинка, ты дура! Ведь в кармане лежит УМБ! Можно связаться с катером, и, если дрон успел нарастить новую антенну, послать сигнал бедствия! Плевать на премию, лишь бы меня вытащили отсюда!»

Универсальный медиаблок прозвенел, и над черной коробочкой возник сенсорный 3D-экран. Алина торопливо потыкала пальцами в изображение. Активация передатчика... Настройка волны... Проклятье! Весь эфир забили мощные сигналы неизвестного происхождения. Голос УМБ тонул в помехах, как плач младенца в реве стадиона. Источник радиосигналов — корабль чужаков, тут и к гадалке не ходи. Пленнице хотелось расплакаться, но она продолжала крутить настройку. И не зря, потому что через несколько минут обнаружилось странное обстоятельство. Передача с чужого корабля велась одновременно почти на всех ультракоротких волнах. Но зачем, скажите на милость, понадобилась такая мощная глушилка?

«Думай, Алиннице, думай! Уж не для того, чтобы забить мой слабенький сигнал. А если попробовать запеленговать источник? Много это не даст, но хоть узнаю, где у них радиорубка... Ну-ка... Что за черт?»

Глаза Алины полезли на лоб не хуже, чем у волосатого соседа по заключению. Источников обнаружилось целых пять, и они перемещались по кораблю. Ну конечно, пришельцы! Это же настоящие ходячие радиостанции! Алина вспомнила пластинчатые гребни на панцирях и запрыгала от радости. Антенны, вот что это такое! Крабовидные монстры общаются посредством кодированных радиосигналов, а значит, этот код можно расшифровать.

«Милый УМБ, проанализируй характеристики радиопомех! Не забудь показать все графически, яркими цветами, и побольше разных глиттеров!»

Милый УМБ покорно принял заказ и заработал. Через две минуты поступили результаты, весело сверкавшие полосками и звездочками 3D-таблиц. Диапазон радиоизлучения четырех источников: от полутора до трех терагерц, пятого — от сорока мегагерц до двух терагерц. Сигналы транслируются сериями с резкими переходами между частотами, а также различной интенсивностью и длиной отдельных импульсов. Продолжительность каждой серии сигналов — от полутора до семнадцати секунд. Количество импульсов в серии — от пяти до ста семидесяти шести. Продолжительность отдельного импульса — от семи тысячных до четырех десятых секунды. Желаете услышать звуковое переложение? Да/нет.

Да! Алина ткнула в зеленую клавишу и тут же зажала уши. УМБ заверещал и заулюлюкал, словно прокручивал ускоренную запись игры пяти вольнок сразу. Сделав потише этот кошачий концерт, Алина стала вслушиваться в рулады и всматриваться в зигзаги графического отображения. Так... Четверо членов экипажа похожи друг на друга не только внешне,

но и голосами. Ишь ты, визжат, как поросята. Даже странно для таких огромных чудовищ. Пятый, низкочастотный голос, бесспорно, принадлежит капитану. По сравнению с подчиненными он разговаривает глубоким басом. И сигналы гораздо мощнее. Сразу видно — капитан. О чем же вы говорите, братья по разуму? Минуточку! Никакие это не серии сигналов! Это слова и фразы! Алина готова была сама себя расцеловать от восторга. Ну-ка, УМБ, займись дешифровкой радиокода чужих! А я прикончу коньячок во имя нашего успеха.

Сказано — сделано. Коньяк оказал свое магическое действие, и Алина стало совсем хорошо. Медиаблок объявил, что на полную расшифровку языка пришельцев потребуется четыре дня. Альтернативное решение: экспресс-перевод в пределах базового словаря (две тысячи слов и понятий), длительность обработки — четырнадцать минут.

«Ура! Будет контакт, я сказала!»

И Алина торжественно закурила сигарету, развалившись в террариуме, как мафиозный босс в кожаном кресле. Великая контактерша, а не ядовитая зараза, вот так! И она весело показала язык лохматому зверю в соседней клетке.

Дым стал просачиваться наружу. Обитатели зверинца недовольно зашевелились. Полосатый мохнач втянул колючки и надулся. Но бравую контактершу уже ничто не могло смутить. Ерзая от нетерпения, она следила за растущей кирпичной башенкой, символизирующей работу программы. Поглощенная картинкой, Алина даже не заметила, что вместе с ней за 3D-экраном пристально наблюдает еще кое-кто. Лишь когда гигантская тень заслонила светящиеся узоры на стенах, она подняла взгляд, ахнула и прижалась к задней стенке. Перед террариумом возник капитан.

«Боже мой, — подумала Алина, — эти громадины передвигаются совершенно бесшумно!»

Чужак расставил ноги и присел, будто бы опустился на корточки. Трясущейся рукой Алина поднесла к губам сигарету и крепко затянулась. На это пришелец отреагировал следующим образом: панцирь раздвинулся и выпустил нечто вроде покрытого родинками шара на мясистом стебле. Пластинчатый гребень встал торчком, и Алина почувствовала во всем теле неприятное покалывание.

«Караул! Они начали эксперименты! Я не белая крыса, я представитель человечества! Помогите!»

Алинка заметалась по террариуму и швырнула окурком в противный шар с висюльками. Брызнули искры, окурочек разбился о стенку. Капитан отшатнулся, не ожидая, видимо, такой агрессивности от маленького зверька. Шар скрылся, инопланетянин выпрямился, схватил клетку с космотористкой и вышел.

«Мама! Куда он меня тащит? Не надо!»

Алина завопила и застучала ладонями по стенке, но существо не отреагировало. Распахнулись губы входного люка, и яркое солнце ослепило путешественницу, привыкшую к полутьме чужого звездолета. Капитан семимильными шагами удалялся от корабля, пока не вышел на ту самую полянку, усеянную валунами. Затем террариум перевернулся и Алину вытряхнули, словно таракана из ботинка. «Благоухая» табаком и коньячными

парами, она плашмя растянулась на траве. Рядом шлепнулись рюкзак и все еще работавший УМБ, а пустая фляжка пребольно стукнула Алину по темечку. Монстр брезгливо отступил, ну точно как человек при виде паука или жабы.

«Не может быть, — ошарашенно думала Алина, — он меня выпустил! Просто взял и выкинул вон! А как же контакт?»

Сообразив, что Нобелевская премия вот-вот накроется ржавой дюзой, туристка решила протестовать, но внезапно увидела нечто страшное. Со стороны корабля прыжками неслись четыре члена экипажа. Вид у них был весьма зловежий. Руки-актинии вытянуты вперед, костяные гребни торчат, из-под ног летят комья земли. Капитан тоже вскинул гребень, и УМБ вновь издал знакомый переливчатый визг.

Матросы подошли и встали плотной группой, как бы демонстрируя единство. Вероятно, последовал короткий обмен мнениями, а затем один из подчиненных попытался добраться до Алины, но капитан решительно преградил ему дорогу. В эту секунду поведение членов команды резко изменилось. Они дружно присели, свернув щупальца, а УМБ огласил окрестности истошным воплем. Это была уже не цепочка осмысленных сигналов, а грозный радиовой.

Алина пришла в ужас. Она поняла, что происходит. Мятеж! Команда взбунтовалась и собиралась низложить капитана! А потом они подвергнут пленницу лютым истязаниям, как всегда бывает на пиратском корабле!

«Батюшки, что же делать?!»

Но капитан поступил как и должен поступать настоящий капитан перед лицом опасности. Он прыгнул вперед и что есть силы толкнул двух матросов. Взбрыкнули голенастые конечности, и два панциря одновременно стукнулись о землю. Другие чудища попытались бежать, но капитан в два прыжка настиг бунтовщиков, схватил за гребни и сильно встряхнул. А затем кинул мятежников на траву.

Бунт был подавлен в зародыше. Побежденные, униженные матросы поднялись на ноги и поплелись к звездолету, все еще издавая бессмысленный вой. Капитан шел следом, время от времени давая отстающим пинка, отчего радиокрики только усиливались. Но голос начальника почти полностью заглушал протесты команды.

Лежа на животе, Алина тоскливо смотрела, как удаляется ее Нобелевская премия, когда УМБ подал мелодичный сигнал. Программа-дешифратор закончила работу! Алина быстро подползла к прибору и жадно впилась взглядом в цепочку слов, возникших в бегущей строке: «Прекратите реветь, скверные мальчишки! У бабушки нервы не хитиновые! Я вам еще надеру антенны! Невестка совсем распустилась! Детей избаловала! Никогда больше не возьму вас на пикник! Вечно вы ловите всякую гадость! Нейрограф утверждает, это существо очень ядовитое и, возможно, заразное! Мало вам целого зоопарка на борту?!»

Чужой звездолет беззвучно поднялся над островом, мигнул огнями и растворился в бирюзовом небе.

Прилетевший полчаса спустя Алексей так и не смог взять в толк, почему супруга, красная, как вареный рак, яростно пинает ни в чем не повинный универсальный медиаблок.

Темное царство

Сигнал общего сбора вытряхнул из постелей все население Европы. Неудивительно, поскольку население составляло лишь двадцать семь человек. В сигнале тоже не было ничего особенного, директор постоянно устраивал проверки бдительности в самое неподходящее время. Но на этот раз, едва всклокоченные ученые высыпали в коридор и, словно стадо строптивых гну, помчались, согласно инструкции, в кают-компанию, по всей станции выключилось освещение. Раздались стук падения полуголых тел, треск столкнувшихся лбов и возмущенные вопли на русском:

— Какая падла свет вырубил?

— Сукины близнецы шутят, зуб даю!

Реплики американских коллег были более лаконичны, но столь же эмоциональны.

Включилось аварийное освещение. В тусклом оранжевом свете полуодетые люди казались злыми демонами, сошедшими со старинных картин. Впрочем, злыми они, действительно, были, но отнюдь не бестелесными, о чем свидетельствовали ушибы, полученные в битве за право войти в кают-компанию. Протиснувшись в узкую дверь, жители Европы вопреки уставились на полковника биологической службы и по совместительству директора европейской исследовательской станции Николая Давиташвили.

Маленький лысый полковник был очень серьезен. Толстые пальцы дрожали, когда Николай Вахтангович одергивал рукава мундира. Сам факт, что начальник успел одеться по всей форме, внушал сильнейшее беспокойство. Разговорчики моментально стихли.

Пересчитав людей, Давиташвили объявил:

— Коллеги! Друзья! У нас серьезное ЧП. Роберт Митчелл и Сергей Гвоздев заперты в аппаратной. Неизвестно, заперты или заперлись, но дверь заблокирована. Связаться с ними мы не можем. Электроника отключилась, их личные УМБ не отвечают. Они отрезаны от вентиляции и отопления. Система безопасности перекрыла весь отсек. Через три часа начнет сказываться отравление углекислотой, через четыре часа температура в отсеке упадет ниже точки замерзания. Но главное, мы понятия не имеем, что случилось. Так что слушайте и запоминайте свои задания! Ким! Миссис Коллинз! Займитесь энергообеспечением! Джордж и Мартин! Харрингтоны! Инструменты в зубы, бегом к аппаратной! Посмотрим, можно ли отпереть дверь. Симмонс и Воробьев! В шлюзовую камеру! Грузитесь в батискаф и попробуйте рассмотреть снаружи, что там у них, черт побери, творится! А мы с Гуревичем постараемся наладить связь. Остальные по местам и готовьтесь к эвакуации. На всякий случай. Выполнять!

Кают-компания опустела.

Исследовательская станция представляла собой бронированное полушарие радиусом семьдесят два метра, прилепившееся к ледяному небу колоссального океана. Никакого сходства местного льда с бело-голубыми айсбергами Земли не наблюдалось. Снизу поверхность ледяного поля Европы смахивала на обросшее слоем бактерий и органических отложений дно грязного пруда, только над головой. Впрочем, чтобы увидеть это неап-

петитное зрелище, приходилось включать прожекторы, потому что солнечный свет не проникал в океан Европы в течение сотен миллионов лет. Но жизнь здесь бурлила, и это при температуре минус тридцать по Цельсию и чудовищном давлении.

Вокруг станции облаками кружили крошечные существа — предмет восторга экзобиологов. Несмотря на мощную защиту, станция все же излучала тепло, поэтому местные тварюшки чувствовали себя рядом с людьми как на курорте. Их было так много, что лучи прожекторов с трудом пробивались сквозь этот живой бульон. Укрепленная шахта регулярно выносила на внешнюю поверхность спутника капсулы с уникальными образцами, отчеты, контейнеры с живыми и замороженными обитателями. Все они, с соблюдением соответствующих мер безопасности, отправлялись на Землю. Американцы и русские работали не покладая рук, достаточно дружно, и в целом все шло хорошо, пока Сергей Гвоздев, специалист по внеземной экологии, не начал произносить странные речи о подледном Рае...

— Станция «Апис», это батискаф. Как слышите?

— Слышу хорошо, батискаф. Докладывайте.

— Ни пса не видно, Николай Вахтангович. В иллюминаторах темно.

— Ладно. Дрейфуйте рядом с аппаратной. Бульон мешает?

— Не очень. На редкость прозрачная вода сегодня.

— Странно. Впрочем, не важно. Воробьев! Ким сказала, что с минуты на минуту восстановит подачу тока. Следите за иллюминаторами!

— Есть!

Идея дать станции название «Апис» исходила от близнецов Джорджа и Мартина. Официально станция именовалась просто «Европа-один». Но жителям хотелось чего-то оригинального. После короткой дискуссии приняли вариант американских океанологов. В нем крылся прозрачный намек: мы похитим секреты спутника Юпитера, как Зевс под видом быка украл Европу. Никто не стал возражать. Кроме Сергея Гвоздева.

— Батискаф! Есть освещение!

— Видим! Сейчас подойдем ближе.

— Ну?.. Батискаф, почему молчите?

— Потому что... Словом...

— Докладывайте по форме, Воробьев.

— Есть! Осмотр аппаратной сквозь иллюминаторы показал, что в помещении произошел пожар. Признаков жизни не обнаружено. Признаков огня тоже.

— Игорь! Что ты несешь? Какой пожар без признаков огня?

— Честное слово, Николай Вахтангович! Видно оплавленную панель, а дыма нет! Слово молнией долбануло.

— Никола Уактангоуич, — вмешался геолог Билл Симмонс. — Открой дверь и осмоутри сам. Фсио так. Моунитор тоше горел.

— Говорите, пожалуйста, по-английски, Билл, не калечьте русский язык. Вы сказали, Роберт и Сергей... где?

— Их нет, Николай Вахтангович, — ответил Воробьев. — В смысле, мы их не видим.

— Батискаф, возвращайтесь. Харрингтоны скоро отпрут дверь аппаратной.

До недавнего времени мало кто интересовался, во что веруют коллеги, ученых вопросы религии мало волновали. Поэтому, когда эколог Сергей Гвоздев неожиданно объявил за обедом, что они вторглись в местный Эдем в роли змея-искусителя, все приняли это за шутку. Улыбались все, кроме Сергея, который загадочно произнес:

— Как Господь изгнал Адама и Еву из рая, так и мы будем изгнаны из Эдема сего.

Эта фраза осталась незамеченной. Но когда генетик Роберт Митчелл начал претворять в жизнь свой проект, Сергей встал на дыбы. Роберт сформулировал цель работы следующим образом: скрещивание земных живых существ с европейскими для будущей адаптации в океане Европы. А в перспективе — создание Человека европейского. В смысле, европейского. Земля перенаселена, состояние биосферы — полный швах, ресурсы исчерпаны, а тут колоссальный океан, кишащий жизнью. Рай для освоения! Только смелее надо быть, и все получится.

Мнения удивленного и даже слегка изумленного начальства разделились. Большинство решило, что идея — чистейшее прожектерство, стоит только вспомнить грандиозное отличие европейских организмов от земных. Но Митчеллу все же выделили средства и дали помощника — Сергея Гвоздева.

Не прошло и двух дней, как они разругались вдребезги. Гвоздев оказался бешеным противником любого вмешательства в инопланетную биосферу, что само по себе не так уж плохо, только, к сожалению, аргументировал он не доказательно, а больше взывал к чувствам. Когда же выяснилось, что Сергей — глубоко верующий, Роберт налетел на препятствие, сравнимое разве что со стенами Иерихона. Ни уговоры, ни посулы не могли заставить Сергея пересмотреть свою точку зрения. Он все чаще твердил о замысле Всевышнего, цитировал Евангелие и посылал проклятия на головы слуг Сатаны.

Однажды Роберт едва не поймал Гвоздева на саботаже. Тогда общее собрание решило отправить Сергея на Землю, а работы Митчелла заморозить до решения земного научного совета.

Лязгнули запоры, дверь в аппаратную приоткрылась. Пахнуло озоном и горелым пластиком.

— Вот дерьмо! — не выдержали Харрингтоны.

Давиташвили мрачно покосился на близнецов, но ничего не сказал. Причин для брани было предостаточно.

В аппаратной царил полный разгром. Не только панель с мониторами, но и электронный микроскоп, инкубатор, а главное, ценнейшие генетические секвенаторы превратились в оплавленный мусор. В кресле, уронив голову на приборную доску, неподвижно сидел Роберт Митчелл.

Врач станции Римма Дембицкая бросилась к генетику и проверила пульс.

— Жив! — объявила она. — Но еле дышит. В медбокс, немедленно!

Джордж и Мартин, уложив коллегу на носилки, выбежали вон вместе с врачом. Давиташвили повернулся к миссис Коллинз:

— Ким, что это значит?

— Не знаю, Николай, — задумчиво отозвалась специалист по энергетике. — Похоже, сработал мощный направленный разряд. Короткое замыкание, приборы расплавились. Только не могу себе представить, какой силы...

Послышался негромкий смех. Коллинз и Давиташвили бросились на звук. За шкафом с образцами они обнаружили Сергея. Эколог сидел на толстом резиновом коврике, сжимая в руках неуклюжий прибор, выглядывший весьма угрожающе. Увидев вошедших, Гвоздев перестал смеяться и поднял загадочную штуковину:

— Не подходите. А то будет с вами как с Митчеллом.

Директор напрягся:

— В чем дело, Сергей?

— Осторожнее! — шепнула Ким. — Это смахивает на самодельный электрошокер.

— Это смахивает на преступление! — грозно объявил директор. — Господин Гвоздев! Вы арестованы! Сдайте оружие!

Сергей недобро прищурился. Давиташвили едва успел оттолкнуть Ким и упасть на пол, как над ними прошипел электрический разряд.

— Никто не разрушит Эдем. — Голос Сергея звучал холодно и хрипло. — Со мной ангел Господень...

Ким на четвереньках переместилась за шкаф. Полковник таким же способом устремился за ней, когда второй разряд ударил его в ногу. Давиташвили упал на живот, зашипев от боли. Потом перевернулся на спину и приподнялся на локтях. Ствол оружия смотрел ему в лицо.

— ...и я верный слуга Бога истинного, — закончил Сергей.

Директор зажмурился, ожидая удара током, но услышал глухой стук и шум падения тела. Давиташвили открыл глаза. Гвоздев лежал на боку, рядом валялся электрошокер. Над поверженным Божьим слугой возвышался худой сутулый микробиолог Федор Дрынов с увесистым оптическим микроскопом в руке. Он удивленно созерцал результат деяния рук своих. Николай Вахтангович, морщась, подтянул онемевшую ногу. Из-за шкафа выглянула миссис Коллинз.

— Спасибо, Федор Максимович, — сказал Давиташвили, массируя ногу. — Будьте добры, позовите кого-нибудь на помощь. И прошу вас, оставьте уже микроскоп в покое.

Федя поставил микроскоп на оплавленный пульт. Подумал секунду-другую и переставил его на лабораторный стол. Потом вышел, крутя головой, словно сам не верил в случившееся.

За завтраком общество угрюмо помалкивало. Последствия утренних событий сказались на «европейцах» крайне неблагоприятно. Ученые жевали пищевые концентраты, мрачно глядя друг на друга поверх тарелок. Оно и понятно, ЧП было налицо. Да еще и международного масштаба. И даже межпланетного.

— Что с Серегой? — прозвучал вопрос на русском языке. — Как он?

— Сергей в порядке, — отозвалась Римма. — Я вколола ему успокоительное, сейчас он спит в изоляторе. Состояние Роберта Митчелла тяжелое, но стабильное. Подробнее имеет право рассказать только господин директор.

Взоры присутствующих обратились к Давиташвили. Тот вздохнул:

— Сергей Гвоздев физически в полном порядке, не считая шишки на голове, но его психическое состояние оставляет желать лучшего. Похоже, мы имеем дело с агрессивным религиозным фанатизмом, переходящим в паранойю. Я послал сообщение на Землю, следующий корабль придет через три месяца. До того нам придется обходиться своими средствами. Скажу еще, что не все так однозначно. Сергей, конечно, не в себе, но он не мог устроить таких разрушений лишь одним электрошокером, пусть даже и мощным. Будем расследовать.

Завтрак закончился в гробовом молчании. Обитатели Европы разошлись по рабочим местам.

К полудню пришел в себя Роберт Митчелл. Дежурная ассистентка необдуманно сообщила об этом по всеобщей связи, вызвав очередное вавилонское столпотворение. Но Давиташвили вошел к больному в сопровождении одной Ким Коллинз.

Роберт полулежал на больничной койке, облепленный датчиками. У изголовья стояла врач и, недовольно качая головой, снимала показания приборов. При виде начальства Митчелл нахмурился, словно что-то припоминая.

— Добрый день, Роберт! — Давиташвили присел на край кровати. — Как самочувствие?

— Ничего. — Ответ Роберта прозвучал едва слышно. — Спасибо.

— Простите, что беспокою, но мне кое-что необходимо знать.

Генетик едва заметно кивнул.

— Скажите, это Сергей ударил вас электрошокером? Это он сжег приборы в аппаратной?

Роберт беззвучно пошевелил губами. Потом спросил:

— А вы, собственно, кто?

Потрясенный директор не нашелся с ответом. Он в изумлении смотрел на неподвижное лицо Митчелла.

— С ним сейчас нельзя общаться, — сказала Римма. — Амнезия. Надеюсь, я смогу с этим справиться, но энцефалограмма скверная.

— Причины? — осведомился полковник.

— Думаю, удар электрическим током.

— Ага! Значит, электрошокер.

— Николай, я уже говорила, что никакой электрошокер не может натворить ничего подобного, — заявила миссис Коллинз.

— А вызвать амнезию может?

— Теоретически может, — сказала врач. — Если выдаст высоковольтный разряд.

— Но шокер Сергея слабый! — запротестовала энергетик. — Он его собрал из всякого хлама. Больше трещит, чем бьет.

— Ничего себе «трещит»! — Полковник машинально потер ногу. — Что же расплавilo приборы?

— Сергей говорил об ангеле...

— Прекратить мракобесие! — рывкнул директор и снова повернулся к Митчеллу. — Роберт! Понимаю, вам тяжело, но прошу вас, постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь!

— Вспомнил! — Роберт вяло улыбнулся. — Я все вспомнил!

— Ну же! — подбодрил его директор.

— Вы — Николай Давиташвили. — Митчелл пошевелил указательным пальцем. — А вы — Ким Коллинз. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Роберт, — растроганно произнесла Ким. — С возвращением.

Директор вытер со лба пот.

— Николай, — мягко сказала Римма. — Это огромный прогресс. Уверена, скоро мы восстановим память. Имейте терпение.

— Терпение, — буркнул Давиташвили, вставая. — У меня в изоляторе сидит полусумасшедший преступник, люди возбуждены до предела, испорчено ценное оборудование, нарушен ход исследований... Что я пошлю в очередном отчете? А вы мне о терпении! Идемте, миссис Коллинз.

— А крыльев у него шесть, — раздалось вслед. — Шесть, а не два.

Директор метнулся к больному:

— Что это было? Вы его видели? Ангела?

— Мы все увидим его. Когда он придет. Снова.

Глаза Митчелла закрылись.

— Заснул, — констатировала Римма. — Очень жаль, но вам действительно придется уйти. Роберту необходим покой. Ручаюсь, скоро он придет в себя.

— Нужно расспросить Сергея, — сказала Ким. — Если два человека рассказывают об одном и том же, над этим следует задуматься.

В коридоре сыщиков ожидал сюрприз. За дверями столпились все обитатели станции. Давиташвили сразу заметил, что экипаж кучкуется по национальному признаку: русские подпирали стену слева, граждане США уселись на пол справа. Увидев суровые лица Воробьева и Симмонса, директор с трудом отогнал мысль о личном огнестрельном оружии.

— Господин Симмонс, господин Воробьев, — Давиташвили обратился подчеркнуто официально, — у вас есть вопросы?

— Есть, — в унисон ответили оба.

— Скорее просьба, — сказал Симмонс.

— Скажем прямо: требование, — дополнил Воробьев.

Оба решительно шагнули вперед.

Директор представил: вот он бежит по коридору, захлопывает за собой дверь блока связи, вызывает Землю и передает сообщение о бунте. Долго ждет ответа. Пытается объяснить, в чем дело. Снова ждет ответа. Снаружи раздаются вопли, шум. Дверь трещит под тяжелыми ударами. Бунтовщики вламываются в блок. Пришедший через три месяца земной корабль обнаруживает два десятка трупов и нескольких выживших, которые деградировали до животного состояния и ничего не могут объяснить.

— Слушаю вас, — директор с трудом справился с апокалиптическими видениями.

— Мы требуем, чтобы допрос Сергея Гвоздева проводился публично, — объявил Билл Симмонс.

— Не допрос, а опрос, — возразил Давиташвили.

— Все равно.

— Согласен с коллегой, — добавил Воробьев. — Мы заинтересованы в справедливом разрешении конфликта. Николай Вахтангович, не спорьте. Ради здоровой атмосферы в коллективе.

— Это, по-вашему, здоровая атмосфера? — невесело поинтересовался директор и кивком указал сначала на группу русских, а затем на американцев. — Эх вы, исследователи! Бульон по молекулам разбираете, а собственные комплексы победить не в силах. Но вы правы: Сергей должен все рассказать. Билл, Игорь, идите с нами в изолятор. Вдруг он снова куролесить начнет. А все остальные — дружно марш в кают-компанию! И скажите спасибо, что я не стану писать рапорт на Землю о недостойном поведении лучших ученых мира!

Полчаса спустя кают-компания была полна, и расселся народ уже вперемишку, без оглядки на раскраску шевронов. Сергей Гвоздев имел вид триумфатора. Он с достоинством сложил руки на груди, вытянул ноги и смотрел на публику свысока.

Николай Давиташвили похлопал ладонью по столу:

— Коллеги! Прошу тишины! Сегодня мы разбираем небывалый инцидент: нападение одного члена экипажа на другого.

Сергей прошептал что-то насчет ужасного синтаксиса, но развивать тему не стал.

— Признаюсь, что я несколько растерян. С одной стороны, я обязан принять жесткие меры. Однако сложившиеся обстоятельства весьма необычны и требуют особого отношения. Под давлением общественности я вынужден приступить к публичному разбору дела. Как вы знаете, Сергей Гвоздев обвиняется в нанесении телесных повреждений и порче ценного имущества при помощи технических средств. К тому же к упомянутому конфликту примешался нехороший националистически-религиозный душок. Друзья! Все решает Земля, но до прибытия корабля мы обязаны сосуществовать как добрые соседи, а ведь это целых три месяца. Именно поэтому следует как можно серьезнее отнестись к сложившемуся положению. Поскольку коллега Митчелл пока не в состоянии выступить, предлагаю дать слово Сергею Гвоздеву. Пусть он расскажет, что вчера случилось в аппаратной. Сергей Павлович, будьте добры.

— Дорогие коллеги! — начал эколог. — Прежде чем я перейду к самим событиям, хотелось бы задать простой вопрос: кто из вас верит в Бога? Собрание зашумело.

— Нет-нет, не формально, я хотел сказать, — продолжил Сергей, — а искренне, из глубины души, от самого сердца?

Давиташвили постучал по столу:

— Сергей Павлович, вера не имеет никакого отношения к случившемуся.

— Вы ошибаетесь, Николай Вахтангович! О, как вы ошибаетесь! Вы не были там! Вы не способны увидеть истинную благодать! А Роберт узрел ангела, и ангел поднялся к нему...

— Прекрати! — рявкнул Симмонс. — Роберт валяется в медбоксе! Тебе бы такого ангела, да по башке!

Сергей улыбнулся:

— А я его тоже видел.

— Ты еще не такое увидишь!..

— Тихо! — директор поднял руку. — Сергей! Вы можете рассказать, что произошло? Что случилось с Робертом? Почему испорчено оборудование? Говорите!

Гвоздев откинулся в кресле:

— Все просто. Как вы знаете, я не собирался поддерживать Митчелла в его безумной затее с внедрением земных организмов в биосферу Европы. Меня совершенно случайно определили помощником Роберта, и я никого не виню. Но потворствовать этому дьявольскому плану я не хотел и не мог. Поэтому решил устроить небольшую аварию. Я спокойно признаюсь в саботаже, поскольку меня обвиняют в покушении на убийство, а это уже полный абсурд. Я всего лишь хотел испортить секвенаторы. К сожалению, Митчелл ночью тоже оказался в аппаратной. Не знаю, что ему там понадобилось. Возможно, он услышал или увидел, как я крадусь по коридору в сторону научного отсека. Я не сразу заметил, что он вошел в аппаратную следом за мной, а потом... все пошло не так.

— Потому что вы ударили его током, — констатировал Давиташвили.

— Нет! — Сергей привстал. — Клянусь, я не поднял бы руку на коллегу. Это сделал пришедший из глубин ангел.

Директор вздохнул:

— Сергей Павлович! Вы опять с вашими религиозными убеждениями?

— При чем тут убеждения? — искренне удивился Гвоздев. — Ангел, действительно, явился и покарал грешника. Заодно уничтожил все, что могло помочь осуществлению сатанинского эксперимента. Я это видел своими глазами. Да и Роберт тоже. Вы у него спросите.

— Прекратите, я требую, наконец! — рявкнул Давиташвили. — Вы едва не убили человека, уничтожили дорогостоящие приборы, а теперь уверяете, что вами руководил ангел!

— Не руководил, а пришел сам, — терпеливо, словно ребенку, объяснил Сергей. — Он явился, испепелил...

— Разрешите вопрос, господин директор! — прервал Гвоздева Билл Симмонс.

Давиташвили кивнул.

— Сергей, откуда у тебя шокер?

— Сам собрал, — спокойно ответил Гвоздев. — Это же простейшая штуковина.

— Согласен, штука простая, — Симмонс прищурился. — Для технаря с опытом и навыками. Насколько я помню, когда у тебя сломалась электробритва, ты по всей станции бегал, просил помочь.

— Билл, вы намекаете... — начал директор.

— Совершенно верно. У Сергея был сообщник. Некто, хорошо разбирающийся в электротехнике.

— Чуть! — заявил Сергей. — Никаких специальных знаний не нужно! У меня есть учебник. Можете проверить в моей читалке. Там разной обучающей литературы навалом.

— Допустим. А откуда детали взял?

— Потихоньку натаскал отовсюду.

— Не выйдет. У нас каждая батарейка на учете. Верно, господин директор?

— Пожалуй, — согласился Давиташвили. — Сергей Павлович, это правда? Кто вам помогал? Лучше скажите сразу.

— Да никто, говорю вам! — Сергей побагровел. — Склад не запирается! Входи, друг, и бери!

— Только надо знать, что берешь, — подытожил Давиташвили. — Коллеги! Вы все слышали. Предлагаю сообщнику Сергея Гвоздева добровольно признать свою вину и дать показания. Итак?

Он осмотрел кают-компанию. Внезапно раздалось удивленные возгласы. Взгляд директора заметался по сидящим в зале, но все смотрели только на него. Многие с раскрытыми ртами. Директор обернулся.

С поникшей головой рядом стояла его помощница по расследованию энергетик станции Ким Коллинз.

— Вы?! — только и смог сказать потрясенный директор.

— Да, — грустно сказала Ким.

— Но зачем?

— Чтобы положить конец этому генетическому безобразию.

— Bravo, — негромко констатировал Воробьев. — Лучше не бывает, дорогие американские друзья!

Нервно хохотнул Симмонс:

— Вот здорово! Спасибо, Ким. Вы просто умница. Америка отблагодарит вас. Ох как отблагодарит!

— Замолчите все! — Кулак директора опустился на столешницу. — Миссис Коллинз! Немедленно объяснитесь!

Ким облизнула губы:

— Когда Сергей требовал прекратить подобные эксперименты, я мысленно соглашалась с ним, но не знала, что можно сделать. Однажды мы разговорились, и я неожиданно для себя разоткровенничалась. Ведь я тоже убеждена, что вторжение в чужой мир не только бессмысленно, но и опасно. Пока мы сидим в нашем пузыре и глядим на инопланетную жизнь сквозь бронированное стекло, ничего особенного случиться не должно. А Роберт собирался сделать невозможное. Что, если бы ему удалось? Что, если бы получилось соединить несоединимое? Это обрекло бы на верную гибель удивительный неисследованный мир.

Миссис Коллинз посмотрела в иллюминатор, за которым шевелился бульон, и все невольно сделали то же самое.

— Разве мало вам загубленной родной планеты? — страстно продолжила Ким. — Вырубленных лесов, загаженных морей, истребленных животных? Если человек проникнет в чужой океан, все кончится тем же. Мы решили, что Митчелла надо остановить.

— И поэтому вы чуть не убили его, — сурово сказал директор.

— Нет! — воскликнула Ким. — Клянусь! Сергей, скажи!

— Она говорит правду, — сознался Гвоздев. — Мы только хотели испортить секвенаторы и еще что-нибудь ценное. Ким собрала электрошокер, а я думал ночью пробраться в аппаратную. У меня и в мыслях не было причинить вред Роберту.

— Это вы расскажете на судебном процессе. Одного я не могу понять: зачем понадобились такие сложные комбинации? Не проще ли усилить

напряжение, скажем, или еще что-нибудь подобное? Какое-то дурацкое оружие, бессмысленное преступление...

— Проще сделать — проще исправить, — убежденно сказал Сергей. — Ну, испортился прибор, так что? С Земли доставили бы новый. Теперь же состоится суд, заговорит пресса, поднимется шумиха. Общественное движение опять-таки. В общем, мы сядем в тюрьму, но наше дело продолжат другие. А мы будем катализатором процесса.

— Геростраты вшивые, — сказал Воробьев и сделал движение губами, будто бы хотел плюнуть. — Ради славы готовы человека угробить. Да еще и с международным скандалом.

— Говорят же вам: мы не хотели! — чуть не плача вскричала Ким. — Не понимаю, как так вышло! Мой шокер даже крысу не убьет!

— Не тревожьтесь, милая Ким, — ласково сказал Сергей. — Вы не виноваты. И я тоже ничего не сделал. Просто не успел. Мы с Робертом чуть не подрались там, в аппаратной. Он решил поднять тревогу. Сбил меня с ног и бросился к пульта. А потом явился ангел.

Все замерли. В наступившей тишине Билл Симмонс проскрежетал:

— Еще раз заикнешься про ангела — получишь в ухо! Черт бы тебя взял вместе с религией!

— Не смей оскорблять мою веру! — выпрямился Сергей. — Господь карает кощунников! Митчелл убедился в этом на собственной шкуре!

— Ах ты, подлец! — Симмонс шагнул вперед. — Богом прикрываешься, вот как? Да я тебя...

Присутствующие вскочили и загомонили наперебой.

— Тихо! — заорал Давиташвили, шаря по карманам в поисках воображаемого пистолета. — Сядьте все на место!

— Нет, Билл, нет! — завизжала Ким. — Не тронь Сергея! Он верует!

— Да его прибить надо! — Воробьев встал бок о бок с Симмонсом. — Козел он, а не верующий!

Глаза Гвоздева вдруг округлились:

— Ангел! Ангел Господень...

— Вот я тебе покажу ангела! — Симмонс сжал кулаки.

— А я добавлю! — Воробьев решительно двинулся вперед.

— Стоп! — заорал Давиташвили. — Остановите их!

— ...посланец Всевышнего! Ты вернулся! Слава тебе, слава!

Директор вдруг рухнул в свое кресло и поднял дрожащую руку.

— Та... та... там... — пробормотал он.

Ким снова завизжала, на этот раз без слов. Гвоздев принялся истово креститься.

— Вы что, окончательно спятили? — гаркнул Воробьев, оглянулся и застыл. — Это еще что за хрень?

Головы присутствующих повернулись к широкому окну кают-компании. Кто-то ахнул, кто-то издал странный звук, словно пытался сказать «тпру» и замолк. Близнецы громко объявили: «Вау!» Остальные просто стояли и смотрели.

Из глубин океана поднимался ангел.

Посланец Господа был прекрасен и огромен. Складки просторной одежды излучали мягкий свет. Два белоснежных, широко распахнутых

крыла плавно двигались. В их неторопливых взмахах угадывалась невероятная мощь. Золотые кудри падали на лицо, скрывая глаза неземного создания.

Давиташвили замотал головой:

— Не может этого быть!

Сергей рухнул на колени:

— Я здесь! Ты видишь меня, Господи! Яви силу свою! Покарай грешников и не оставь страждущих!

Ангел поднял голову. Его великолепные крылья дрогнули и разделились на три части каждое.

— Шестикрылый! — воскликнула Римма. — Серафим!

Теперь ангел приблизился настолько, что были видны каждое перышко на крыльях, каждая складка белого хитона, каждый золотой волос на голове. Внезапно его волосы зашевелились, подобно змеям, и встали дыбом. На оцепеневших людей глянули огромные черные глаза. По одежде снизу вверх побежали волны голубого света. Все шире раздвигались крылья, все чаще бежали волны, а печальные глаза стали наполняться мерцающим сиянием.

— Бежим! — заорал Воробьев, стяхнув наваждение. — Все вон! Быстро!

И ринулся к выходу, попутно схватив за руку Ким Коллинз. Директор тоже сорвался с кресла, споткнулся и чуть не упал, но его буквально вынесли в коридор Джордж и Мартин Харрингтоны. В дверях образовалась пробка.

— Я иду к тебе, посланец! — бормотал Гвоздев. — Я верил, я ждал! Прими же душу мою!

На него налетели Федор Дрынов и Симмонс, схватили под мышки и поволокли прочь. Едва последний член экипажа покинул кают-компанию, послышался короткий жужжащий звук, помещение озарила яркая вспышка, а затем наступила темнота.

— Чертова тварь! — орал Воробьев, прыгая через три ступеньки. — Вот ведь падла, мать его так!

Включилось аварийное освещение. На лестнице показался Симмонс.

— Ты что, рехнулся? — крикнул он. — Не богохульствуй! Это ангел!

— Какой, к дьяволу, ангел? — остановился ксенозоолог. — Ты что, не понял? Это животное! Долбаный европейский электрический скат!

Симмонс застыл. Потом нецензурно выругался.

— Вот именно, — торжествуя заявил Игорь.

— Ты что хочешь сделать?

— Шугануть гадину, чтоб дорогу сюда забыла. Давай в батискаф! Живо!

Кряхтя и задыхаясь, они заняли места в аппарате. Шлюзовая камера стала наполняться водой. Ожил радиопередатчик.

— Воробьев! Симмонс! — проревел директор. — Немедленно вернитесь!

— Не беспокойтесь, Николай Вахтангович! — бодро отозвался ксенозоолог. — Мы сейчас этому зверю устроим баню.

— Кому?

— Ангелу, вестимо. Никакой это не посланец небес, а тварь из глубин Европы!

Ошеломленный Давиташвили молчал. В динамике раздавалось лишь потрескивание.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, Игорь Борисович, — сказал наконец Давиташвили. — Но имейте в виду: после возвращения напишете рапорт. Чудовищное самоуправство...

— Кто-то ведь должен действовать, — проронил Игорь, выводя батискаф из шлюза. — А то только триндим.

— Не отключайте связь, — распорядился директор. — Коллектив желает быть в курсе. Даю на громкую.

— И да поможет нам Бог! — пробормотал Симмонс. — Ты что задумал, Игорь?

— Ошпарить зверюгу водяным выхлопом из дюз. Похоже, он медлителен, ничего нам не сделает.

Билл удивился:

— Чем ошпарить? Температура водяной струи от силы сорок по Цельсию!

— А родная температура «ангела» минус тридцать, если не ниже. Мы его шуганем, но особого вреда не причиним. Ну-ка... Какой же он огромный!

Существо неторопливо поворачивалось вокруг своей оси. Теперь стало видно, что складки «хитона» — вовсе не одежда, да и крылья потеряли первоначальный белоснежный цвет, зато отчетливо проявилась их сложная структура.

— Ты посмотри! — восхищенно бормотал Игорь. — «Одежда» — это плавники! Похоже на земных морских моллюсков. А со стороны — вылитый ангел! Ты видео включил?

— Еще бы, — отозвался Симмонс. — Крылья, гляди, серые стали. И по ним что-то вроде перистальтики ползет. Жабры?

— По-моему, это ловчая сеть наподобие китового уса, только наружная. «Ангел» глушит мелкую живность электричеством и всасывает бульон нитями-щупальцами. Не удивлюсь, если у него и пищеварение наружное, как у пауков.

Симмонс досадливо крикнул:

— Вот мы, как у вас говорят, сели в лужу! Религии всякие, ангелы... А реальность-то покруче оказалась. Теперь понятно, почему он к станции наведывался. Бульон тут густой. Ну и по станции заодно тюкнул... Смотри, заметил нас! Поворачивается! Гигант. Метров тридцать, не меньше.

— Тридцать семь с половиной по дальномеру. А размах «крыльев» — все пятьдесят. И не голова это, а конденсатор.

— И глаза — разрядники!

— Точно. Поэтому будем держаться у хвоста. Или что у него там.

— Ну что, прокачка маневровых двигателей?

— Сейчас развернусь. Давай!

Батискаф выбросил фонтан горячей воды. «Ангел» вздрогнул и быстрее заработал плавниками.

— Игорь, рули живее! Он же сейчас... О, мой бог!

— Не бойся, Билли, успеем. Давай левым!

«Ангел» отпрянул, изогнувшись всем телом. Отчаянно размахивая складками «хитона», он пытался поймать противника в поле действия разрядников, но маленький батискаф маневрировал быстрее.

— Кормовой, готовься!

— Есть готовность!

— Огонь!

Гигантское животное оставило попытки дать отпор неизвестному врагу и начало величественно погружаться в чернильную тьму океана. Волнообразное голубое сияние угасло, «крылья» снова собрались и вытянулись вдоль тела.

Воробьев и Симмонс переглянулись и торжественно стукнулись кулаками. Потом приникли к иллюминаторам и долго смотрели, как исчезает удивительное существо.

— Знаешь, Билл, — сказал Игорь через несколько секунд, — ты только не смейся. Мне Европа с ее невероятным океаном напоминает готический храм немислимой величины. А мы — комок плесени на потолке его. Настоящие чудеса внизу. Этот «ангел» — всего лишь одно-единственное животное. Мы даже вообразить не можем, что обитает там, на многокилометровой глубине. Сколько раз локатор видел какие-то чудовищные тени, кочующие острова... Целый мир, полный тайн. Будут ли разгаданы эти тайны?

— Будут, — убежденно сказал Симмонс. — После сегодняшних событий весь коллектив потребует новую технику. Дадут нам особо прочный батискаф, вот тогда...

— Что «тогда»? Ты же знаешь, как возьмется наши бюрократы. Копуши. Чинуши! А деньги? Кто даст столько «капусты»? Нужны новые разработки, материалы... Пока выделяют гранты, пока спроектируют новый батискаф, потом построят, доставят...

— М-да... — протянул Билл. — Мы к тому времени на пенсию выйдем.

— Да я не против. Лишь бы кто-то нырнул в эти чернила!

В динамиках послышался голос Давиташвили:

— Ребята, мы все видели и слышали. Потрясающе! Возвращайтесь на станцию. Что касается дальнейшей работы, предлагаю связаться с военными, как американскими, так и российскими. Соблазним их докладом об электрическом оружии «ангела», обрисуем перспективы...

— Армия, — с горечью произнес Билл. — Вы хотите превратить «Апис» в военную базу?

— Без нас они шагу не ступят. Придется сотрудничать. Короче, возвращайтесь на «Апис», будем заседать.

Игорь напоследок прильнул к иллюминатору, но во тьме не было видно ни единого лучика света.

«Ангел» неторопливо погружался в глубину черного океана. Перистальтика крыльев закончила работу, весь улов отправился в боковые емкости. Существо двигалось медленно, отяжелев от поглощенной пищи. Росло давление, падала температура.

Когда «ангел» удалился от «Аписа» на пять километров, его рецепторы почувствовали приближение чего-то огромного, теплого, движущегося. Несколько мгновений электрические сенсоры ощупывали колоссальный плавучий остров в поисках входа. «Ангел» прижал крылья к телу, втянул складки, ловко сманивировал и втиснулся в узкую известковую нору, уткнувшись головой в гнездо подзарядки. Тотчас живые щупальца-шланги проникли в тело «ангела», достигли камер, наполненных полупереваренным бульоном, и занялись перекачиванием питательной смеси в систему жизнеобеспечения острова. Множество небольших гладких существ, извиваясь, выбрались из складок хитона и расплозились по лабиринту ходов, которыми плавучий остров был испещрен, словно муравейник. Рейс траулера завершился.

Я-он был прав, плавание к верхней границе оказалось успешным. Разумеется, следовало сначала обнаружить источник тепла, но *я-она* умеет вычислять разницу температур на расстоянии четырех перемещений. Поэтому *я-мы* и решили направить *мягких* туда, где возникла тепловая аномалия. *Я-оно* сомневалось, но логика *трех* перевесила. Несмотря на то что *я-мы* такие же зрячие, как и *сочетающиеся-в-центре*, *я-мы* имеем право на ошибку. И она не замедлила проявиться. *Мягкие* наткнулись на агрессивное бронированное существо, извергавшее потоки огня. *Я-оно* подозревало, что чудовище обитает внутри теплового круга.

Несмотря на атаку неизвестного животного, *мягким* достался богатый улов. *Я-мы* уверены, что исследования верхней границы необходимо продолжить, а чтобы предотвратить нападения опасных существ, нужно направить для зачистки команду *панцирных*. Правда, *я-она* считает, что нельзя уничтожать неизвестное, но логика *трех* сработала и тут.

Другое дело, что *сочетающиеся-в-центре* чрезвычайно медленно реагируют на внешние раздражители. Потребуется семь, а то и восемь колебаний, прежде чем они примут решение. Да и воздействовать на синапсы *панцирных* — занятие нелегкое, ведь у них на одно колебание приходится две линьки со сменой подкорки. Пожалуй, пройдет не меньше двенадцати колебаний, прежде чем *панцирные* совместят вибрации с *сочетающимися*.

А пока *я-мы* можем только мечтать о невероятных открытиях, ждущих *я-нас* на верхней границе. *Я-оно* часто думает об идеях *я-его*. Океан имеет границы, но *я-мы* не знаем, что находится там, за пределами нашего мира. И если границу преодолеть, не узрим ли *я-мы* иной, Великий Океан, бесконечный и великолепный в своем разнообразии? Откроются ли *я-нам* тайны большого мира? И будут ли разгаданы эти тайны?

Сайлыкмаа КОМБУ

ТИШЕ ТЕНИ

Перевод с тувинского Инны Принцевой

* * *

Окунувшись в блаженство и свет снегопада,
осень тихо почила.
Я затемно встала,
грусть шептала мне имя твое в полудреме.
Чисто-чисто на сердце, за окнами, в доме.
За порог побежала — заспешила крылато.
Знала — ждешь, и замерз,
и согреть тебя надо.
Хлопья снега лежат на открытых ладонях —
чисто-чисто на сердце, за окнами, в доме.
Целовать снегопад на рассвете мне сладко —
вместо жарких объятий — снежинок охапка.
Скоро ветер метельный над домом завоет.
Чисто, пусто на сердце, за окнами, в доме.

* * *

Господи, прости.
Скажи, зачем
влачится по дороге это тело?
Куда?
Душа
зверенком в тесной клетке изболелась,
исплакалась от страха и стыда.
С несчастной,
похотливой,
злойной стаей
поток нечистот перебредя,
я — тише тени
и прохладней льда,
умытая слезами.
Так путь печален, свете, до тебя.

* * *

Здесь был мой дом,
 когда-то был мой дом.
 Сквозь сердце
 веет снежным ветерком
 неузнаванье.
 Эта коновязь
 давно горячую
 не сдерживала силу.
 Тепло огня
 здесь долго не хранили
 и в небо
 не вилась седая прядь.
 Игр жеребятчих
 бег и озорство
 слепыми сорняками заросло.
 Тепло уютных детских лет
 осталось в сердце.
 Играет сердце в сайзанак*,
 играет с ветерком.

* * *

Помогите.
 Спасите.
 Цепким горем
 стреножены легкие ноги.
 Помогите.
 На этой разбитой дороге
 и загнуться недолго.
 Господь нас, неумных, храни.
 Отче светлый
 да отец мой,
 улыбкой встречавший печали,
 на руках, напевая, ребенка качали,
 чтоб дитя никогда не догнали невзгоды,
 посадили его в белокрылую лодку,
 лодку счастья пустили в бескрайнее море.
 И какое же горе
 жизнь мою иссушило до пыли?
 Где счастливая лодка,
 которую мне подарили?
 Мне отныне учиться
 улыбаться в великой печали,
 обернуться ладью белокрылой,
 чтобы волны сыночка качали.

* Сайзанак — детская тувинская игра «в дом».

* * *

Между нами — пепелище,
между нами ветер свищет,
что же милостыню просит
сердце,
словно старый нищий?

Все в большом костре сгорело,
что горенью поддавалось,
нежность, преданность и жалость
в легкий пепел превращались.

На углях багровых пляшет
гибкой саламандрой ярость.

Между нами — пепелище,
между нами ветер свищет,
что же милостыню просит
сердце,
словно старый нищий?

Гравюра

Жаркое.
Горькое.
Черное.
Белое.
Белые вороны.
Черные лебеди.

Смех мой
по черному прыгает кружеву,
снежные искры
под веками кружатся:

время прощаться.

Слезы сгорают —
соль остается.
Соль раскаленная
яростно жжется:

время прощаться.

Белые вороны.
Черные лебеди.
Черное небо.
И облако белое.

Валентин КРАСНОГОРОВ

РЕЖИССЕР МАССОВЫХ ЗРЕЛИЩ

*Трагикомедия в двух действиях
без перерыва*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Режиссер
Консультантка
Мужчина
Женщина

Возраст персонажей решающего значения не имеет. Мужчинам может быть 40—60 лет, женщинам — 30—40.

Обычная, ничем не примечательная комната. Входит мужчина средних лет — Режиссер. Его сопровождает красивая, безупречно одетая женщина — Консультантка.

Консультантка. Прошу сюда. Пожалуйста, проходите.

Режиссер. Здесь и будем репетировать?

Консультантка. Да. Вас что-нибудь не устраивает?

Режиссер. Нет, почему же. Что это за комната?

Консультантка. Нечто вроде студии звукозаписи. Она хороша своей герметичностью. Если закрыть дверь, то ни сюда, ни отсюда не доносятся никакие звуки. Для ваших репетиций это особенно подходит. Никто не будет беспокоить. Вам нравится?

Режиссер (небрежно). Вполне комфортно. Впрочем, мне все равно. Я могу работать в любых условиях, хоть в бурю на палубе корабля. Но где же так называемые артисты? Ведь репетиция назначена на 22 часа, а уже три минуты одиннадцатого.

Консультантка. Скоро будут.

Режиссер (недовольно). Что значит «скоро»? Они должны быть здесь и готовы ровно в двадцать два. Моя работа не терпит отклонений от графика. После них мне еще предстоит работать всю ночь. Я должен любой ценой все закончить завтра к трем, и это не та премьера, которую можно отложить на другое время.

Консультантка. Успокойтесь, сядьте. Хотите кофе?

Режиссер. Дорогая, я пришел сюда не для того, чтобы пить кофе, а для того, чтобы делать дело. Кстати, а вы кто?

Консультантка. Я — консультантка.

Режиссер. Милочка, я не нуждаюсь в консультантах.

Консультантка. Так я и не ваша консультантка.

Режиссер. А чья?

Консультантка. Не ваша. Меня прислали помогать вам в репетиции.

Режиссер. Помогать — мне? Я не нуждаюсь и в помощниках. Знаете ли вы, кто я?

Консультантка. Вы великий режиссер. Все это знают. Но не будете же вы сами наливать себе кофе или искать листки с текстами ролей? Для этого я здесь.

Режиссер. Ну, разве если для этого... Терпеть не могу посторонних на репетиции.

Консультантка. Не беспокойтесь. Я буду лишь ваш ассистент или помреж... Не знаю, как это у вас там в театрах называется.

Режиссер. Ладно, оставайтесь, но ни в коем случае не вмешивайтесь в мою работу. Иначе я вас просто выставлю.

Консультантка. Хорошо.

Режиссер. Если вы чья-то там консультантка, то, может быть, знаете, почему эта репетиция и вся моя работа должны сохраняться в тайне?

Консультантка. Должно быть, потому, что таково желание заказчика.

Режиссер. Странное желание. Тут что-то не так.

Консультантка. Вам за эту работу заплатят?

Режиссер. Разумеется.

Консультантка. Хорошо заплатят?

Режиссер. Даже очень. По крайней мере, обещали.

Консультантка. Тогда у вас не должно быть вопросов.

Режиссер (*нетерпеливо*). Но где же эти горе-артисты, черт бы их побрал?

Консультантка. Ну зачем же сразу так резко? Они уважаемые люди, у них высокие звания...

Режиссер. Поэтому сразу и надо призвать их к порядку. Как только актер начинает напоминать мне о своих званиях, орденах, наградах и о том, сколько раз его показывали по телевизору, с ним сразу становится невозможно работать. Звезд не терплю. Таких я сразу выгоняю.

Консультантка. Их тоже показывают по телевизору, но я просила их вести себя скромно.

Режиссер. Пусть попробуют вести себя по-другому... Пока я вижу только одно: к завтрашнему числу спектакль должен быть готов, а их нет. Они хоть знают свои роли?

Консультантка. Обещали выучить.

Режиссер. Если не вызубрили назубок, отправлю назад. У меня нет времени разучивать с ними тексты. Здесь не детский сад.

Консультантка. Я все-таки налью вам кофе.

Режиссер. Да идите вы со своим кофе...

Входит Мужчина. Он несколько старше среднего возраста,
на нем строгий темный костюм.

Мужчина. Добрый вечер.

Режиссер. Наконец-то вы радуете нас своим присутствием.

Мужчина. Извините, я немного задержался...

Режиссер. Я не принимаю этих извинений. Если вы не цените свое время, уважайте время других.

Мужчина. Я очень занятой человек, вы должны меня понять.

Режиссер. Уверяю вас, я занят больше, чем вы, но пришел вовремя, хотя у меня на счету каждая секунда. В эту минуту над спектаклем под моим руководством работают сотни людей, и без четкого графика все рухнет. Если я от каждого буду принимать вместо сделанной работы извинения, завтра нас ждет провал.

Поспешно входит Женщина. Она красива, одета ярко и вызывающе; навеселе, но пытается это скрыть.

Женщина. Добрый вечер... *(Виновато.)* Я, кажется, опоздала...

Режиссер. Как сказано в «Гамлете», «не кажется, а есть. Я не люблю того, что кажется...».

Женщина *(озадаченно).* Это вы про что?

Режиссер. Про то, что вы опоздали, а я этого не терплю.

Женщина. Так получилось.

Режиссер. Если у вас и дальше будет «так получаться», то у нас ничего не получится, ясно?

Консультантка. Может быть, мы начнем репетицию?

Режиссер. Милочка, вы уже даете мне советы?

Консультантка. Но ведь они пришли, извинились.

Режиссер. Вот и сидите тихо, чтобы я больше вас не слышал. Я хочу, чтобы все сразу поняли: без железной дисциплины мы ничего не добьемся. Наше время очень ограничено. Все должны слушаться меня беспрекословно. Звездной болезни я не допущу. Надеюсь, всем это ясно? *(Пауза.)* Вот и прекрасно. Теперь не будем терять ни минуты. *(Смотрит в свой блокнот.)* Первой у нас выступает дама. Остальные сидят, молчат и не мешают. *(Женщине.)* Вы готовы?

Женщина. Сейчас, я только позвоню.

Режиссер. Никаких звонков! Всем отключить телефоны!

Женщина. Я быстро. Это очень важно.

Режиссер. Важнее репетиции ничего быть не может.

Женщина. Ну хорошо. *(Прячет телефон.)*

Режиссер. Я, кажется, спросил — вы готовы?

Женщина. Да.

Режиссер. Так начинайте. Пройдите вперед... Кстати, почему вы так одеты? Я просил передать, чтобы вы явились в сценических костюмах.

Женщина. Я не знала, что это обязательно.

Режиссер. Запомните: все, что я говорю, это обязательно. Запомнили?

Женщина. Да.

Режиссер. Прекрасно. Вы должны были надеть приготовленный костюм, чтобы к нему привыкнуть, в него вжиться, почувствовать его своим. Но самое главное, чтобы он помог вам создать нужное настроение.

Женщина. Я боялась его испачкать или помять.

Режиссер. Тогда хотя бы могли догадаться надеть что-нибудь потемнее. А то вы будете сейчас изображать скорбь, а юбка у вас, извините, едва скрывает то, что обычно в дневное время демонстрировать не принято. Правда, сейчас уже почти ночь. Да и вообще, есть ли на вас юбка?

Женщина. А вы не видите?

Режиссер. Почти не вижу.

Женщина. А вы всмотритесь.

Режиссер. Боюсь, если я буду всматриваться, то я увижу слишком много.

Женщина. Такое теперь носят.

Режиссер. Ладно, не будем терять время на разговоры. Как говорят в театре, ваш выход. *(Пауза. Женщина явно не понимает, что делать.)* Ну что вы стоите, как соляной столб?

Женщина. А вы не сказали мне, что делать.

Режиссер. Прежде всего выйти вперед и встать лицом к публике. *(Женщина стоит на месте.)* Ну? Какая проблема теперь?

Женщина. Я не знаю, как мне идти.

Режиссер. Вы не умеете ходить? Вас и этому надо учить?

Женщина. Я имела в виду — быстро, энергично или, наоборот, медленно?

Режиссер. Разумеется, медленно. В предлагаемых обстоятельствах надо все делать медленно и печально.

Женщина. А где публика?

Режиссер. Публика — это я. *(Женщина выходит в центр сцены и снова молчит.)* Дорогая, у вас редкий дар. Я люблю молчаливых женщин, но молчание — не всегда золото. Начните же наконец!

Женщина. Одну минуту... *(Быстро семенит к своей сумочке, достает оттуда листки бумаги, разворачивает — и снова «медленно и печально» возвращается в центр сцены.)*

Режиссер. Это еще что такое?

Женщина *(виновато).* Роль.

Режиссер *(взрываясь).* Как? Вы еще не выучили своей роли? Что за дисциплина? Что за порядки? Я отказываюсь с вами работать! Вы и завтра будете говорить по бумажке?

Женщина. А что такого? У нас все говорят по бумажке.

Режиссер. Это у вас. А у меня вы будете говорить без нее, или я вас прямо сейчас сниму с роли. Ваши слова должны рождаться от чувства, а не от шпаргалки.

Мужчина спешно достает из кармана листки и начинает учить роль.

Женщина. Я к завтраму выучу.

Режиссер. И, думаете, я вам поверю? Да и способны ли вы что-нибудь выучить, да еще *(передразнивая)* к завтраму?

Женщина. Даю слово.

Режиссер. Ну хорошо, читайте пока по бумажке. *(Насмешливо.)* Читать-то умеете?

Женщина предпочитает не реагировать.
Она находит нужный листок и читает.

Женщина (*жизнерадостно*). Дорогой друг!

Режиссер. Стоп!

Женщина. Что такое?

Режиссер. А то, что так читают поздравление на дне рождения. Надо придать лицу и всему телу скорбный вид. Движения медленные, плечи опущены, руки безвольно висят, губы вас не слушаются, слова произносятся с трудом. Понятно?

Женщина. Да. (*Стараясь говорить печально.*) Дорогой друг!
(*Поправляет сползшую с плеча бретельку.*)

Режиссер. Нет, скорбный вид у вас не получается. Да и как он может получиться, если грудь у вас открыта почти до пояса, а ноги... сами знаете, до чего. Как вас угораздило явиться сюда в таком виде?

Женщина. Дело в том, что меня сюда вызвали... как бы это сказать... прямо с дружеской вечеринки.

Режиссер. И вы, конечно, слегка там выпили.

Женщина. Немножко.

Режиссер. И, видимо, забыли там второпях часть одежды.

Женщина. Не смешно.

Режиссер. Грустно. А еще пытались уверить меня, что опоздали, потому что очень заняты.

Женщина. Имею же я право иногда повеселиться. Откуда я знала, что меня оттуда срочно выдернут?

Режиссер (*еще раз критически оглядывая Женщину*). Нет, в таком виде правильную интонацию из вас не выжмешь.

Женщина. У меня тот костюм внизу, в машине. Может, мне пойти и быстро переодеться?

Режиссер. Стойте, дайте пока подумать... (*Внимательно разглядывает Женщину.*) Вы еще вполне ничего... Смотрите... И без одежды, вероятно, даже лучше, чем в ней... Да, пожалуй, мы ее снимем.

Женщина. По телевизору?

Режиссер. Нет, мы снимем с вас одежду. А потом можно будет снимать вас и по телевизору.

Женщина. Я не понимаю. Вы хотите, чтобы я выступала голой?

Режиссер. А вы считаете себя в этом наряде одетой?

Женщина (*испуганно*). Но не могу же я появиться на людях без всего.

Режиссер. Почему нет? Во-первых, без всего вы будете выглядеть более прилично, чем полуголая. Во-вторых, без обнаженки сейчас не обходится ни один спектакль.

Женщина (*испуганно*). Вы серьезно хотите меня раздеть?

Режиссер. Если хотите, я могу раздеть вас несерьезно.

Женщина. Но меня же увидят столько людей!

Режиссер. Должны же они получить от нашего зрелища хоть какие-то положительные эмоции.

Мужчина. А чем вы будете это мотивировать?

Режиссер. Вообще-то это забота не ваша, а режиссера. Но мотивировка очевидна: обезумевшая от страдания женщина, думая не о приличиях, а только о своем горе, в отчаянии припадает к гробу возлюбленного. Нагота ее прикрыта, как у святой Инессы, одними лишь распущенными волосами...

Женщина. У меня волосы не такие длинные, чтобы прикрыть... ну, это... наготу.

Режиссер. Дадим вам парик. Впрочем, ладно, я обдумаю этот вариант позже. А пока начнем сначала. Ну? Не тяните время! Поехали!

Женщина. Дорогой друг!

Режиссер. Не так! Скорби, скорби побольше! Пустите слезу, если сможете!

Женщина. У меня рыдания не получаются. Всегда получаются, а сейчас нет.

Режиссер. Как это не получаются, черт побери? У вас нет воображения, что ли? Ну представьте, например, что вас бросил любовник. Не помните текста, так пока импровизируйте.

Женщина (*на секунду задумавшись и резко меняя выражение лица*). Сволочь! Мерзавец! Я всегда знала, что ты меня бросишь! Но не волнуйся, плакать не буду. И одна надолго не останусь... Ты еще пожалеешь...

Режиссер. Стоп! К кому вы обращаетесь?

Женщина (*смущенно*). Ну... К любовнику.

Режиссер. Который лежит в гробу?

Женщина. Но он же меня бросил. Не называть же мне его «дорогой друг».

Режиссер (*устало*). Он вас не бросил, а оставил. Ради высшей вечной жизни, в которой вы когда-нибудь с ним воссоединитесь. Вот в каких категориях надо строить образ. И надо не кричать «плакать не буду», а, наоборот, плакать горькими слезами. Я чувствую, что мыслями вы все еще на вашей вечеринке. Сядьте, подучите текст и подумайте над ролью. И попейте кофе, чтобы немножко протрезветь. (*Кивая на Консультантку, скромно сидящую в углу*.) Девушка вам нальет.

Женщина (*опасливо косясь на Консультантку*). Да нет, зачем ее беспокоить? Я могу продолжать и так.

Режиссер. Сядьте, вам говорят. А я пока поработаю с другим актером. (*Мужчине*.) Прошу.

Мужчина выходит в центр сцены, разворачивает листок с ролью.

Пауза.

Мужчина. Мне тоже изображать скорбь?

Режиссер (*иронично*). Нет, буйную радость. (*Свирепо*.) Вы же находитесь у гроба, черт побери! Неужели это надо объяснять?

Мужчина. Понял. (*Изображает скорбь*.) Дорогой друг!

Режиссер. Стоп! «Дорогой друг» уже был. Нельзя ли для разнообразия начать как-нибудь по-другому? Хотя бы «незабвенный друг»? Разве вы с ней говорите одну и ту же речь?

Мужчина. Извините, я по ошибке взял ее роль. (*Берет листок со своей ролью. Пауза.*) Скажите, а завтра во время представления я буду произносить речь на трибуне или просто стоя?

Режиссер. Около гроба трибун не ставят. Так что шпаргалку прятать будет негде.

Мужчина. Значит, речь надо будет выучить наизусть?

Режиссер. А вы еще не выучили?

Мужчина. Понимаете, я привык как-то больше по бумажке. Людям нашего ранга не позволено импровизировать.

Режиссер. В порядке исключения придется без бумажки.

Мужчина. Я могу сбиться.

Режиссер. Если собьетесь не сильно, то ничего страшного. Даже лучше. Вы как бы взволнованы, подавлены случившимся, с трудом находите слова.

Мужчина. Понял.

Режиссер. Не забудьте принять скорбный вид.

Мужчина (*скорбно*). Дорогой друг!

Режиссер (*взрываясь*). Опять «дорогой друг!» Вы что — надо мной издеваетесь?

Мужчина. Извините, я машинально. Немного волнуюсь.

Режиссер. Хорошо. Начинайте снова.

Мужчина принимает скорбную позу, открывает рот,
но в это время у Консультантки звонит мобильный телефон.

Консультантка. Алло! Да. Хорошо... Все готово? Когда? Примерно через час? Проверьте еще раз, полковник. Чтобы все было без сбоев.

Режиссер (*свирепо*). Я, кажется, приказал всем отключить телефоны. Почему вы не выполнили мое указание?

Консультантка. Я не имею права отключать телефон. Тем более в такой день.

Режиссер. А мне плевать на ваше право. Здесь важна только репетиция. (*Стучит кулаком по столу и обводит всех грозным взглядом.*) Если еще у кого-нибудь зазвонит телефон, я... (*Мужчине.*) Продолжайте.

Мужчина. Извините... (*Роется в карманах.*)

Режиссер (*скрежеща зубами*). Что опять?

Мужчина. Не могу найти очки.

Режиссер. К черту очки! Завтра у вас не будет ни очков, ни бумажки. Говорите же, говорите хоть что-нибудь! Представьте, что вы стоите на возвышении посреди просторной площади, перед вами открытый гроб, оркестр умолк, караул замер, на вас направлены десятки телевизионных камер, и вся страна смотрит на вас и ждет, что вы скажете. Вы будете рыться в это время в карманах?

Мужчина. Но я же еще не выучил речь.

Режиссер. Я знаю, что не выучили! Но думайте пока не о том, что сказать, а о том, как сказать!

Консультантка (*из своего угла*). «Что» — тоже важно.

Режиссер (*грозно*). А вас никто не спрашивает.

Мужчина. И как же это надо сказать?

Режиссер. Задушевно, проникновенно, слова должны идти как бы из самого сердца... Помните, как сказано в «Фаусте»? «Но сердца к сердцу речь не привлечет, коль не из сердца ваша речь течет». Понятно? Ну! Поехали!

Мужчина (*проникновенно читает по бумажке*). Дорогой брат!

Режиссер. Глядите не в бумажку, а в камеру, прямо в камеру!

Мужчина. Но тут же нет камеры.

Режиссер. Здесь, на репетиции, роль камеры буду играть я. А завтра, во время шоу, наоборот, представьте, что камера — это ваш режиссер, ваш лучший друг, и, глядя ей прямо в глаза, то есть прямо в объектив, обращайтесь к ней как к живому человеку. Помните, что таким образом вы будете глядеть в глаза миллионов людей, а они будут глядеть на вас. Ясно? Поехали!

Мужчина (*пристально глядя на Режиссера*). Дорогой брат!

Режиссер. Стоп! В камеру вы смотрите хорошо, но забыли изобразить скорбь.

Мужчина. Трудно запомнить все сразу — и лицо, и слова, и скорбь. Я боюсь сбиться.

Режиссер. Черт с ними, со словами. Слова — последнее дело. Не можете запомнить — не надо. В современном театре они не важны, главное — передать эмоцию.

Консультантка. Мне кажется все-таки, что слова тоже важны.

Режиссер (*Консультантке*). Вас выставить сейчас или подождать, когда вы подадите следующую реплику? (*Мужчине.*) Продолжайте. Лицо должно быть грустное, но в то же время просветленное, внушающее энергию и оптимизм. Да, ваш лучший друг безвременно покинул вас, но в душе он всегда останется с вами, память о нем не сотрется, дело его не погибнет, и продолжать его будете именно вы. Итак, начали снова! Рыдания сдавливают вам горло...

Мужчина (*сдавленно*). Дорогой брат!

Режиссер. Что вы там бормочете?

Мужчина. Это рыдания сдавливают мне горло.

Режиссер. Пусть сдавливают, но говорить надо отчетливо.

Мужчина. Все это очень трудно. Как можно изобразить сразу и скорбь, и оптимизм? Не получается.

Режиссер. Не получается, потому что вы не умеете и не хотите работать. Боюсь, я только теряю с вами свое драгоценное время.

Мужчина (*неожиданно сухо и высокомерно*). Вы забываетесь, уважаемый. Сбавьте, пожалуйста, тон. Да, у нас нет актерского таланта. Ну и что? Мы и не обязаны его иметь. У нас есть занятия поважнее. Политики не должны быть актерами.

Режиссер. Ошибаетесь. Это актеры не должны быть политиками. А вот хороший политик должен быть актером. Но так и быть: если я когда-нибудь найду время, то дам вам несколько частных уроков. За хорошие деньги, разумеется. А пока пойдите, потренируйтесь у зеркала и поучите слова.

Мужчина (*нервно*). Ваша бесцеремонность недопустима, слышите? Мы вам не какие-нибудь шлюшки из мюзик-холла, или где вы там подвизаетесь, а достойные, уважаемые люди. Ведите себя соответственно.

Режиссер. Запомните: в любом театре режиссер — это всё, а прочие, кто бы они ни были, — никто и ничто, пустое место, вешалки для костюмов, куклы, марионетки. Ясно?

Мужчина. А я повторяю: мы не будем терпеть ваши издевательства только потому, что у нас что-то не получается.

Режиссер (*насмешливо*). «Что-то не получается...» Какая скромность! «Что-то!» (*Свирепо.*) Да у вас ничего не получается! Слышите? Ничего! (*Подумав.*) Вот что я сделаю. Завтра на площади, в окне ближайшего здания я поставлю снайпера. И если вы не выучите текст, то, как только вы сделаете первую ошибку, винтовка сделает пиф-паф. Второй гроб я заготовлю заранее. А двойную речь произнесет над парной могилой ваша партнерша. (*Женщине.*) Произнесете?

Женщина. С удовольствием.

Режиссер. Уверю вас, эффект представления будет грандиозным. Жаль, что вы уже не сможете им насладиться.

Мужчина. Ваши шуточки глупы и неуместны.

Режиссер. А я вовсе не шучу. Осталось меньше суток до нашего позора, так что перестаньте заниматься разговорами и возьмитесь наконец за дело. Всякий спектакль требует работы и подготовки, а наш особенно. В нем участвует тьма народу, а времени у нас в обрез.

Консультантка. Мне кажется, вы нервничаете. Бойтесь не успеть?

Режиссер. Я никогда ничего не боюсь. Все будет готово в срок. Я ставил зрелища и на улицах, и на площадях, и на стадионах, и в плавательных бассейнах... И всегда все работало как часы. Это моя профессия. Я работаю как вол, но добиваюсь такого же отношения к работе от других.

Мужчина. Я не против работы, но требую к себе уважения. Я вам не какой-нибудь мальчик, а руководитель высшего ранга.

Режиссер. А я требую уважения к себе. В свободное от репетиций время — пожалуйста — руководите правительством или там страной, мне все равно. А здесь постановкой спектакля руковожу я, а вы в нем только актеры и статисты и должны делать то, что вам говорят.

Мужчина. Занимайтесь своим делом, но не забывайте, кто вы и кто я.

Режиссер. Я не забываю, что вы наш премьер, хотя премьер самого захудалого провинциального театра сыграл бы роль в завтрашнем спектакле куда лучше. И вы, в свою очередь, не забывайте: именно я создавал вам имидж, когда вас готовили в премьеры. Именно я учил вас ходить, говорить, одеваться, держаться, чтобы вы имели видимость серьезного, умного, достойного человека. И мы на репетиции, а не на заседании правительства. А на репетиции все подчиняются только одному человеку — режиссеру. И этот режиссер — я.

Мужчина. Позвольте...

Режиссер (*перебивая*). И смею заметить, что, когда министра снимают с должности, он становится никем, «бывшим». А мое у меня никто не отнимет. Я был, есть и останусь профессионалом высокого уровня.

Мужчина. Но это не дает вам права...

Режиссер (*обрывая*). Пойдите, я еще не кончил. Если вы всенародно провалите завтрашнее представление, это будет, конечно, ваш провал.

Но, к сожалению, это будет и мой провал. Вас, вероятно, снимут, но я это переживу. Меня никто не снимет, но я дорожу своей репутацией лучшего в мире постановщика массовых зрелищ и не хочу из-за вас ее терять. И я не выпущу вас отсюда, пока вы не произнесете свои речи так, как нужно. Это, прежде всего, в ваших же интересах. Неужели вы этого не понимаете?

Мужчина. Я только хотел сказать, что мне не нравятся методы, которыми вы ведете репетицию.

Режиссер. Режиссура — это моя профессия, и предоставьте эту работу мне. Если бы всем профессионалам вы дали делать дело так, как они умеют и хотят, наша страна давно была бы другой. А вы во все вмешиваетесь и все портите. (*Указывая на Женщину.*) Берите пример с вашей коллеги по правительству. Она сидит тихо и не затягивает репетиции бесполезными перепалками. (*Женщине.*) Ведь вы, кажется, тоже министр, депутат или что-то в этом роде?

Женщина. А что?

Режиссер. Ничего. Ну и чем вы там заправляете?

Женщина. На что могут поставить министром женщину? Только на то, что у нас считается самым неважным, третьестепенным: здравоохранение, образование, культура...

Режиссер. И какое же из этих министерств вы возглавляете?

Женщина. Я? (*Мучительно вспоминая.*) Это... Как его... Кажется, образования... или нет, культуры. Я их вечно путаю. (*Мужчине.*) Вы не помните, я сейчас министр чего — образования или культуры?

Мужчина (*угрюмо*). Сельского хозяйства.

Женщина. Верно! А я почему-то думала — культуры.

Мужчина. Культурой вы руководили в прошлой каденции.

Женщина. Почему вы мне раньше не напомнили? А то я вчера на заседании коллегии все время повторяла, что наша главная задача — развивать культуру.

Мужчина. Не страшно. Они, вероятно, решили, что вы призываете их к культуре племенного животноводства.

Консультантка. Извините, что я вмешиваюсь, но репетиция ушла куда-то в сторону. Не пора ли к ней вернуться?

Режиссер. Дорогуша, сразу видно, что вы ничего не понимаете в театре. Все репетиции состоят в основном из ненужных разговоров и ругани. Без конфликта не рождается спектакль. Но я отвлекся неслучайно. Просто я чувствую, что завтрашнему спектаклю чего-то не хватает. Какой-то изюминки... Все скучно, обыденно, не зрелищно... Все как у других... Нужно что-то придумать, нужна находка, трюк, фокус, прием. (*Задумывается на мгновение.*) Может быть, наш уважаемый премьер прямо в живом эфире изнасилует эту замечательную женщину?

Женщина. Меня?

Режиссер. А кого же еще?

Мужчина. Вы с ума сошли.

Женщина. А что тут такого? Я не против.

Мужчина. Я тоже, но почему обязательно прямо перед камерой?

Режиссер. Чтобы был скандал.

Мужчина. А зачем скандал?

Режиссер. Как зачем? Без скандала не может быть успеха. Кому интересно смотреть на похороны? Это ведь довольно унылое и, в общем, всем знакомое зрелище. Правда, я дал указание художнику максимально украсить его и сделать более праздничным и жизнерадостным, но похороны есть похороны. Всегда одно и то же — постные физиономии, фальшиво-скорбные речи... Телезрители тут же переключатся на футбол или на сериал. А если будет скандал, то об этом заговорят, будет взрыв интереса, народ будет требовать повтора. Я всегда ставлю так, чтобы был скандал. Остальное ни меня, ни зрителя не интересует.

Консультантка. Но какое отношение насилие имеет к похоронам?

Режиссер. Никакого. В этом и есть фишка. Например, как-то я ставил официальную встречу одного зарубежного лидера, и знаете, что придумал? Навстречу ему выбежали голые девушки с нецензурными татуировками на грудях. Этот ролик показали телекомпании всех стран.

Мужчина. А что лидер?

Режиссер. Остался очень доволен: девушки были что надо, и его фамилию узнал весь мир. А до этого о нем и не слыхивали. Так создается успех. А когда в Сингапуре я режиссировал фестиваль орхидей...

Консультантка. Извините, что я снова вмешиваюсь, но у нас сейчас не вечер воспоминаний, а репетиция.

Режиссер. Слово «репетиция», дорогая моя, на латинском языке означает «повторение». Но у настоящего режиссера каждая репетиция — это не повторение одного и того же, а поиски и выдвижение новых идей.

Консультантка. Сцена с насилием не кажется мне удачной идеей.

Режиссер. Во-первых, кисонька, вас никто не спрашивает. Во-вторых, я вижу сцену похорон именно так. Как говорил один великий режиссер, чем будем удивлять?

Консультантка. Вы думаете, что половым актом на экране телевизора вы теперь кого-то удивите?

Режиссер. Честно говоря, не уверен. Я выдвинул эту идею лишь как рабочую гипотезу. Ну а чем, по-вашему, можно удивить теперешних зрителей?

Консультантка. Ну, например, логичностью спектакля.

Режиссер. Это старо. Я всегда должен опережать свой век, а не плестись позади него. Вот почему в моих спектаклях больше трюков, нецензурщины, насилия и прочего, чем у других. Еда без перца и прочих пряностей пресна и безвкусна.

Консультантка. Так говорят только те, кто не умеет вкусно готовить.

Режиссер. Я привык задавать тон и не собираюсь от этого отступать. Зрители должны уходить с моих спектаклей одуревшими. Это и есть настоящее искусство. Вот почему я лучший режиссер массовых зрелищ в этой стране.

Консультантка. Вы уверены, что все разделяют это мнение?

Режиссер. Меня не интересует, что думают обо мне другие. Важно, что думаю о себе я сам.

Консультантка. Не хочу вас обижать, но я знаю профессионала в этой области, который лучше, чем вы.

Режиссер (уязвленно). Этого не может быть. Кто он?

Консультантка. Неважно.

Режиссер. Нет, назовите фамилию. Я знаю всех профессионалов в этой области.

Консультантка. В другой раз. Сейчас некогда обсуждать рейтинги, скоро уже похороны. Надо работать.

Режиссер. Вы слишком много себе позволяете. Уж не собираетесь ли вы меня поторавливать или указывать мне, как надо ставить спектакли? Кстати, кого мы хороним? *(Звонит мобильный телефон.)* У кого, черт возьми, опять звонит телефон? Я же велел всем отключить!

Консультантка. Это звонит ваш телефон.

Режиссер. Да? *(Достает телефон.)* Верно.

Консультантка. Кстати, а почему вы его не отключили?

Режиссер. Потому что основная моя работа совершается не здесь, а по всему городу, и в ней заняты, как я уже сказал, сотни людей. И, кроме того, я — это я. *(В трубку.)* Алло! Я же сказал: генеральная репетиция в два часа ночи. Чтобы люди к этому времени были на площади! Организуй доставку, а потом развозку. У тебя для этого есть тридцать автобусов... Не забудь о микрофонах и цветах... А что с лошадьми? *(Выходит, продолжая разговор.)*

Мужчина. Хвастливый самодовольный индюк. Грубый и бесцеремонный. Воображает, что он — пуп земли.

Женщина. Но свое дело он знает.

Мужчина. Это не извиняет его хамства и не освобождает от вежливости.

Консультантка. Он нервничает: ведь вся ответственность лежит именно на нем.

Мужчина. Я не буду с ним работать. Надо его заменить.

Консультантка. Старая история: артисты хотят заменить режиссера, режиссер — артистов... Оставьте эти разговоры.

Мужчина. Почему? Зачем нам этот диктатор? Разве нет других режиссеров?

Консультантка. Думаете, другие режиссеры лучше? Все они диктаторы. И не только они. Да и поздно уже говорить о заменах и переменах. До церемонии остались считанные часы. Лучше постарайтесь выполнять его указания. Тогда и конфликтов будет меньше.

Входит Режиссер, пряча на ходу телефон.

Режиссер. Продолжаем репетицию. *(Женщине.)* Вы уже знаете свой текст?

Женщина *(неуверенно).* Я учила.

Режиссер. Очень хорошо. Чтобы не топтаться на месте, начнем сразу со второго абзаца.

Женщина *(подглядывая в текст).* Дорогой Александр! *(Режиссеру.)* Александр — это кто?

Режиссер. Очевидно, человек, которого вы хороните.

Женщина. Его звали Александр?

Режиссер. Вероятно. Вам лучше знать.

Консультантка (с плохо скрываемым раздражением). Да, его имя Александр. Разве вы не помните?

Женщина. Откуда мне знать? Я о нем и слыхом не слыхала, пока он не обнародовал наши операции с недвижимостью и нефтью.

Консультантка (сухо). Дорогая, когда вы говорите, ваши слова должны быть лучше молчания. Режиссеру незачем знать подробности вашей личной жизни.

Женщина. А что я такого сказала? Здесь же все свои.

Консультантка (решительно). Пойдемте со мной. Вам надо облиться холодной водой. И заодно переоденетесь во что-нибудь более приличное.

Женщина. А как же репетиция?

Консультантка. Режиссер пока поработает с нашим уважаемым премьером.

Режиссер. Какое вы имеете право тут распоряжаться и вмешиваться в мою работу?

Консультантка. Я не вмешиваюсь, а помогаю. (*Женщине, повелительно.*) Идемте. (*Женщина направляется к выходу, но Консультантка ее останавливает.*) Пойдите. Дайте мне на минуту вашу сумку. (*Берет у Женщины сумку, вынимает оттуда бутылку коньяка и ставит на полку.*) Теперь пошли.

Консультантка и Женщина выходят.

Режиссер (*Мужчине.*) Ну что ж, придется пока поработать только с вами. Главная задача завтрашнего шоу — это высокий рейтинг, ясно? В этом духе и надо строить спектакль.

Мужчина. Я с этим полностью согласен, пока речь идет о моем личном рейтинге. Но не о рейтинге этой бабы. Ее вообще не следовало допускать к участию в представлении.

Режиссер. Я не совсем понимаю, кого вы имеете в виду. Консультантку?

Мужчина. Нет, эту... Министершу. Я не хочу говорить о ней ничего плохого, но вы же сами видите, что она без царя в голове.

Режиссер. Актрисе нужен не ум, а талант. Вас она не устраивает как актриса?

Мужчина. Она меня не устраивает как политик.

Режиссер. А чем она плоха?

Мужчина. А тем, что в последнее время ее стало очень много. Везде высовывается, всем дает интервью, высказывается по каждому вопросу. И знаете, почему? Вы не поверите: она метит на мое место.

Режиссер. Она?

Мужчина. Конечно. Чему вы удивляетесь? Разве вы не знаете, что чем человек бездарнее, тем непомернее у него амбиции.

Режиссер. Почему же вы взяли ее в свое правительство?

Мужчина. Думаете, это я ее взял? Не все, к сожалению, зависит от меня... Кроме того, есть разные политические соображения.

Режиссер. Какие могут быть соображения, кроме деловых?

Мужчина. Приличие и политика требуют, чтобы в правительстве были хотя бы две-три женщины. Причем желательно не старые выдры, а

такие, чтобы можно было показывать их по телевизору. Вот и пришлось ее взять. К тому же другие еще хуже.

Режиссер. А ум и работоспособность вы не берете в расчет?

Мужчина. При чем тут ум? По телевизору он не виден. Знаете старый анекдот: «Кем быть лучше — глупым или лысым? Глупым. Не так заметно...» Поэтому такие бабы и светятся на экране, а работают за них другие.

Режиссер. Все это прекрасно, но что вы хотите от меня? Я занимаюсь не правительством, а репетицией. Выгнать я ее не могу. Она вписана у меня в сценарий. Зрители хотят видеть не только гроб и постные лица, но и модную прическу, талию, ножки и все такое. Это оживит зрелище, будет активно обсуждаться. Кроме того, в сценах похорон нужна этакая плакальщица, она как бы более искренна, более непосредственна, чем мужчина. Считается, что женщиной больше движет чувство, чем разум. Она сильнее заденет сердца зрителей.

Мужчина (мрачно). Вот и получится, что все будут глазеть только на нее.

Режиссер. Хорошо, я постараюсь это сбалансировать.

Мужчина. А без нее никак нельзя?

Режиссер. Я же сказал — никак. Да и поздно.

Мужчина. Но хотя бы показывайте ее поменьше. Или снимайте так, чтобы она казалась еще большей душой, если только это возможно. Вы же это умеете. А то и вообще оставьте за кадром.

Режиссер. Занимайтесь лучше своим делом, а мою работу предоставьте мне.

Входит Женщина. Она несколько протрезвела и даже успела переодеться в более скромный костюм.

Мужчина (жизнерадостно). А вот и наша красавица вернулась! А мы тебя тут ждем не дождемся.

Женщина. Я знаю. Потому и торопилась.

Режиссер (вполголоса, Мужчине). А вы, оказывается, не такой плохой актер.

Мужчина (жизнерадостно). Ну давайте все втроем и продолжим дружно нашу работу.

Женщина (Мужчине). Вас просит выйти Консультантка. Она хочет с вами поговорить.

Режиссер. Подождет. Нам не до разговоров. Займемся делом.

Мужчина (поспешно). Нет-нет, я пойду... Это ненадолго. (Выходит.)

Женщина. Вы обратили внимание? Он побежал к ней, как послушная собачонка. (Презрительно.) Премьер называется...

Режиссер. Действительно, почему вы оба так безропотно сгибаетесь перед какой-то ассистенткой?

Женщина. А вы не догадываетесь?

Режиссер. Я об этом и не задумывался.

Женщина. Я вам советую не задумываться и дальше.

Режиссер. И не собираюсь. Ладно, давайте-ка повторим ваш монолог.

Женщина. Хорошо. Хотя, признаться, я порядком устала. На чем мы остановились?

Режиссер. По-моему, мы еще не начали. *(Женщина собирается что-то сказать, но не произносит ни слова.)* Что? Все еще не знаете роли? *(Подсказывает.)* «Дорогой друг!»

Женщина. Дорогой друг! *(Меняя тон, оглядывается и понижает голос.)* Дорогой друг, пока никого нет, я хотела бы с вами поговорить.

Режиссер *(недоуменно).* О чем?

Женщина. Во-первых, хоть я и блондинка, но не такая дура, как вы думаете.

Режиссер. Допустим.

Женщина. Вы не верите?

Режиссер. Я верю.

Женщина. Если бы я не прикидывалась душой, меня бы не взяли в правительство. Умную они бы не взяли. Боятся конкуренции.

Режиссер. Это все, что вы хотели мне сказать?

Женщина. Нет.

Режиссер. Что еще?

Женщина. Вот когда вы репетировали с премьером, вы сказали, что на церемонии все камеры будут направлены на него.

Режиссер. Ну?

Женщина. Почему на него, а не на меня?

Режиссер. А почему на вас, а не на него?

Женщина. Потому что я женщина.

Режиссер. А он премьер.

Женщина. Я думала, что в ответ вы скажете, что он мужчина. Так поверьте, он не мужчина.

Режиссер. Но мы будем снимать его не как мужчину, а как премьер-министра.

Женщина. Да какой он премьер?

Режиссер. А кто же он?

Женщина. Кукла, марионетка, зиц-председатель, пустое место. Посажен только для виду, для представительства, для телевизора. А всю работу за него делают три его заместителя.

Режиссер. Для завтрашнего шоу это не имеет никакого значения. Важнее его благородная седина и бархатный баритон. И лишить его слова я не вправе.

Женщина. А нельзя ли сделать так, чтобы по телевизору транслировалась только моя речь?

Режиссер. А что делать с его выступлением?

Женщина. Заглушить.

Режиссер. Заглушить? Каким образом?

Женщина. Ну, например, во время его речи организовать пролет над площадью эскадрильи тяжелых бомбардировщиков.

Режиссер. Идея смелая, но она не кажется мне удачной.

Женщина. И все-таки я вас прошу: направьте все камеры только на меня.

Режиссер. Зачем вам это нужно?

Женщина. Потому что я сама хочу быть премьером.

Режиссер. Вы?!

Женщина. А почему нет?

Режиссер. Мм... Вы женщина — вам труднее будет справиться.

Женщина. Даже в отсталых странах, например в Англии или Индии, женщины возглавляли правительства. А чем я хуже?

Режиссер. Вы считаете, что будете работать лучше, чем он?

Женщина. А зачем работать? Ведь у меня будут те же три заместителя.

Режиссер. Но ведь вы не справлялись даже с культурой.

Женщина. Кто вам сказал, что не справлялась? Еще как справлялась. Это было очень просто, меня научили: говорить о важности культуры побольше, а денег на нее давать поменьше. Вот и все. А этот, с позволения сказать, премьер даже и говорить не умеет. Знаете, почему я согласилась, чтобы он меня изнасиловал?

Режиссер. Догадываюсь.

Женщина. Нет, не догадываетесь. Во-первых, у него все равно бы не получилось.

Режиссер. Откуда вы знаете?

Женщина (многозначительно). Знаю. Во-вторых, он сразу после этого потерял бы свой пост, а мой рейтинг, наоборот, сразу бы возрос. И тогда... Кто знает?..

Режиссер. Вас бы сделали премьером?

Женщина. Ну, может, не сразу... Сначала вице-премьером... Но это был бы шаг вперед. Ну как, договорились?

Режиссер. О чем?

Женщина. Что вы делаете мне паблисити.

Режиссер. Мы ни о чем не договаривались.

Женщина. Напрасно отказываетесь. Я понимаю, в наше время ничто не делается просто так. Помогите мне, а я помогу вам.

Режиссер. Чем вы можете мне помочь? Вот если бы вы руководили культурой, глядишь, вы могли бы еще мне что-то дать...

Женщина. Вы считаете, что ваши дурацкие шоу для корпоративов имеют какое-то отношение к культуре?

Режиссер. Имеют или не имеют, а что можно поиметь с сельского хозяйства?

Женщина. А что можно поиметь с культуры? Это же самое бедное министерство.

Режиссер. Ну, например, какой-нибудь театр.

Женщина. Вы же массовик, зачем вам театр? Лучше я пришлю вам табун лошадей.

Режиссер. Куда я их дену?

Женщина. Напрасно отказываетесь. Хорошие скаковые лошади — это хорошие деньги. А не хотите, подарю целую деревню. Вместе с крестьянами.

Режиссер. Что мне с ними делать?

Женщина. Станете помещиком. Умные люди так и делают. Это не хуже, чем быть капиталистом.

Режиссер. Беседа с вами существенно расширяет мои понятия о морали.

Женщина. Если вы думаете, что в политике можно достичь тех высот, что достигла я, и при этом сохранить моральную девственность, то вы ничего не понимаете в жизни. Между публичным лицом и публичной женщиной не такая уж большая разница.

Режиссер. Вы обижаете публичных женщин.

Женщина. Может быть, вы считаете, что я не справлюсь завтра с ролью? (*Многозначительно.*) Так я согласна порепетировать с вами отдельно.

Режиссер. У нас уже нет на это времени.

Женщина. Почему нет? (*Интимно.*) У нас впереди целая ночь.

Режиссер. Даже так?

Женщина. Долгая-долгая ночь. А деревня и лошади — отдельно.

Режиссер. Конечно, мне лестно поработать ночью с будущим премьер-министром, но, честно говоря, немного боязно. Таких высот я еще не покорял. И кроме того, всю ночь я должен репетировать церемонию на площади.

Женщина. Я вам не нравлюсь?

Режиссер. Мужчина не может ответить женщине на этот вопрос отрицательно.

Женщина. Так в чем же дело? Ведь я — ваша актриса.

Режиссер. И что?

Женщина. Я слышала, что режиссеры всегда спят со всеми актрисами.

Режиссер. Не верьте сплетням завистливых женщин.

Женщина. Но все считают, что это так.

Режиссер. Это обычная клевета на театр, расхожее мещанское представление о священном мире искусства. Во-первых, не всегда и, во-вторых, не со всеми. На самом деле мы часто спим не только с актрисами, но и с обыкновенными женщинами, так сказать, из публики.

Входит Консультантка.

Женщина (*шепотом*). Договорим потом.

Консультантка (*Женщине*). Дорогая, вы не хотите побыть некоторое время в обществе нашего уважаемого премьера?

Женщина (*послушно*). Конечно. (*Выходит.*)

Режиссер. Кто дал вам право прерывать репетицию и вообще здесь распоряжаться? Если это еще раз повторится, я вас выгоню. Зачем вы ее отослали?

Консультантка. Не сердитесь, я вовсе не распоряжаюсь. Просто я хотела побыть с вами несколько минут наедине. Надеюсь, вы не будете против?

Режиссер (*бросив на нее оценивающий, мужской взгляд*). Это зависит от того, как вы поведете себя дальше.

Консультантка. Я готова к любым вариантам.

Режиссер. У вас есть конкретные предложения?

Консультантка. Предложения должны исходить от мужчины.

Режиссер. Скажем, послезавтра вечером?

Консультантка. Когда женщина изъявляет готовность, не следует откладывать дело надолго. Она может передумать.

Режиссер. Тогда я прямо сейчас объявлю перерыв, и у нас с вами будет полчаса.

Консультантка. На полчаса не стоит. В таких делах я не люблю торопиться.

Режиссер. Ну хорошо, на час. Хотя, по правде говоря, времени у меня мало. До представления осталось всего ничего, а дел еще выше головы. Но час я могу выделить.

Консультантка. Я же сказала, не стоит. Я уже передумала.

Режиссер (*пытаясь ее обнять*). Ты меня дразнишь, что ли?

Консультантка. Давайте без «ты» и без рук.

Режиссер. Но вы же сами сказали, что готовы...

Консультантка. Я просто пошутила. Или испытывала. Хотела посмотреть, насколько легко вас можно отвлечь от работы, притом очень важной работы.

Режиссер. Я не люблю подобных шуток.

Консультантка. Тогда давайте поговорим серьезно.

Режиссер. Мне не о чем и незачем говорить с вами. Я занят, у меня репетиция.

Консультантка. Вы же обещали выделить мне целый час.

Режиссер. Не для разговоров.

Консультантка. Перестаньте изображать обиженного льва. Давайте лучше выпьем коньячку.

Режиссер (*обрадованно*). А у вас есть?

Консультантка. Разумеется. Я же конфисковала эту бутылку, помните? Вы третий день готовите грандиозное шоу, устали... Надо снять напряжение. Да и поесть вам, наверное, было некогда. (*Ставит на стол закуски, бутылку, рюмки и разливает коньяк.*)

Режиссер. Немножко расслабиться, действительно, не мешает.

Консультантка (*поднимая рюмку*). Ну? За успех дела?

Режиссер. За успех! (*Пьет и с аппетитом принимает за еду.*)

Консультантка. Вы специализируетесь только на массовых зрелищах или ставите спектакли и в театрах?

Режиссер. И в театрах тоже. Но редко.

Консультантка. Что-нибудь современное?

Режиссер. Нет, только классику.

Консультантка. Почему? Вы ее очень любите?

Режиссер. Нет, не очень. Но есть другие причины. Например, когда ставишь классику, критики не смогут упрекнуть тебя за плохой выбор пьесы. С автором не надо заключать договор и платить ему деньги. Он не путается под ногами, не дает советов и не лезет со своими замечаниями. Я могу делать с его пьесой что хочу: сокращать, добавлять, переписывать, и он никогда не пожалуется. Теперь понятно?

Консультантка. И много классиков вы изнасиловали?

Режиссер. Не очень. Я в жизни прочитал всего четыре пьесы. Их и ставлю.

Консультантка. И вам не надоело ставить одно и то же?

Режиссер. Нисколько. Пьесы нужны нам только для того, чтобы проявить свою творческую индивидуальность. Слова для нас не важны. Мы, режиссеры, ставим не драматурга, а выражаем самих себя.

Консультантка. Понятно: самому себе вы надоесть не можете.

Режиссер. Совершенно верно.

Консультантка. Себе, быть может, и нет, а публике?

Режиссер. Публика меня не интересуется.

Консультантка. И вам никогда не хотелось сыграть что-то новое?

Режиссер. Новое — это я сам.

Консультантка. А вот я как раз хотела с вами поговорить о важности слов и роли автора в нашем представлении.

Режиссер. Тут не о чем говорить. Я ставлю зрелище, а не чтение наизусть текстов, которые к тому же моим исполнителям не осилить. Вы же сами видели.

Консультантка. Отнеситесь к ним терпимей. Они политики, а политики привыкли читать речи только по бумажке, и речи эти пишут за них референты. Вот почему им трудно что-то запомнить.

Режиссер. Не могут запомнить — и не надо. Пусть говорят, что взбредет в голову.

Консультантка. В нашем случае это недопустимо.

Режиссер. Кто вы, собственно, такая, чтобы давать мне советы?

Консультантка. Считайте, что я представитель заказчика и автора.

Режиссер. Автор зрелища — я и только я. Я же сказал, что современный театр не церемонится с текстами. Они сковывают полет режиссерской фантазии.

Консультантка. Но здесь не совсем театр. Мы репетируем реальное событие.

Режиссер. Церемония, показанная по телевизору, — это уже не реальность, а шоу. Это реальность, которая заранее подготовлена и которая подверглась трактовке и режиссуре. На что-то мы направим камеры, а на что-то нет, где-то дадим текст, а где-то заменим его музыкой или голосом комментатора, что-то дадим крупным планом, а что-то не покажем совсем. Это и называется спектаклем, и у него есть режиссер. И этот режиссер — я. Прошу это запомнить и не докучать мне более претензиями и советами.

Консультантка. Я запомню. Что ж, продолжайте творить вольным стилем, никто не будет ограничивать ваше вдохновение. (Пауза.) Но не удивляйтесь, если вам тогда не заплатят.

Режиссер. То есть как — «не заплатят»? Ведь есть письменный договор!

Консультантка (бесстрастно). Разумеется. И там есть пункт, который обязывает вас, как и требует закон, соблюдать авторские права. В том числе и право на неприкосновенность произведения.

Режиссер. Этот пункт никто никогда не соблюдает.

Консультантка (продолжает, игнорируя возражение). И в случае нарушения этого условия вам не только не выплатят гонорар, но и предъявят иск за причинение автору морального вреда.

Режиссер. Интересно, кто это такой обидчивый автор.

Консультантка (*очень холодно*). Только что вы сказали, что автор вас не интересует. Пусть так будет и впредь. Но одно я вам настойчиво советую: переверните сколько угодно Шекспира или там Чехова, но тексты этого автора вы должны уважать.

Режиссер (*растерянно*). Ну хорошо... Я постараюсь добиться, чтобы все слова роли были произнесены.

Консультантка. Вот и прекрасно.

Режиссер. Кстати, когда мне заплатят?

Консультантка. Сразу же после завершения шоу, но только при соблюдении договора. Впрочем, об оплате и прочих подробностях поговорите с премьер-министром. Мне некогда вникать во все мелкие детали.

Режиссер. Для меня эти детали не мелкие, а весьма существенные.

Консультантка. Ну что вы беспокоитесь о такой ерунде, как обещанные вам несколько миллионов? Создайте хорошее шоу, и мы сделаем для вас все, что хотите: наградим орденом, присвоим звание... Можем дать и театр по вашему выбору: пожалуйста, проявляйте там свою индивидуальность, разваливайте его на здоровье. Потом, когда развалите, дадим вам на растерзание еще один театр — не жалко. Закажем и новые зрелища — они нам нужны. Но все это при условии, что вы будете делать то, что вам рекомендуют.

Режиссер. Да, но свобода творчества...

Консультантка. На нее мы не покушаемся. Но не вы ли сегодня проносили перед актерами речи о необходимости и благотворности дисциплины?

Режиссер. Да, но то для актеров...

Консультантка. А мы с вами кто? Ведь написал же ваш Шекспир, что весь мир — театр, и люди в нем — актеры. А раз так, то над каждым из нас всегда есть режиссер, которому мы вынуждены подчиняться. Как сказал Спиноза, свобода — это осознанная необходимость. (*Покровительственно*.) И чем скорее вы эту необходимость осознаете, дорогой мой, тем будет лучше и для вас, и для нас.

Режиссер. Это немножко похоже на насилие.

Консультантка. Насилия можно легко избежать.

Режиссер. Вы знаете как?

Консультантка. Это знает каждая женщина. Просто надо своевременно отдалиться самой. Итак, мы договорились или не договорились?

Режиссер (*нехотя*). Договорились.

Консультантка. Вот и прекрасно. Еще по рюмочке?

Режиссер. Можно.

Консультантка. Теперь, когда мы поняли друг друга, будет легче условиться и об остальном. Я заметила, что вас, как и многих режиссеров, больше интересует форма спектакля, чем его смысл. Вы озабочены вопросом «как?», но вас не интересует «что?» и «зачем?».

Режиссер. Что значит — «зачем»? Лишь бы шоу было красивым и эффектным, остальное неважно. Главное — количество зрителей и откликов, короче говоря, рейтинг.

Консультантка. Нам тоже важен рейтинг, но рейтинг не передачи, а заказчика. Успех зрелища и, соответственно, размер гонорара будут

оцениваться именно по этому показателю. И если рейтинг руководства после завтрашнего шоу, не дай бог, снизится....

Режиссер. То снизится и гонорар?

Консультантка. То его вообще не будет.

Режиссер. Я начинаю жалеть, что ввязался в ваше странное предприятие.

Консультантка. Что в нем странного?

Режиссер. Хотя бы то, что мне дали задание готовить публичные похороны с большим размахом и в то же время потребовали, чтобы подготовка сохранялась в секрете.

Консультантка. Раньше по разным причинам мы не могли вам всего сказать. Но теперь наступает решающий момент. Некоторые подробности вам следует знать, чтобы держать зрелище под контролем.

Режиссер. Тогда скажите, почему нужна такая тайна?

Консультантка. Нам надо было выиграть время.

Режиссер. Зачем?

Консультантка. Чтобы мы успели подготовиться, а они — нет.

Режиссер. Кто «они»?

Консультантка. Они — это не мы.

Режиссер. Допустим. А кто мешает этим «не вам» тоже подготовиться?

Консультантка. Вот в этом и состоит вся суть игры.

Режиссер. Я ничего не понимаю. Кого все-таки мы хороним?

Консультантка. Скажем так: одного не удобного нам человека. *(Шепчет на ухо Режиссеру.)*

Режиссер *(удивленно)*. Разве он умер? Он, кажется, еще совсем молодой.

Консультантка *(пожимая плечами)*. Все под богом ходим.

Режиссер. Одного я не понимаю: он ведь вам сильно досаждал. Все время грозил какими-то разоблачениями... Особенно в адрес премьеры...

Консультантка. И не только. Так что из этого?

Режиссер. Зачем же тогда вы заказываете ему столь дорогие и пышные похороны? Пусть его друзья его и хоронят.

Консультантка. Сейчас они нас критикуют. Но если мы с почетом проводим их героя и будем сами его хвалить, им не за что будет к нам прицепиться. Вот почему на церемонии слова должны прозвучать точно так, как написаны. Политика — это театр, в котором нельзя ошибаться. Иначе тебя снимают с роли.

Режиссер. Вот оно что...

Консультантка. Теперь вы поняли? Они любили своего лидера, а мы, оказывается, любим его еще больше. Получается, что они с нами как бы заодно, и им останется только умолкнуть. А если даже они и устроят какую-нибудь свою отдельную церемонию, то все будут смотреть ваше красивое зрелище, а не их убогий митинг.

Режиссер. Ясно.

Консультантка. Кстати, нам нежелательно, чтобы на похороны пришло слишком много неизвестных нам людей. Могут быть беспорядки. Вы не посоветуете, как этих людей нейтрализовать?

Режиссер. Очень просто. Объявите, что в связи с огромным наплывом народа центр столицы перекрывается для движения транспорта. Поставьте ограждения, наряды полиции и сил безопасности. Не пускайте к месту похорон без пропусков не только транспорт, но и вообще никого.

Консультантка. Неплохая идея.

Режиссер. Вполне тривиальная. Мы часто так делаем при проведении массовых зрелищ.

Консультантка. Но, с другой стороны, нужно создать впечатление, что в прощании принимает участие огромное количество людей и что они нас поддерживают.

Режиссер. То есть никого не пропускать, но чтобы толпы были. Понятно. Не в первый раз. Это я организую. Дайте мне дивизию солдат в штатском, и я сниму камерами их проход мимо гроба четырнадцать раз.

Консультантка (*доставая телефон*). Мне надо срочно распорядиться.

Режиссер. Я думал, вы давно это сделали.

Консультантка. Я смотрю, вы не даром имеете высокую репутацию.

Режиссер. Потому и платят высокие гонорары.

Консультантка. Этот намек я уже слышала. Повторяю: все детали — с премьер-министром. Не будем терять времени. Займемся каждый своим делом. (*Выходит.*)

Режиссер, оставшись один, звонит по мобильному телефону.

Режиссер (*в трубку*). Как дела? Ты же знаешь, по сценарию у нас 70 делегаций, значит, нужно 70 венков, с лентами и все, как положено. Кстати, делегациям уже заплатили? Скажи, что заплатим немедленно после похорон. И не забудь сказать этой шпане, чтобы являлись прилично одетыми, а не в джинсах и подобном тряпье. И постарайся достать тысячу воздушных шариков. Пустим их вверх как символ вознесения души в небесные сферы... Нет, не черных, белых. Траур — черный, а душу лучше оформить белым цветом... Надо успеть. У нас впереди еще ночь и полдня. Спать будем после.

Входит Женщина. Режиссер отключает телефон.

Женщина. Мне сказано, что надо продолжать репетицию.

Режиссер. Давно пора. А где второй?

Женщина. Получает от нее инструкции. Сейчас подойдет.

Режиссер. Слова подучили?

Женщина. Немножко. Хотите послушать?

Режиссер. Минутку. (*Оглядывается и понижает голос.*) Скажите, а эта моя помощница... или кто она там... Что у нее за должность?

Женщина. Вы считаете, что она ваша помощница?

Режиссер. Не знаю. Так она сказала. Во всяком случае, в театре она немного разбирается.

Женщина. Вполне возможно. Кажется, где-то играла на вторых ролях. Зато здесь стала играть первые.

Режиссер. Чем же объяснить такой взлет? У нее, вероятно, есть какие-то особые достоинства?

Женщина. Разумеется. Те достоинства, которые особенно ценят мужчины.

Режиссер. И какой же мужчина их оценил?

Женщина. Сначала один, потом другой... И так далее. Все выше, и выше, и выше.

Режиссер. Во всяком случае, она не дура.

Женщина. Этого, к сожалению, у нее не отнять.

Режиссер. И очень элегантно одевается.

Женщина. И еще элегантней раздевается.

Режиссер. Вы просто ей завидуете.

Женщина. Не спорю.

Режиссер. Какой же все-таки у нее официальный пост?

Женщина. Кто ее знает? Референт, консультант, сотрудник, помощник, советник... Другими словами, очень близкий человек к определенному лицу. Вы меня поняли — о-о-очень близкий.

Режиссер. А конкретно?

Женщина. Вам сказать расстояние в сантиметрах? (*С грустью.*) Раньше была я... ну, это... а теперь вот она... (*Выразительно разводит руками.*) Понимаете?

Режиссер. Понимаю. А вы не пытались ее скинуть?

Женщина (*боязливо оглядываясь, вполголоса*). Легко сказать — «скинуть»! Думаете, не пробовали? Но за ней стоит такая сила... И кроме того, у нее на всех есть компромат.

Режиссер. И на вас тоже?

Женщина. Кто не без греха?

Режиссер. И какой грех у вас?

Женщина. Так, пустяки... Подумаешь, небольшой домик на пляже...

Режиссер. А где пляж?

Женщина. В Коста-Рике.

Режиссер. И из-за какого-то домика вы перед ней трясетесь? Домик-то большой? Сколько квадратных метров?

Женщина. Не помню точно. Сорок восемь или сорок девять комнат. А вокруг домика небольшой типа садик... Гектара на три. Или на четыре.

Режиссер. Я понимаю. Разводить бананы. Вы ведь министр сельского хозяйства.

Женщина. Я это еще раньше купила, когда в культуре была.

Режиссер. Вы ведь говорили, что культура — это самое бедное министерство.

Женщина. Это верно, но на садик хватило.

Режиссер. Скажите, зачем вам такие хоромы, да еще черт знает где? Ведь вам и здесь живетесь неплохо.

Женщина. Вы ничего не понимаете. У нас у всех такое ощущение, что завтра все рухнет, и надо будет куда-то бежать. Вот и приходится копать себе норку как можно дальше отсюда.

Режиссер. А почему бы вам не попытаться найти на эту даму ответный компромат?

Женщина (*боязливо оглядываясь*). Давайте лучше репетировать. Я и так сказала слишком много. Позвать премьера?

Режиссер. А зачем он вам?

Женщина. Мы ведь должны репетировать с ним сцену насилия. Вы же сами говорили.

Режиссер. Насилие отменяется.

Женщина. Жаль. Я уже была почти готова.

Режиссер. Если вы об этом жалеете, я могу изнасиловать вас после репетиции. Только напомните, пожалуйста. У меня куча дел, могу забыть. А пока произносите свою речь.

Женщина. Опять речь! Неужели вам не надоело?

Режиссер. Это моя работа.

Женщина. А мне надоело до смерти. Стараемся, мучаемся, а зачем нас заставляют ломать эту комедию, непонятно. Похороны-то, может, вообще не состоятся.

Режиссер (*встревоженно*). Как это не состоятся? С чего вы решили?

Женщина. А кого хоронить? Ведь покойник-то не умер!

Режиссер. Что значит «не умер»?

Женщина. А то и значит. Разве она вам не сказала? (*Увидев удивленное лицо потрясенного Режиссера, спохватывается.*) Ой, кажется, я опять не то лягнула. Все проклятая вечеринка...

Режиссер. Пойдите-пойдите. Что вы имели в виду, когда сказали «покойник не умер»?

Женщина. Ничего. Давайте лучше репетировать. (*С пафосом.*) Дорогой друг!

Режиссер. К черту дорогого друга! Кто не умер?

Женщина. Я ничего не знаю. (*Увидев входящего Мужчину.*) Вот, спросите лучше его.

Режиссер. Скажите: правда, что он не умер?

Мужчина. Кто?

Режиссер. Кто, кто... Покойник!

Мужчина (*с ненавистью глядя на Женщину*). Что, уже разболтала? Говорил же, что нельзя тебя привлекать, так нет: им, видишь ли, захотелось женщину. Вот и получили на свою голову.

Женщина (*виновато*). Я думала, он знает.

Мужчина. Ты, как всегда, говоришь быстрее, чем думаешь. Пора бы уже перестать быть такой... непосредственной.

Режиссер. Пойдите... Я ничего не понимаю. Он, правда, не умер?

Мужчина. Ну... С одной стороны... Хотя с другой... Одним словом, трудно сказать...

Режиссер. Перестаньте темнить! Скажите ясно — он умер или не умер?

Мужчина. Что вы ко мне пристали? Не умер.

Режиссер. Как так?

Мужчина. Вот так. Не умер — и все. Живее всех живых. Выступает сейчас по телевизору.

Режиссер. А как же мое шоу? Не состоится? Выходит, я готовил сценарий, мобилизовал людей, технику, материалы, составил список на двести сорок журналистов — и не о чем будет писать?

Мужчина. Все как-нибудь образуется.

Режиссер. А как же мой гонорар?!

Мужчина. Не знаю. Давайте репетировать.

Режиссер. Зачем, если шоу не состоится?

Мужчина. И все-таки нам велели продолжать.

Режиссер (*решительно*). Прежде чем продолжать, я хотел бы знать, когда мне заплатят.

Мужчина. Как договорились. После похорон.

Режиссер. После чьих — моих или его? Он на десять лет моложе меня. Или, может, после ваших?

Мужчина. Я же сказал — сразу после.

Режиссер. «Сразу после» не бывает. Или сразу, или после. Я хочу сразу.

Мужчина. Но мы же договорились — после.

Режиссер. Мы ни о чем не договаривались. Это вы сказали «после», а я вам ответил «до». Я требую заплатить немедленно. Прямо сейчас.

Мужчина. Вы мне не доверяете?

Режиссер. Конечно, не доверяю. А кто вам вообще доверяет? Тем более он еще и не умер, и неизвестно вообще, умрет ли.

Женщина. Как он может не умереть, если похороны уже назначены? Обязательно умрет. Вы не верите?

Режиссер. Верю. Все мы там будем. Когда-нибудь. Но деньги я хочу получить сейчас. И полностью. Ждать мне некогда, послезавтра я вылетаю в Республику Конго на постановку инаугурации тамошнего президента. В отличие от вас, африканцы заплатили мне вперед. Они уважают специалистов.

Мужчина. А я вам говорю — не торопитесь и не кипятитесь. Он умрет.

Режиссер. Я знаю. Вопрос в том, когда.

Мужчина. В третий вечер после полнолуния, когда Юпитер войдет в созвездие Козерога. То есть скоро.

Режиссер. Это еще что за галиматья?

Мужчина. Так предсказали астрологи.

Режиссер. Очень хорошо. Тогда я начну репетировать, когда Стрелец войдет в созвездие Девы. Слово «созвездие» я употребил иносказательно из уважения к присутствующей здесь даме.

Мужчина. Я прошу вас — не поднимайте шум.

Режиссер. Деньги на бочку.

Мужчина. Консультантка вам все объяснит.

Режиссер. Она сказала, что о деньгах я должен говорить с вами.

Входит Консультантка.

Консультантка. О чем спор?

Пауза.

Мужчина. Режиссер отказывается продолжать репетицию.

Консультантка. Он просто шутит. (*В упор глядя на Режиссера.*)
 Не правда ли?

Режиссер. Оказывается, он не умер!

Консультантка (*холодно*). А вам какое до этого дело?

Режиссер. Речь, собственно, идет о деньгах...

Консультантка. И вам не стыдно торговаться из-за такой безделицы?
 Мелочь, которую вы просите, я ношу у себя в сумке на карманные расходы. (*Жестко.*) Делайте свою работу.

Режиссер. Да, но они говорят...

Консультантка. Не знаю, что говорят они, а я вам говорю — продолжайте репетировать. Мы и так уже полтора часа переливаем из пустого в порожнее. (*Вполголоса, жестко.*) Вы, видимо, очень плохо представляете себе, с кем и для кого вы работаете. Здесь не место для гонора и капризов. Репетируйте, а остальное — не ваша забота.

Режиссер. Хорошо.

Консультантка. И не забывайте о верности тексту и прочих наших условиях.

Режиссер. Я помню.

Консультантка. А я пока посижу здесь, послушаю и посмотрю.

Режиссер (*с трудом скрывая досаду*). Приступаем к репетиции.
 Чья там очередь?

Мужчина. Я уступаю даме.

Режиссер. Даме так даме. Начинайте.

Женщина (*подглядывая в бумажку*). Дорогой друг! Какое это страшное слово!

Режиссер. Стоп. Почему «друг» — это страшное слово?

Женщина. Извините, я пропустила строчку. (*Начинает снова.*)
 Дорогой друг! Сколько раз мы говорили друг другу «до свидания», и вот сегодня приходится говорить тебе «прощай». «Прощай» — какое это страшное слово!

Режиссер. Меньше патетики, больше искренности! Вы действительно в недоумении: как это вдруг — «прощай»?

Женщина (*очень трогательно*). «Прощай...» Какое это страшное слово! Я не верю этому и никогда не поверю. Это невозможно! Мысленно я никогда не расстанусь с тобой. (*Меняя тон.*) А его жена после этой речи мне глаза не выпарапает? Она подумает, что я его любовница, а я ему в жизни и двух слов не сказала.

Режиссер. Какое вам дело, что подумает жена? Вы адресуетесь не к ней, а к миллионам. Ведь всем государственным телеканалам будет спущено указание дать в эфир эту передачу. И, разумеется, независимым каналам тоже.

Женщина. Здорово! Надо успеть сходить к парикмахеру.

Режиссер. Не делайте ничего сами. Вас пригласит к выступлению наш гример. Начните еще раз.

Женщина. Дорогой друг!

Режиссер. Подождите. Вы ничего не чувствуете, и потому не можете найти правильный тон.

Женщина. А что я должна чувствовать?

Режиссер. Не знаете? Хорошо, я попытаюсь вам помочь. Вам обоим надо ясно представить себе, при каких обстоятельствах вам придется произносить речи. Тогда вы поймете торжественность и праздничность ситуации, и слова сами найдут нужную интонацию. Поверьте, это будет очень красиво. Одно удовольствие будет на все это смотреть. С таким размахом никто еще не ставил. Мои конкуренты умрут от зависти. (*Постепенно воодушевляясь.*) Строгие костюмы приглашенных, блестящие мундиры музыкантов военного оркестра, делегации и венки от общественных организаций, траурные марши, Шопен, Бетховен, Чайковский, приспущенные шелковые флаги, трепещущие на ветру... Склоненные знамена, герб, гроб, грохот прощального салюта... Парад истребителей над площадью, ордена на бархатных подушках...

Мужчина. У него, кажется, не было орденов.

Режиссер. Это неважно. Мы сделаем.

Мужчина. А где будет отпевание?

Режиссер. Отпевания не будет. Во-первых, не укладываемся в смету, они дорого берут, во-вторых, мне сказали, что он атеист и, в отличие от вас, никогда не прикидывался верующим.

Женщина. А где будем находиться мы?

Режиссер. В центре площади и в центре внимания, возле самого гроба, а гроб, весь в цветах, будет стоять на орудийном лафете, запряженном шестеркой черных лошадей... (*Вздыхает.*) Неужели он не умрет, и это прекрасное зрелище останется только в моем воображении?

Мужчина. Не расстраивайтесь, все как-нибудь образуется.

Режиссер. Будем надеяться. (*Взглянув на Консультантку.*) Но давайте продолжим. Итак, вы вдвоем стоите у гроба — не только как премьер и член правительства, но и как мужчина и женщина, символ взаимной симпатии, воплощение человечности, теплоты и надежды. Однако помните: зрелище, как бы оно ни было красиво, — это прежде всего пропагандистская акция. Она направлена не на прославление покойника, а на укрепление власти, которую вы представляете. Поэтому вы должны выглядеть достойно и впечатляюще. Вы скорбите, но скорбите по-разному. Женщина может себе позволить больше чувства и непосредственности, мужчина — больше серьезности и ответственности перед страной. Теперь представьте себе все, что я описал, и ваши слова зазвучат так, как нужно.

Мужчина (воодушевленно). Да, мне кажется, что я будто уже стою на площади...

Режиссер. Тогда сразу и продолжайте вашу речь.

Мужчина (с чувством). Дорогой брат! Иногда вы критиковали нас, но мы никогда не были врагами. Да, мы расходились во мнениях, да, часто спорили... Но всегда знали, что в глубине души мы стоим на одной позиции, что мы оба любим свою родину, свой народ.

Режиссер. Почему вы обращаетесь к нему на «вы»?

Мужчина. А как надо?

Режиссер. К покойнику всегда обращаются на «ты».

Мужчина. При жизни мы были на «вы».

Режиссер. Посмотрите, что написано в тексте, который вы держите в руках.

Мужчина (*виновато*). Тут написано «ты».

Режиссер (*убедившись, что Консультантка его слышит*). Автор пьесы — это как господь бог. Творит только он, а мы лишь истолковываем его мысли в меру нашего умения и понимания. А вы решили, что можете обращаться с текстом как двоечник, не выучивший урока. Автор не только талантливее нас с вами, но он еще и тщательно работает над словом, думает над ритмом речи, над строем фразы. А актеры то и дело несут лихую отсебятину.

Мужчина. Но я изменил только одно слово...

Режиссер. Иногда достаточно изменить запятую, чтобы исказить смысл всей речи. Повторите все снова.

Мужчина (*заглянув для верности в листок, произносит фразу снова, выделяя «правильное» обращение*). Да, иногда мы с тобой расходились во мнениях, да, часто мы спорили... Но всегда знали, что в глубине души мы стоим на одной позиции, оба любим свою родину, свой народ.

Режиссер. На этот раз хорошо! Продолжайте.

Мужчина. Когда незадолго до смерти ты прислал мне письмо, где признал неверность своей критики, понял, что она была ошибкой, просил прощения, просил разрешения быть с нами рядом, выразил желание тесно сотрудничать, чтобы вместе бороться за наше светлое будущее, ты не знал, что я давно уже простил тебя, что я никогда на тебя не сердился. Наоборот, я всегда был благодарен тебе за честную и смелую критику. Мы гордимся дружбой с тобой. Ты наш, ты один из нас. Мы можем быть довольны: будущее, которого все давно ждали, уже близко, оно уже наступило.

Режиссер. Великолепно! Наконец-то я доволен. Теперь вы с ней должны пожать друг другу руки... Нет, подождите... Не жать руки, а обняться! Да, это будет хорошая фишка! Вы как бы скорбите не порознь, но вместе. Понимаете?

Женщина. Нет.

Мужчина. Ты никогда ничего не понимаешь.

Женщина. Можно подумать, что вы очень умный. Даже изобразить скорбь не можете.

Мужчина. А ты можешь?

Женщина. Я могу все, что скажут. Хочу — заплачу, хочу — засмеюсь. Что надо, то и сделаю.

Мужчина. Я тоже могу все, что скажут.

Женщина (*Режиссеру*). Так зачем все-таки обниматься?

Режиссер. Объятия должны показать всем, что вы едины. И не только в политическом отношении, но и в духовном, в человеческом. Понимаете? Вы все друзья, единомышленники, у вас одни цели, одни интересы. Слово «единство» для вас — не простой звук, нет — это ваше кредо, ваш идеал. Вы едины между собой, вы одна семья, вы едины с нами, короче говоря, народ и партия едины. Как бишь называется ваша партия? А впрочем, это неважно... Обнимайтесь!

Мужчина и Женщина нехотя обнимаются.

Режиссер (*раздраженно*). Не так!

Мужчина. А как?

Режиссер. Не холодно, не бесчувственно, а в едином душевном порыве! (*Мужчина страстно и продолжительно обнимает Женщину.*) Да не так, черт побери!

Мужчина. Что опять вас не устраивает?

Режиссер. Вы набросились на нее, как на чужую жену при первом свидании в дешевой гостинице, снятой на час. Я же сказал: в душевном, а не в телесном порыве! Не так! Сколько раз надо повторять: медленно и печально! Как обнимаются мать с отцом над могилой сына!

Женщина. Чем ругаться, лучше бы показали. Хороший режиссер всегда показывает.

Режиссер. Хорошему актеру показ не нужен, а плохому он не поможет. Но поскольку слов вы не понимаете, я покажу. (*Медленно и печально обнимает Консультантку, подчеркнуто демонстрируя, чего он хочет добиться от своих актеров.*) А теперь повторите. (*Мужчина и Женщина обнимаются, пытаясь повторить показ. Режиссер морщится.*) Уже лучше, хотя до совершенства далеко. Попробуйте пока еще раз.

У Консультантки звонит телефон. Она отходит в сторону и слушает.

Мужчина и Женщина вновь обнимаются.

Режиссер. Так... Еще раз... Ладно, сейчас некогда, потренируете объятья ночью.

Консультантка (*убирая телефон*). Уважаемые господа! Я с прискорбием должна сообщить вам печальную новость... Только что скончался уважаемый деятель оппозиции.

Пауза.

Женщина. Как это? Просто взял и скончался?

Консультантка. Погиб при дорожно-транспортном происшествии. Полиция выясняет причины аварии.

Режиссер. Но это точно, что он умер?

Консультантка. Совершенно точно.

Режиссер. Значит, завтра похороны состоятся?

Консультантка. Разве их кто-нибудь отменял?

Режиссер. И я получу вечером обещанный гонорар?

Мужчина (*жизнерадостно*). Конечно! Я же говорил, что он умрет, а вы мне не верили. Я порядочный человек и никогда не обманываю своих друзей.

Женщина. Вы их не обманываете, потому что друзей у вас нет.

Мужчина. Шутки у гроба неуместны.

Режиссер. Что же нам теперь делать?

Консультантка. Продолжать репетиции. И поторапливайтесь. Церемония должна начаться завтра ровно в три, как и было намечено.

Режиссер. Слушаюсь.

Консультантка. Только сначала я должна на одну минутку отвлечь премьера. В связи с последними новостями нам надо сделать несколько распоряжений. Порепетируйте пока с его партнершей.

Консультантка и Мужчина выходят.

Режиссер. Ну что ж, продолжим репетицию?

Женщина. Ну ее к черту! (*Вполголоса.*) Теперь вы понимаете, почему я хочу укрыться в Коста-Рике?

Режиссер. Не понимаю.

Женщина. Чего тут не понимать? Я боюсь! А вы разве нет?

Режиссер. Не говорите глупостей. Чего нам бояться?

Женщина (*пугливо оглядываясь*). Тише!

Режиссер. Здесь же никого нет.

Женщина. Вы что, с луны свалились? А двенадцать видеокамер? А жучки?

Режиссер. Откуда вы знаете?

Женщина. Я в этой студии не в первый раз.

Режиссер (*неуверенно озирается*). Вы думаете...

Женщина. Да, представьте себе, я думаю. Вы считаете меня дурой, а сами ведете себя еще глупее. Обрадовались, что получите гонорар, а не понимаете, что, быть может, астролог и вам предскажет что-нибудь насчет Юпитера и Козерога.

Режиссер. Чего ради? Кому я мешаю?

Женщина. Вы что — забыли старую формулу: «он слишком много знал»?

Режиссер. Получу-ка я, пожалуй, завтра свой гонорар и свалю в эту вашу Коста-Рику.

Женщина. Хотите, полетим вместе? Прямо сегодня.

Режиссер. И все бросить? Перед спектаклем?

Женщина. Гори оно все синим пламенем.

Режиссер. Нет, я не могу. Подготовить такое роскошное зрелище и не увидеть его?

Женщина. Ну, как знаете. Потом не пожалейте.

Режиссер. Думаете, все так серьезно?

Женщина. Тихо! (*Понижая голос до шепота.*) Если потом вас вызовут и спросят, о чем мы сейчас говорили, то есть о Коста-Рике и все такое, скажите, что это мы репетировали.

Режиссер. Может, и в самом деле сбежать?

Женщина. Вы, кажется, собирались лететь куда-то в Африку. У вас паспорт с собой?

Режиссер. Да. А что?

Женщина. Так смоемся прямо сейчас, пока ее нет. Выйдем тихонько — и прямо в аэропорт.

Режиссер. Вы авантюристка.

Женщина. Просто у меня женское чутье. Бежим?

Режиссер (*поколебавшись*). Бежим!

Режиссер и Женщина, поспешно захватив свои вещи, направляются к выходу. Входят Консультантка и Мужчина.

Консультантка. Вы куда?

Женщина (*смутившись*). В туалет.

Консультантка. Вдвоем?

Женщина. Почему нет?

Консультантка. Останьтесь и завершайте репетицию. Наше время ограничено.

Режиссер. Признаться, я неважно себя чувствую. И вообще... Меня ждут на площади, пора начинать репетицию церемонии там. А здесь они и сами закончат.

Консультантка. Ну что ж, идите. *(Режиссер хочет открыть дверь, но та не поддается. Он возвращается.)* Почему вы не ушли? Передумали?

Режиссер. Дверь не открывается.

Консультантка. Возможно, что-то случилось с замком.

Режиссер. И нельзя это исправить?

Консультантка. Не знаю. Я в замках ничего не понимаю.

Режиссер. Но мне надо уйти.

Консультантка. Вы знаете, что происходит с пассажиром, если он на полном ходу вздумает соскочить с поезда?

Режиссер *(подавленно)*. Хорошо. Продолжим репетицию. На чем мы остановились?

Женщина. На объездах.

Режиссер. Да, правильно... Повторяю мизансцену: женщина говорит «прости, я не могу сдержать слез» и прячет лицо на плече премьеры, а он ее утешает. Потом, мягко отстранив ее, он произносит клятву работать на благо народа и все такое прочее. Поехали.

Женщина. Прости, я не могу сдержать слез... *(Прячет лицо на плече Мужчины.)*

Мужчина. Наша скорбь безмерна, но мы клянемся тебе...

Режиссер. Стоп. Вы говорите «скорбь безмерна», а сами от радости сияете, как начищенный сапог.

Мужчина. Извините, я непроизвольно.

Режиссер. Я понимаю ваши чувства.

Мужчина. Завтра я буду очень скорбеть, вот увидите.

Женщина. И вообще, мы устали, не выспались. Давайте лучше мы до завтра все выучим, потренируемся, и на церемонии будем так скорбеть, что все заплачут. А сейчас просто сил нет.

Звонит телефон Консультантки, она смотрит на дисплей,
и ее лицо сразу становится очень серьезным.

Консультантка *(в телефон, вставая)*. Да... Да... Слушаю...

Мужчина и Женщина замирают, встав по стойке смирно.

Режиссер. Что случилось?

Женщина *(шепотом)*. Тихо!

Режиссер. Кто это звонит?

Женщина. «Кто, кто...» Не понимаете, что ли? Главный режиссер!

Режиссер. Какой еще главный? Здесь главный я.

Женщина. Не смешите меня. Вы и в самом деле вообразили, что вы тут режиссер? Вы пешка, исполнитель, и больше ничего. Неужели вы еще не поняли?

Консультантка. Замолчите все! *(В трубку.)* Слушаюсь... Слушаюсь... Слушаюсь...

Режиссер *(в смятении).* Так это... *(Встает по стойке смирно.)*

Консультантка *(в трубку).* Хорошо... Слушаюсь... Будет сделано.

Консультантка убирает телефон. Почтительное молчание.

Режиссер. Что он сказал?

Консультантка. Он сказал, что в целом сценарий и подготовка шоу ему понравились. Он передает вам благодарность.

Режиссер. Спасибо. Если вам понадобится специалист для постановки коронации, не забудьте пригласить меня. Я поставлю это зрелище на славу.

Консультантка. Будем иметь в виду. Что же касается этих двух исполнителей, то они его не совсем устраивают.

Мужчина *(тревожно).* Что он имел в виду? Мы вообще его не устраиваем?

Консультантка. Нет, пока он имел в виду только тракторку и исполнение ваших завтрашних ролей.

Режиссер. Откуда он знает, какая у меня тракторка? Он ведь не видел репетицию. *(Консультантка выразительно смотрит на Режиссера.)* Извините.

Женщина. Что же нам делать?

Консультантка. Приказано прекратить болтовню и как можно быстрее завершить репетицию. *(Режиссеру.)* Да, и надо резко сократить смету этого шоу. Вы увлеклись. В конце концов, хоронят не президента и не премьер-министра, а всего лишь частное лицо.

Режиссер. Но ведь тогда рухнет весь мой красивый замысел...

Консультантка. У вас есть возражения?

Режиссер. Никак нет.

Консультантка. Что ж вы тогда стоите? Заканчивайте работу.

Режиссер. Слушаюсь. *(Актерам.)* Займите свои места... *(Мужчине.)* На чем вы остановились? Прочитайте последнюю реплику.

Мужчина. Сейчас. *(Ищет в тексте нужное место.)* Вот: «Мы можем быть довольны: будущее, которого все давно ждали, уже наступило».

Режиссер. А что дальше?

Мужчина. Ничего. Конец.

Режиссер *(устало).* Ну хорошо. Конец так конец.

Занавес.

Лариса ПОДИСТОВА

РЕЦЕПТЫ ВОЛШЕБСТВА

*К 75-летию Государственного академического
Сибирского русского народного хора*

*Очерк второй**

Многие века народная культура пронизывала всю жизнь человека от рождения до погребения. Песня была и утешением в горе, и подспорьем в труде, и забавой в часы отдыха, и лекарством, и мудрым наставлением, и способом сохранить память о значимых событиях истории... В ее питающем, оберегающем поле находились буквально все, от мала до велика. Жизнь не баловала наших предков, много было в ней и жестокого, звериного, замутняющего душу, калечащего и искажающего характер. Но тем сильнее проявлялось у народа желание сохранить изначальную чистоту, глубинное этическое начало — как эталон, как правду, к которой нужно стремиться, чтобы оставаться человеком. Нашего современника, далеко ушедшего от этой древней простоты в мир почти магических технологий, народная культура удивляет своей яркостью, красотой, искрящейся энергией и способностью как-то быстро и ненавязчиво расставить все по своим местам. Правда, теперь для того, чтобы прикоснуться к ней, нам приходится сделать усилие — например, прийти на концерт.

В уютном зале концертно-театрального центра «Евразия» не бывает свободных мест, если на сцене — Сибирский хор. «Ямщицкий сказ», «Васильковая лира души», «Сибирская вольница», «Сонет российского звучания» — как бы ни называлась программа, она всегда зрелищна, ярка, эмоциональна и оставляет в душе ощущение праздника. Обводя взглядом зал, видишь и молодые пары, и родителей с детьми, и бабушек с внуками. Занавес раздвигается, открывая глазам другую реальность, где каждая женщина — княгиня, а каждый мужчина — былинный герой. Какая древняя сила пробуждается в людях, когда они поют «Степь да степь кругом» или «По диким степям Забайкалья»? Откуда у наших современниц эта лебединая походка, эта царственная стать? Как удается извлекать такие разные мелодии из простой на вид балалайки или незатейливой вроде бы домры? Эти вопросы приходят уже после, а во время концерта просто открываешь сердце и веришь волшебству, которое творится на сцене.

Принцип триединства песни, танца и музыки очень древний. Обряд, из которого выросли почти все виды искусства, — явление синтетическое, призванное сохранять единство мира и цельность человека. Танец — он не только

* Информация и фотографии предоставлены концертно-театральным центром «Евразия». Очерк первый см. «Сибирские огни», 2019, № 4.

для тела, это же не физзарядка. Песня — не только для голоса, ей послушны руки и ноги, ей внимает душа. Музыка заставляет сердце плакать или смеяться, побуждает двигаться плавно или пускаться в буйный пляс. Кому-то пришло в голову разделить эти начала, и на свете появились отдельно — оркестр, отдельно — балет, отдельно — хор, отдельно — театр... Они все прекрасны, и у каждого хватает почитателей. Но в единстве, которое и сейчас хранит народное искусство, чувствуется первозданная мощь; и когда встречаешь по-настоящему хорошее исполнение народной песни, кажется, что в ней до сих пор живет отзвук самого первого толчка, заставившего планету вертеться. Звучит пафосно, ну и что? Достичь такого воздействия на зрителя получается далеко не у каждого коллектива. Сибирскому хору это удается всегда.

К слову, формально здесь тоже есть три подразделения: хор, балет и оркестр народных инструментов. Но когда смотришь на артистов во время концерта, теряешься: этот только что пел — а теперь пошел вприсядку, другая сидела в уголке с домрой — и вдруг тоже танцует... А уж во время больших, массовых постановок, кажется, вообще никто не остается на месте! Действие на сцене развивается естественно и логично, словно одна его часть сама собой перетекает в другую.

Это «само собой», разумеется, обманчиво. Подготовка новой программы занимает от полугода до года, начальный сценарий постепенно меняется, приспособляясь под главную идею, каждый номер тщательно просчитывается и репетируется... За десятилетия существования у Сибирского хора накопилось немало профессиональных приемов и секретов, так что вдохновению есть на что опереться. Личности руководителей подразделений и худрука, конечно, тоже влияют на стиль коллектива.

— Когда я пришел работать в Сибирский хор шесть лет назад, — рассказывает руководитель оркестра народных инструментов Александр Александров-

На сцене оркестр Сибирского хора. Руководитель — А. А. Савин (крайний справа)

вич Савин, — мне год, если не больше, пришлось приспособливаться к стилю Николая Ивановича Лугина, нашего художественного руководителя. Я до этого сам руководил оркестром в ансамбле «Чалдоны», а в Сибирском хоре мне доводилось играть в качестве музыканта, так что всю специфику я уже знал. Но в каждой команде по-своему строятся репетиции и концерты, даже одно и то же произведение, бывает, играется по-разному. Здесь, скажу как музыкант, такое скрупулезное внимание к ведению фразы, к сути, — прямо от А до Я. Я с такой глубокой проработкой сталкивался раньше только в консерватории. Для меня это очень интересно, очень познавательно! И этот метод дает результаты, которые можно видеть на каждом концерте.

Главный балетмейстер Владимир Эмильевич Перлин руководит балетной труппой Сибирского хора уже одиннадцать лет, а до этого долго преподавал в Алтайском государственном институте культуры, работал в Алтайской краевой филармонии и в ансамбле «Чалдоны». Сюда он пришел с солидным опытом и своими взглядами на народную культуру и сценические постановки.

— Найти контакт со своими, с «балетными», мне, конечно, было проще, — вспоминает он. — Кроме того, я уже с ними занимался: меня приглашали на постановки, мы готовили совместные мероприятия. А вот с артистами хора оказалось сложнее. До того как я пришел, хор пел статично, что не очень вписывалось в новую концепцию развития творческого коллектива. На одном из заседаний художественного совета было решено хор сделать тоже подвижным, чтобы он не только пел, но и мог танцевать. Вот тут и появились некоторые проблемы. Сдвинуть артистов с места поначалу было очень тяжело. Прямо скажу, все это делалось через большие усилия, через не могу, на нервах... Но зато сейчас, когда мы готовим новый номер, едва артисты хора песню выучили — подходят ко мне и говорят: «Сделайте так, чтобы мы потанцевали,

Артисты хора не только поют, но и танцуют.
Главный хормейстер — О. И. Горшкова (в центре)

показали себя!» Сами просят. Я считаю, что в этом и задача, и прелесть нашей работы: настоящий артист должен раскрываться полностью, всеми гранями своего таланта. Надо ему только в этом помочь. В нашей профессии человек не будет работать долго, если ему не доверят исполнять какие-то сольные партии или куски, а оставят, что называется, в кордебалете. Это в театре оперы и балета есть корифеи, примы-балерины, а есть кордебалет — те, которые у воды стоят пятнадцать минут, только позу меняют. У нас другой жанр. Здесь все участвуют в действе, и отсидеться нельзя. Либо ты работаешь... либо ты у нас не работаешь.

Оксана Ивановна Горшкова, с 2006 года артистка, а теперь и главный хормейстер Сибирского хора, отмечает еще одну особенность своего поющего коллектива:

— В солисты у нас выходят на основе практики, набравшись опыта. Один раз попробовал, получилось — молодец. Не получилось — пока подожди. Но пробуют все до одного: и те, кто устроен солистом, и просто артисты хора. Ребятам это интересно. У нас не бывает такого, чтобы в программе один и тот же человек все время запевал. Обязательно должны быть разные запевы. Даже если ты раньше заводил эту песню, но у тебя в программе есть еще одна, то эту может запеть кто-то другой.

Такое внимание к каждому артисту, действительно, одна из сильных сторон Сибирского хора. Что скрывать, зарплаты у танцоров, певцов и музыкантов невелики. И если бы люди не чувствовали, что здесь у них есть возможность раскрыть свой талант, овладеть профессиональными секретами, усовершенствовать мастерство, — может быть, многие не остались бы здесь надолго. Хотя текучка, конечно, есть и тут, как и везде.

— Текучка у нас в основном такого рода, — рассказывает В. Э. Перлин. — Человек приходит и думает, что он сейчас в свое удовольствие попляшет и уйдет. А нет — тут надо вкалывать пять дней в неделю с десяти утра до трех часов дня, с небольшими, пятнадцатиминутными, перерывами. На это уходит очень много сил. Поэтому у артиста балета стаж работы всего двадцать лет — и он идет на пенсию. Ну, правда, сейчас сдвинули, как всем... Это работа на износ, не каждый выдерживает такой темп. Кто-то, бывает, и уходит.

А бывают и другие, можно сказать, противоположные, истории. Например, А. А. Савин рассказывает:

— Было дело, узнали мы, что человек уходит из другого коллектива, тоже профессионального оркестра. Я ему звоню: «Слушай, нам баянист нужен». А он мне: «Я хочу на себя поработать». Что-то там совершенно не связанное с творчеством попробовать решил. И все, мы с ним не виделись. Звоню через год, и он вдруг говорит: «Да, я приду». Сложилось так, что никого на это место не взяли — и все состыковалось. Потрясающе профессионально играет! Видно, что человек по адресу пришел, что здесь его место. Он поиграл в академическом оркестре, поработал на себя — но от призвания же никуда не денешься. Кроме того, ему уже было с чем сравнить свою жизнь — там, там и здесь — и все, он осел у нас, чему мы очень рады.

В Сибирский хор отбор сейчас очень серьезный — коллектив держит марку, ведь хоров такого высокого уровня в России не так уж много. Были времена, когда после прослушиваний артистов брали только за голос, даже если они не то что не имели музыкального образования, но и попросту не знали нот. Или в

балет принимали просто людей, знавших основы народного танца. Но эти дни уже давно в прошлом, сейчас требования к претендентам гораздо серьезнее.

— Кроме того, что ты танцуешь, ты должен еще и хорошо выглядеть, — говорит В. Э. Перлин. — И рост должен соответственным быть, и внешность. Ну и не меньше чем на семьдесят процентов ты должен быть профессионалом в своем деле. Почему смотрим на рост? Потому что когда исполняются какие-то номера, действует закон перспективы сцены. Когда один артист большой, другой маленький, третий толстый, четвертый худой и почти два метра ростом, составить из них красивую композицию очень сложно. Пропадает гармония, которую ты пытаешься создать, она просто рассыпается. Иногда даже вообще теряется смысл задуманного номера. Конечно, состав у нас не такой, как, скажем, в ансамбле имени Гоженко*. У них, наверное, человек восемьдесят артистов балета, а хора нет. Есть группа девушек и парней, которые водят хороводы, соответственно, это рост от ста семидесяти до ста восьмидесяти сантиметров, — и есть артисты, у которых рост сто шестьдесят пять и ниже, это «технари»: дробушечницы, хлопущечники — те, кто делает «технику», различные трюки. Вышел хоровод, показал красоту, потом выбегают «технари» и выдают что-нибудь забойное, веселое... У нас штат не такой большой, поэтому все наши артисты — универсалы. В балете у нас сейчас двадцать четыре человека: двенадцать девушек и двенадцать парней. Это здорово, когда на сцену выходят двенадцать пар — просто красота! Они шестнадцать тактов практически ничего не делают, просто идут: из угла в угол проходят, руки поднимают-опускают — и уже красиво. Таковы законы сцены, и от этого никуда не денешься.

Внешность и умение двигаться на сцене имеют значение не только для танцоров, но и для ставшего «мобильным» хора. О. И. Горшкова рассказывает:

— Когда люди приходят на прослушивания, мы слушаем тембр, спрашиваем, есть ли музыкальное образование. Проверяем, как интонирует человек, как он двигается. Смотрим на внешние и сценические данные. У нас хор восемьдесят, если не девяносто процентов программы в движении, поэтому все артисты должны быть и музыкальные, и сценичные. Возраст, в принципе, не имеет значения, но сейчас приходит в основном молодежь: восемнадцать лет, двадцать, чуть постарше... Конечно, стараемся сразу брать тех, кто достоин. Берем сначала на испытательный срок, смотрим, как человек себя проявит. За последнее время, может, один или двое не вработались, испытательный срок не прошли. Для кого-то оказалось слишком тяжело, у кого-то просто обстоятельства так сложились... Но в основном люди остаются.

Услышав просьбу рассказать о самых ярких певцах, танцорах и музыкантах, руководители подразделений пожимают плечами и смеются:

— Да у нас все такие! Других на работу не берем.

Возможно, сказывается еще и профессиональная этика, и нежелание вызывать зависть или ревность, которые, что греха таить, нередки в творческих коллективах. Но и в то, что все артисты Сибирского хора — неординарные личности, верится легко. Впрочем, «любимчики» здесь все-таки есть — это те, кто своим чувством юмора и жизнелюбием способен разрядить напряженную обстановку во время трудной репетиции или долгих гастролей. Одно-два слова

* Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири им. М. С. Гоженко, один из лучших профессиональных ансамблей народного танца в России.

таких «хохмачей» — и все смеются, весь негатив пропадает, дальше идет нормальный рабочий процесс.

Разрядки такого рода артистам необходимы, особенно в дальних поездках. На гастроли, кстати, Сибирский хор ездит автобусами — причем не только в Новосибирскую область или соседние города, но и за Урал. Только представить — девять-десять часов в пути, потом «с колес» отыграть-отплясать концерт, переночевать — и с утра снова в дорогу... Бывают варианты лучше: приехали в город вечером, а концерт на следующий день, или вообще задержались на два-три дня в одном месте. Но и это, понятное дело, требует много сил: попробуйте-ка «завести» незнакомую публику, выступая на чужой сцене. Зато когда в зале начинают подпевать, а под занавес устраивают овацию... Разве не ради таких моментов люди идут в артисты?

Сольные номера оркестра Сибирского хора неизменно вызывают у слушателей бурный отклик, без криков «браво» в конце никогда не обходится. А во время массовых композиций музыканты, бывает, встают с мест и вместе со своими инструментами вливаются в общее действие, то подыгрывая певцам и танцорам, то выходя на первый план, то присоединяясь к большому хороводу. Есть у оркестра и целая отдельная программа, она так и называется — «Играет оркестр Сибирского хора». Два часа виртуозного исполнения самой разнообразной музыки на народных инструментах — и зрители, не уставая, слушают.

— Не каждый сыграет правильно Баха, но и «Камаринскую» тоже правильно сыграет не каждый, — утверждает руководитель оркестра А. А. Савин. — Академические навыки тут вряд ли пригодятся. Консерватория помогает понять, какими методами это делается. Но в душе, в руках все равно должно быть именно что-то русское народное, как говорится, от сохи. Откуда оно берется? Оттуда. — Он улыбается и поднимает глаза к небу. — На каждом концерте бывают моменты, когда чувствуешь, как все как будто летит в едином порыве. И слаженность такая, и звук хороший — мы все друг друга слышим, и настрое-

Главный балетмейстер В. Э. Перлин (в центре)

ние... Нам же передается настроение и от хора, и от балета. Они выходят — нам улыбаются, мы выходим — им улыбаемся. На репетиции, у себя в цеху, мы стараемся какие-то технические и музыкальные вещи отработать. А когда выходишь на концерт и номер из тебя буквально льется — это словами не передать!

Восемьдесят человек, восемьдесят неординарных, талантливых личностей: сорок артистов хора, двадцать четыре танцора и шестнадцать музыкантов — таков сейчас состав Сибирского хора. И глядя из зала на сцену, где разыгрывается массовая композиция, невольно задаешься вопросом, как же складывается этот единый порыв, этот волшебный полет. Насколько воля режиссера управляет волей исполнителей? Допустима ли импровизация — или все движения и аранжировки раз и навсегда заучены и отточены? Согласитесь, не так просто убедить яркую творческую личность стать частью общего полотна — одной из многих. Как это получается сделать — кнутом, пряником?

— Ставится определенная задача, — объясняет О. И. Горшкова, главный хормейстер. — Всегда есть общая мысль: что мы должны в этом произведении показать, о чем оно, это произведение. Сначала делается «рыба» — план, куда все закладывается: здесь у нас будет танец, здесь лирика, здесь кульминация, здесь драматургия. В процессе постановки первоначальная идея развивается и уточняется: накладывается одно, другое... Где-то, понятно, идешь от текста песни. Когда звучит какой-то проигрыш — идешь от музыки, на музыку накладывается движение. Если это новая программа, то сценарист пишет сценарий, в котором воплощает идею режиссера, художественного руководителя, о чем это будет и как это показать. Подбирается музыкальный материал, делаются оркестровки, хор проучивает свое отдельно, а потом на это уже накладывается постановочная часть, продумываются костюмы... Мы все профессионалы и вместе идем к общей цели.

— В «Чалдонах», где я раньше работал, — рассказывает В. Э. Перлин, — контингент артистов был гораздо моложе, это были выпускники колледжа культуры в возрасте девятнадцати-двадцати лет. А здесь и в балете, и в хоре уже, я бы сказал, матерые артисты — за тридцать, около сорока. Словом, почти мои ровесники. А надо с ними найти контакт и заставить их делать не то, что они хотят или могут, а то, что нужно мне. Увлечь их — чтобы они понимали, что делают, — тогда они загораются и дальше уже идут сами. Я не говорю, что они весь танец сочиняют, нет. Но они начинают жить этим. Я им даю время импровизировать, и мы потом очень многое из этих находок оставляем в номере. Есть диктатура художественного руководителя и балетмейстера, так надо, от этого никуда не денешься. Но совместная работа — это очень интересно, это одна из главных радостей нашей профессии.

Совместная работа нередко приводит артистов и к совместной жизни — здесь встречаются, влюбляются, женятся. В списках подразделений Сибирского хора много «парных» фамилий: Лугины, Брыкины, Богдановы, Казаковы, Хлюстины, Поповы, Солохины, Сидоровы, Терсковы... Частые гастроли и выездные концерты, фактически ненормированный рабочий день — человеку со стороны трудно выдержать такой жизненный график своей половины. А в артистических семьях по этой части полное взаимопонимание.

Темы для новых программ Сибирскому хору подсказывают жизнь и история нашего края. В экспедициях по сибирским деревням собран драгоценный фольклорный материал, накоплен за десятилетия работы «золотой фонд» песен,

в том числе и современных авторов. Для того чтобы глубже понять и вернее отобразить на сцене разные явления народной культуры, артисты обращаются за консультацией к специалистам. Вот, например, как, по рассказу Владимира Эмильевича, появился ставший уже знаменитым и всегда вызывающий восторг публики номер «Буза»:

— Когда мне было, наверное, лет двадцать пять, вошло в моду карате, а потом капоэйра, из танца переходящая в бой. И меня как-то напрягало, что в России такого нет. Ну, есть самбо, но его собрали из разных видов борьбы. А именно нашего, народного, нету. И вот, когда мне уже было за пятьдесят, здесь, в Сибирском хоре, мы начали делать казачью программу — «Сибирская вольница» — и обратились за помощью в «Русский щит»*. Хотели поставить на сцене кулачный бой. Ребята из «Русского щита» пришли к нам, показали и рассказали, что это такое. И для меня все встало на свои места! Оказывается, русский танец, особенно мужской, выходит из боевых единоборств. Допустим, традиционное положение рук в русской пляске — откуда взялось? А оказывается, когда дерутся на кулаках, ты раз — и прикрыл от удара одной рукой печень и почки, а другой — голову. Дробные движения ногами — это разминка, способ разогреть мышцы. Когда нужно было мгновенно собраться для боя, начинали топтать, чтобы встряхнуть организм, размять ноги. Уже потом, когда стали это в танцы переводить, делать сценические варианты, тогда дробь постепенно перешли к женщинам. А изначально это было мужское движение. Так вот, мы взяли кулачный бой, который в чистом виде, конечно, нельзя показывать, и сделали его сценический вариант — нашу «Бузу». И всем этот номер нравится, независимо от того, в какой город мы его привозим. А особенно за рубежом — публика там просто в шоке от того, что происходит на сцене. И действительно: нас там и бревно, и кулачные бои, и стенка на стенку... Вот так-то!

Следующий, 2020 год, по решению президента России, станет Годом народного творчества. В последнее время СМИ наконец вспомнили о народном искусстве и заговорили о нем. До этого почти тридцать лет его существование не то чтобы замалчивалось совсем, но как-то не афишировалось. Брейк-данс, техно, стрит, тяжелая музыка, напоминающая лязг штамповочных прессов, благополучно вытеснили народную культуру с экранов и из радиоэфира. Наверное, это модно и современно, но мода, как мы знаем, преходяща, а современность без прошлого, как правило, слишком поверхностна. Возможно, время господства чужого, наносного все же проходит, а народное искусство возвращается — да, как шоу, в новых аранжировках и костюмах из современных тканей, но в XXI веке было бы странно цепляться за лапти и холстину. Ветхая оболочка остается в прошлом, но сердцевина жива: это характер народа, осознание им своего пути в мире, его самоидентичность. Если кто-то ищет русскую идею, то она, скорее всего, где-то там — в народных песнях, ведь именно через них поколения наших предков выражали свои желания и чаяния.

То, что эти песни все еще звучат, — заслуга многих собирателей, хранителей, исполнителей. В том числе и Сибирского хора, который вот уже семьдесят пять лет дарит своим зрителям древнее и вечное волшебство русского традиционного искусства.

* «Русский щит» — центр русского боевого искусства в Новосибирске.

Гражданская война в Сибири

**«ЗАДЕРЖАНЫ И СДАНЫ ЧИНАМ
СЫСКНОГО ОТДЕЛЕНИЯ...»**

Новониколаевск в 1919 году. Документы

О незаконных обысках у жителей города

№ 963

31 марта 1919 г.

Господину Управляющему Томской губернией

Управление Новониколаевской городской милиции Томской губернии

23 сего марта в 2 часа дня в квартиру гражданина Константина Яковлева Злобина проживающего в г. Ново-Николаевске по улице Лескова дом № 56 пришли три человека поляков, вооруженных винтовками в пьяном виде и не предъявляя никаких ордеров стали производить в означенной квартире обыск.

Разрыв все сундуки и ящики и ничего не обнаружили, но отобрали охотничье ружье, три фунта пороху и сто штук пистонов забрав это отправились домой. Личность поляков производящих обыск у Злобина выяснить не представляется возможным.

Произведенное дознание одновременно с сим препровождаю за № 963 судебному следователю. <...>

О чем и сообщаю

Вр. и. д. начальника милиции [подпись]

Секретарь [подпись]

ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 56. Л. 250 об.

Машинопись. Подлинник.

О самочинных действиях польских офицеров

№ 4054

31 августа 1919 г.

Г. Начальнику Ново-Николаевской милиции

Начальника Ипподромского участка городской милиции гор. Ново-Николаевска № 505

Рапорт

Доносу, что за истекшие сутки во вверенном мне участке [произошли] следующие происшествия:

Дежурный надзиратель Смирнов случайно от родственников Костылевой узнал, что польские офицеры проживающие в комнатах домовладелицы дома № 18 по улице Гоголя Евдокии Алексеевны Костылевой производят незаконное дознание с последней, обвиняя последнюю в краже 6.000 рублей денег у проживающей в этом же доме польской подданной Юлии Петровны Герутто. При чем произведенным дознанием и будучи спрошена в качестве заподозренной в краже денег Костылева объяснила, что в краже она не виновна, но польские жандармы наставив на нее револьвер потребовали сознаться, что она похитила деньги и она Костылева действительно перепуганная это сказала и обещала отдать 6.000 рублей Герутто. Дознанием виновность Костылевой в краже не установлена.

По сведениям полученным от посторонних лиц деньги в сумме 6.000 рублей принадлежали не госпоже Герутто, а подпоручику 2 Польского строевого полка Ясковскому, который в последнее время часто пьянствовал, а в день пропажи денег на квартире явился пьян не помня себя, а деньги были казенные.

Начальник Ипподромской Ново-Николаевской городской милиции *Богатыревич*

С подлинным верно. Столоначальник *[подпись]*

Настоящую копию представляю Его Превосходительству Господину Управляющему Томской губернией для сведения.

*ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 56. Л. 252—252 об.
Машинопись. Копия.*

Протокол заседания Особого Совещания по вопросу о взаимоотношениях военных и гражданских властей в пределах Новониколаевского уезда

Заседание состоялось 26 февраля 1919 г. под председательством вр. и. д. начальника гарнизона полковника Перчук.

На заседании присутствовали: Вр. и. д. начальника гарнизона полковника Перчук, Управляющий уездом Крекнин, председатель Комиссии по реквизиции помещений поручик Рейнфельд, комендант города полковник Кокоша, генерал-майор Платов, представитель прокурорского надзора, судебный следователь 7-го участка, представитель штабов польских и чешских войск, представитель штаба польских войск.

<...>

2) Рапорт Начальника Вокзального участка от 2-го февраля за № 712. «...Тогда я пригласил чехов зайти в ближайшую квартиру, на это майор Чеховский сказал, что знать меня не хочет и навел на меня револьвер, говоря, что застрелит. Несмотря на мою просьбу разъяснить происшествие подробно, майор Чеховский стал меня ругать, говорил, что ты дурак, и вся милиция сволочи и все вы русские свиньи при этом продолжал наводить на меня и на милиционеров свой кольт. Не вытерпев издевательств и не желая переносить дальнейшие оскорбления милиционеры намеревались отобрать у него оружие, но в этот момент подошел отряд чехов человек 15, начальнику которого (фамилия кажется Боровичко) майор Чеховский отдал распоряжение арестовать меня и милиционеров, что и было исполнено. За отсутствием средств сопротивления, мы приведены были в чешские казармы, где милиционеров посадили в каталажку...»

<...>

4) Рапорт Начальника Ипподромского участка от 22 февраля № 738. «Около 9-ти часов вечера 21 февраля в канцелярию участка явился сын гражданина Козьмы Евстигнеевича Познеева, проживающего по Ломоносовской 36 и заявил, что к его отцу зашли два каких-то польских вооруженных солдата из коих один обнажил шашку, размахивал ею и угрожал присутствующим. Когда мой помощник подошел к дверям дома № 36 и просил открыть дверь, в ответ на это из сеней произведено было два револьверных выстрела по чинам милиции. Войдя в дом Познеева милиционеры Балаш и Гайдук застали там двух польских прапорщиков из которых один был сильно пьян, а другой держал в порезанных руках обнаженную шашку. Вскоре выяснилось, что один из офицеров пьян был подпоручик 2-го польского стрелкового полка Станислав Чайковский, а второй подпоручик Викентий Махуник. Во время разговора подошли еще трое военных же. В лагере польских войск, когда услышали выстрелы и узнали, что милиция разбирает дело о польских офицерах выскочили несколько вооруженных солдат и направились к дому № 36, при чем по дороге произвели залп, в это же время с помощью других подпоручик Махуник отобрал у милиционера Лотошь берданку, и увидев, что кто-то из милиционеров побежал по дороге, прицелился и выстрелил из отобранной берданки два или три раза по направлению бежавшего. ...Выстрелами поручика Махуника ранен милиционер Рыкачев в бедро левой ноги навывлет».

5) Рапорт Начальника Сыского отделения по делу о вооруженном ограблении по Тобизиновской улице № 6. Дознанием установлено, что грабеж совершили военные чины службы связи 10-й Казанской дивизии: прапорщик Анатолий Дидрисон, называющий себя врачом и бывший вечно в пьяном виде, прапорщик Николай Плотников, поручик Муравьев и доброволец Тростянский, арестованные заключены под стражу, на военной гауптвахте.

<...>

8) Рапорт Начальника Вокзального участка от 20-го февраля за № 745. «13 февраля около 3-х часов ночи в участок прибежали два мальчика и заявили, что в доме № 48 по Вокзальной улице сербы грабят народ. С отрядом милиционеров я прибыл на постоялый двор, где граждане Куртополов, Ломаев и два брата Спицины заявили, что четверо неизвестных арестовали их предварительно избили и отобрали 800 рублей денег, при чем водили их на станцию в отряд сербских войск. После эти же лица переодетые один в форму сербского офицера, а другой в шубе, явились снова на постоялый двор, опять стали наносить побои угрожали револьверами и требовали денег. Видя мошенничество, потерпевшие, сообщили в участок. Когда я подходил к воротам постоялого двора мне удалось задержать двух неизвестных из коих один одет в форму сербского офицера, а другой в шубе. Первый назвался Спириным, а второй сербом Михайловичем. Потерпевшие последних опознали и уличили: кроме того указали находившегося в помещении Трухачева. Все эти лица и еще серб Стоядинович как не внушающие доверия — задержаны и сданы чинам сыского отделения, которое приступило к дознанию. При обыске в кармане офицера найдены были патроны, а во дворе револьвер с пулями однородными с теми, которые найдены в кармане офицера. Второй револьвер найден был у серба Стоядиновича. Спирин указал своим местожительством казармы сербского отряда».

9) Протокол Начальника Городской милиции по заявлению гражданина гор. Владивостока Афанасия Ивановича Храменко. «10 или 11-го февраля ко мне в гостиницу “Эрмитаж”, комната № 3 явились польский жандармский ротмистр

Паньковский и два вооруженных солдата отобрали все документы и сказали, когда будете уезжать, заходите в Управление польской жандармерии... Через три дня пришел польский жандарм и заявил, что я арестован... После в Управлении польской жандармерии ротмистр Паньковский при допросе бил меня кулаками по лицу, а когда я стал кричать и плакать меня вывели во двор и заявили, что меня расстреляют, я упал в обморок. Я инвалид, имею девять ран, полный Георгиевский кавалер, на фронте сражался против австро-польских войск и вот теперь на территории русского государства австро-польские жандармы. Если я виноват, то для этого есть русский суд, который может меня судить» и т. д.

10) Рапорт Начальника Вокзального участка от 20 февраля за № 799. «19-го февраля сербский воевода со своими солдатами явился в дом № 49 по Вокзальной улице, вырвал замок из дверей, выбросив вещи проживающих в квартире и поселил солдат, не предъявив на это никакого документа. На протесты угрожал повесить хозяина квартиры, если он будет жаловаться. Подобного рода насилие со стороны воеводы, уже не первое. Прошу ходатайства о защите мирных граждан от насилий сербского отряда» и т. д.

11) Копия сношения водного транспорта Министерства Путей сообщения от 23 февраля за № 299. Настоящим имею честь просить о принятии мер к защите пристани (акт от 21 февраля) от хищений производимых солдатами квартирующими здесь польских войск. ...Всего похищено с пристани на сумму 7722 руб. и т. д. и т. д.

Во всех изложенных случаях бросается в глаза то обстоятельство, что обыски производились без ордеров, вопреки дважды отданным приказам по гарнизону, с каковыми приказами части иностранных войск расквартированных в гор. Ново-Николаевске, по-видимому вовсе не считаются. Своевременно в приказах по гарнизону обращалось внимание надлежащих начальствующих лиц отдельных войсковых частей как русских, так и иностранных о необходимости сокращения пьянства среди войск в том числе и среди офицеров. Такие безобразные явления как избиение и отобрание денег на русской территории сербскими воинскими чинами, или хищения производимые, польскими солдатами, самочинные обыски совершенные чехами, даже под предводительством своих офицеров, указывают на крайнюю необходимость предпринять самые крутые меры безотлагательно, не считаясь даже с возможностью конфликтов с представителями иностранных союзников воинских частей, расквартированных в гор. Ново-Николаевске.

Такие откровенные заявления, как например слова сербского воеводы: «Если захочу, то повешу, — мне это не впервые», дают основания полагать, что упомянутые войсковые части отнюдь не расположены считаться с русскими законами, русской властью на территории русского государства. Самовольное арестование русских граждан польскими жандармами, избиение и допросы, не основанные на законных поводах, ругательства и сопротивления в отношении чинов милиции при исполнении ими своего прямого долга, и даже насильственное их арестование чешскими солдатами и офицерскими чинами и т. д. и т. д. — создают удручающую картину бесправия, которое постепенно начинает входить в повседневную жизнь обывателя, как что-то нормальное, при такой общественной атмосфере очевидно не мыслимо, не только успокоение широких масс населения, только что перенесшего господство большевизма, но и окончательно расшатывается последнее, еще сохранившееся уважение к закону и вера в авторитет той государственной Русской власти, которая ныне поставила себе целью спасти осколки русского государства.

Нарисованная выше картина верна не только в отношении города, но и деревни: сказанные безобразия творятся не в одном городе, — не лучше и в уезде...
<...>

По окончании чтения указанных выше документов Управляющий уездом Крекнин резюмируя изложенное, делает вывод: воинские части, расположенные в пределах города Ново-Николаевска и его уездах, в своем пренебрежении к самым даже элементарным требованиям законности зашли, как видите, господу, слишком далеко. Необходимо же позаботиться наконец о спокойствии граждан. Подавлять силой всякую вспышку иногда справедливого недовольства — метод весьма сомнительный и чреватый обоюдно-острыми последствиями. Необходимо понять наконец, что единственной основой дальнейшего нормального устройства нашей жизни может явиться исключительно только строгая законность во всех сферах жизни, где власть вынуждена вмешиваться. Поверьте, я далек от мысли критиковать действия Высшего Командования в городе, и только настоятельная необходимость вовремя обратить внимание на происходящие события и заставила меня ходатайствовать о созыве настоящего Особого Сопещения. <...>

Председатель Сопещения подполковник Перчук: ...Кажется еще имел что-то доложить Председатель Комиссии по реквизиции помещений поручик Рейнфельд. Передаю слово поручику Рейнфельд.

Председатель Комиссии по реквизиции помещений зачитывает ряд документов о фактах имевших место тоже за последнее время.
<...>

14) Демонстрация артиллерии перед Городским Корпусом, с требованием квартир в Центральной части и захват ими после этого постоянных дворов;
<...>

16) Захват домов в Закаменской части отрядным транспортом;

17) Требование очистить дом Понганскаго помимо Учительской семинарии;
<...>

19) Выселение ночью жильцов из дома Сухоручкина (Гурьевская ул.).

<...> Насильственные действия войсковых частей в городе можно разделить на четыре группы: 1. Самовольное занятие, осмотр, регистрация и реквизиция помещений; 2. Применение оружия и насилия над гражданами при занятии квартир; 3. Отказ платить деньги за занятые помещения; 4. Угрозы по адресу уполномоченных членов Комиссии по реквизиции.
<...>

В частности удалось зафиксировать нижеследующие случаи самовольных действий при занятии помещений без ордеров:

20) Дом Собурова, Каннская ул. № 1.
<...>

26) Постоялые дворы: по Тобизиновской ул., по Асенкритовской ул. и по Болдыревской ул.
<...>

33) Занятые военными частями помещения гостиниц: «Америка», «Метрополь», «Коммерческое подворье», «Европа», «Перепуть», «Урал» — не оплачиваются и на требование платы последовали отказы.

34) Самовольно заняты сербами: гостиница «Бельгия», приставлены сербские часовые.
<...>

36) Постояльцый двор Гусиной (занят сербами), где к жильцам тоже предъявлено требование выселиться.

<...>

38) Поляками занято здание Вагановского Училища, откуда выселен заведующий школой.

<...>

41) Предназначенное для Американского Красного Креста реквизированное Комиссией помещение самовольно занято командиром 4-го Польского полка, причем выставлен военный караул.

42) По Болдыревской № 73 чинами польской армии занята квартира, которую им удалось захватить, вследствие того, что они предъявили подложный ордер на нее, Комиссией отнюдь не выдававшийся.

<...>

44) Польским офицером самовольно занята приемная комната врача Любимова по Николаевскому проспекту № 42, на требование освободить комнату офицер не обращает никакого внимания...

45) Занятие Коммерческого клуба польскими войсками. Клуб рассчитан на 700 человек, польские войска заняли все здание... в день осмотра в клубе оказались расквартированными лишь... 216 человек.

46) Пожарных водовозов угрозой оружия принуждают доставлять воду, чего они отнюдь не обязаны делать безвозмездно.

47) Самовольно захватываются дрова и уголь в школьных зданиях.

<...>

49) Насильственное выселение служащих городских школ: 18-го смешанного училища, школы на Змеинногорской, школы на Будаговской.

<...>

57) Открытый захват школы во время занятий в ней и приставление часовых.

58) Крайне грубое, резкое и нетактичное поведение представителей польских воинских частей при предъявлении ими своих требований в Комиссиях, при чем было заявлено, что они возьмут помещения с боя.

<...>

Вот господа длинный ряд фактов, накопившихся за недолгий промежуток времени. Ни в каких дополнительных комментариях нарисованная картина не нуждается, и повторяю, дальше идти не может. Нужно что-то предпринять...

Комендант города полковник Кокоша: Все, что я сейчас слышал... прямо удручает меня и я могу сказать лишь тоже самое. <...> Помимо этого не могу [не] обратить Вашего внимания, что часто приказания русского дежурного офицера остаются не исполненными, если касаются хотя косвенно польских частей. Создается какое-то двоевластие при котором получается так, как будто на нашей же русской территории распоряжаются все, кто хотят, но только не мы русские.

Представитель прокурорского надзора: Всецело присоединяюсь к высказанным пожеланиям о дальнейшем установлении взаимоотношений с одной стороны русских воинских частей и гражданских частей с союзными национальными войсковыми частями иных национальностей... Ко мне приходят русские граждане и спрашивают за что арестован такой-то, за что и на каком основании избит и расстрелян такой-то... Что я могу в данном положении ответить им... у нас не все благополучно и что действительного контакта в совместной работе военной и гражданской власти не наблюдается... Я Вас спрашиваю, как же мне, как прокурору, смотреть на все эти польские, сербские, чешские жандармерии и «разведки», с кем я имею дело. На каком законном основании возникают в

пределах русской территории разные самочинные организации и кем они официально признаны и утверждены. <...> Должен ли я рассматривать их как собрание людей, планомерно доканчивающих расхищение нашей Родины, начатое большевиками или подчиняясь грубой силе оружия, должен считаться с ними, как с органами, разделявшими одинаковую со мною власть...

Судебный следователь 7-го участка: Между прочим, желательно было бы выяснить каковы собственно функции польского военного следователя, откуда он взялся и какие именно дела подлежат его рассмотрению.

Представитель штаба польских войск: Мы говорим раз и навсегда, что свои мы сами будем судить, ваших трогать не будем, но бывает, что иной раз нужно поймать преступников и вот при производстве поисков, для какой цели действительно имели место обыски, — случались столкновения. Зачастую нужны быстрые и энергичные меры в поиске преступников, когда нельзя терять ни минуты и не успеваем сообщить милиции, так как таковую громоздкую машину, как ваша милиция нельзя быстро привести в действие...

<...>

Управляющий уездом Крекнин: Да, что там толковать, если Вы защищаете Вашу национальную точку зрения, так я Вам скажу: мне известно, что чешским судом суждено и осуждено масса русских граждан, судили, оправдывали, присуждали к смерти и расстреливали. Для чего же тогда приказ Верховного Правителя, ведь двух толкований он не допускает. <...>

Представитель штабов польских и чешских войск: Официально заявляют, что впредь всегда будут вызываться на место чины русской милиции поскольку это не будет препятствовать работе польской и чешской контрразведки...

Командант города полковник Кокоша: Я здесь с ноября месяца 1918 г. и должен сказать, что даже при вызове на место происшествия Плац-Адъютанта, распоряжения последнего не всегда исполнялись чинами иностранных войск, хотя все эти распоряжения были всегда законны.

Управляющий уездом Крекнин: Очень приятно, что представители штаба польских и чешских войск взяли на себя обязательство, соблюдать впредь основные требования законности и обещали принять действительные меры к прекращению дальнейших безобразий, творимых чинами этих национальных войск... но я не вижу здесь Представителя Сербских отрядов, сыгравших немалую роль в обсуждаемых событиях и внесших свою долю участия в господствующей у нас неразберихе...

Генерал-майор Платов: Эти Сербские отряды входят в состав 10-й Казанской дивизии.

Прокурор: В виду налаживающегося соглашения считаю долгом еще раз обратит Ваше внимание, что аресты, производимые сербами, поляками или чехами — являются по существу незаконными и принципиально недопустимыми...

Управляющий уездом Крекнин: Мне кажется, г.г., что мы на сей раз исчерпали предмет нашей беседы и хотелось бы надеяться на возможность уладить дело мирным путем, найдя допустимый компромисс. Поверьте, что это послужило бы на пользу делу которому мы служим и содействовало бы поднятию престижа власти, которая должна знать на кого она может опираться.

Председатель Сопещения подполковник Перчук объявляет заседание закрытым.

С подлинным верно:

Секретарь Управления Ново-Николаевским уездом *Дубровский*

ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 467. Л. 2, 5, 5 об. — 6 об., 7 об, 8, 9 об., 10.
Машинопись. Копия.

Константин ВАСИЛЬЕВ

**КРЕСЛО ОСОБОГО УСТРОЙСТВА
И ТАЙНЫЙ ЛЮК В ПОЛУ —
ПО НАРОДНЫМ СЛУХАМ И ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ
ПРОСВЕЩЕННОЙ ПУБЛИКИ***

**Сечение русских жен любящими
мужьями и снова о порке поэта
Пушкина — по свидетельству
английских любителей развесистой
кляквы**

Корсаков, написавший статью для «Исторического вестника», был склонен верить в существование кресла для *подпольных секущий* в доме Шешковского: *предание вероятное*. В то же время он решительно утверждал, что *подобная механика* никогда не практиковалась в Третьем отделении. Однако как в прошлые, так и в нынешние времена как среди наших соотечественников, так и среди иностранцев преобладает мнение, что в означенном учреждении в ту пору, когда его возглавлял граф Орлов, имелись и механическое кресло, и опускающаяся половица. Вот и просвещенная англичанка, как мы помним, в середине XIX века несколько не сомневалась в правдивости той истории, которую ей нашептала близкая подруга высеченной светской дамы. *Близкая подруга* тоже верила... Впрочем, возможен розыгрыш. Над иностранной гостьей могли подшутить, сообщив — по секрету — об *ужасах*, творящихся на паркетах и под паркетами в кабинетах русской тайной полиции. Для чего разыгрывать и подшучивать? На мой взгляд,

сейчас как раз время вернуться к упоминавшемуся мной сатирическому произведению М. Е. Салтыкова-Щедрина: в «Помпадургах и помпадуршах» в особой главе осмеиваются *мнения знатных иностранцев*:

Как и во всех сочинениях иностранцев о России, нас прежде всего поражает в них какое-то неисправимое легковерие. Так, например... путешественник... Шенапан уверяет, будто в России преподается особенная наука, под названием: «Zwon popéta razdawaiiss» («Звон победы раздавайся»).

Месье Шенапан (чье имя буквально значит *прохвост*) по приглашению князя де Кляква (чье имя говорит само за себя) посещает Россию и по возвращении во Францию строчит воспоминания о поездке — подобно Александру Дюма и маркизу Астольфу де Кюстину, отдававшим предпочтение всякого рода курьезам, дворцовым интригам и сплетням, тюремным тайнам и ужасам, сведения о которых были получены ими от личностей вроде князя Кляквы, в ужасы и тайны свято верующих, или от балагуров-насмешников. Нельзя не согласиться с Щедриным, что были и есть у нас личности, которые ради смеха дурачат иностранцев, «которые, по прискорбному

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2019, № 7.

русскому обычаю, нашли для себя забавным рассказывать иностранцам разные небылицы о своем отечестве». И, что тоже верно подмечено Салтыковым-Щедриным, иностранцы, описывая русские порядки, нравы и обычаи, *имеют обыкновение впадать в преувеличения и выказывают при этом колоссальнейшее невежество*.

По поводу невежества: большой и очень развесистой *клюквой* является трактат, вышедший из-под пера преподобного Уильяма Купера и напечатанный в Британии в 1869 году: «История розги во всех странах с древнейших времен до наших дней». По крайней мере, *клюквой* сильно отдает та глава трактата, которая полностью посвящена России, где, среди прочих преувеличений, отдаленно и криво отражающих действительное положение вещей, мы находим разглагольствования Купера о том, как русская женщина определяет *истинность* любви:

...Замужние женщины считают доказательством любви со стороны своих мужей, если последние телесно наказывают их. И если от времени до времени мужья не бьют своих жен, то это означает, что к ним относятся невнимательно и равнодушно. <...> Одна из красавиц этой страны вышла замуж за француза и после четырнадцатидневного блаженства новобрачная сделалась вдруг неузнаваемой: настроение ее было в высшей степени подавлено. Путем настойчивых расспросов супруг узнал наконец истинную причину горя своей молодой супруги. «Разве могу я быть уверенной в твоей любви ко мне? — сказала она. — Вот уж четыре недели, как мы поженились, а ты ни разу еще не бил меня!»

Сия побасенка приведена мной по русскому переводу, сделанному, как я понимаю, еще в XIX веке, почти сразу после выхода английского трактата, и сработан он был с оглядкой на тогдашнюю цензуру: в заголовке *The Rod in Russia* наш издатель заменил *Россию* на одно

из восточных государств, и в тексте она называется *этой страной*. Кроме цензурных переделок, в русском издании, корявом по стилю, множество ошибок, грамматических и смысловых, — возможно, из-за спешки, возможно, из-за того, что работу поручили человеку, плохо владеющему английским языком. Есть и необъяснимые пропуски: так, в подлиннике помимо ссылки на некоего француза, женившегося на русской даме, имеется свидетельство господина по имени Баркли, утверждавшего, что русские жены судят о *добром отношении своих мужей* (the kindness of their husbands) *по числу полученных ударов* (the number of strokes they give them). Нет, господа, это не юмор и не сатира в духе Щедрина, это уже просто глупость.

Автор — Джеймс Гласс Бертрам (1824—1892), по какой-то причине выставивший себя на обложке трактата *преподобным Купером*, со всей серьезностью обрисовывает обычай *варварской* страны, и английские обыватели то негодуют, то удивляются (кое-кто из читателей-мужчин, я уверен, умилялся и завидовал): в России супруг сечет свою супружницу, та считает удары и огорчается, если он мало ей всыпал, или же она ликует, если муж бьет и никак не уймется! За сим следует еще одна *клюква*, услышанная автором, по его уверению, от других путешественников: плетка считается обязательной частью девичьего приданого! Затем идет красочное описание русской бани, где моются одновременно мужчины и женщины, где в ходу березовый веник, *инструмент*, схожий с тем, что используется для порки; как мы читаем в упрощенно-топорном русском переводе (переизданном, кстати, в наше просвещенное время): «Розга в ходу также в банях описываемого государства» — что делает нелепые заявления *преподобного Уильяма Купера* еще нелепее.

Желающим познакомиться с произведением, привлеченным мной к обсуж-

дению, следует обратиться, повторяю, к подлиннику, дабы не впасть в дополнительные заблуждения из-за ошибок, допущенных при переводе английского трактата, изобилующего нелепыми сведениями. Так, по поводу царей вы прочитаете по-русски: «Некоторые из правителей этой страны особенно отличались в области рукоприкладства, причем за несколькими сохранилась репутация в высшей степени изобретательных на придумывание утонченных мук. Один из них, прославившийся преобразованием страны...». По-английски о рукоприкладстве ничего не сказано, Купер утверждает: «Многие русские монархи искусно владели плеткой (were adepts at using the whip) и были исключительно изобретательны, когда подвергали мукам людей из своего окружения». *Один из них* в английском тексте имеет имя: Петр I, точно так, как и другие российские государи и государыни названы без стеснения по именам: Анна, Екатерина II (*от скуки* своеручно *стегавшая плетью* всех своих прислужников), Николай I... А вот, смотрите, и о нашем Пушкине, об обсуждаемой выше истории, как его секли в полиции! Поскольку зачитываемый автор из Британии, мне все время вспоминается гоголевское чрезмерно восторженное и преувеличенно похвальное определение британской нации: мол, там все *сердцеведы*, там каждый проникнут *мудрым познанием жизни*. *Сердцевед* Бертрам, он же Купер, не сомневаясь, что доносит до благодарной британской публики правду о *варварской* России, пишет: «Один из прославившихся и ставший бессмертным поэт подвергся экзекуции в полицейском участке по приказанию самого повелителя страны». Почему я уверен, что идет речь о Пушкине? Потому что в подлиннике без обиняков сказано: «The celebrated Russian poet Pouchkin, a few days before being killed in a duel, was whipped in the rooms of the prefect of police, by command of the Czar». В данном случае

мы, кстати, имеем дело с характерным явлением: со временем события разных лет, подлинные и выдуманные, *сваливаются в одну кучу*; у Бертрама экзекуция над Пушкиным по приказу царя состоялась не в 1819 или 1820 году, как мы гадали, а за несколько дней до того, как поэта застрелили на дуэли, то есть в январе 1837 года!

Можно посмеяться, отложить в сторону, совсем убрать от себя ненужную «Историю розги». Или уместнее вознегодовать и, внимательно ее прочитав, взяться за опровержения? Собственно, приступив к этому очерку, я поставил цель что-то опровергнуть, но, по большому счету, если ополчиться против всех ложных сведений и укоренившихся ложных верований, то вся жизнь уйдет на негодование и *борьбу за справедливость*, при этом значительная часть населения как верила, так и продолжит верить нелепым слухам, сплетням и выдумкам, так и будет внимать ложным пророкам, приходить к бессмысленным учениям...

Поскольку Бертрам сыплет изобильно историями из русской жизни, у нас возникает подозрение, что он не преминет пересказать нам и о кресле с люком в полу. И точно! Послушайте, я вам перевожу:

Благородная дама... была вызвана в управление тайной полиции. Она явилась и, когда дверь за ней притворилась, ее вежливо пригласили пройти вперед; как только она сделала шаг, под ней вдруг открылся люк, и она заскользила вниз, пока не повисла на своей одежде, которая вся сбилась у нее на руках; в таком беспомощном положении она повисла на потолке нижней комнаты, где палач, заранее расположившийся, стал усердно охаживать плеткой ее ничем не прикрытое тело.

Извините, я не совсем подходящий отрывок вам перевел, может, и совсем ненужный: ведь здесь нет в наличии кресла,

только про люк в полу говорится. Но, если уж до нашего слуха долетела история с благородной дамой, согласимся, что она пикантная, но неправдоподобная. Не верится нам в такую примитивную механику: *открылся люк и...* Предположим, иная дама не ухватится вовремя за край люка, не повиснет на своих юбках, в подмышки, простите, задравшихся, она провалится сквозь дыру в паркете, ударится об пол нижней комнаты, расшибется, как ее потом приводить в *пристойный вид*, как ее потом в кабинет начальника прикажете доставлять, обратно вверх через отверстие в потолке просовывать? Мне сделают замечание: нехорошо смеяться над чужим горем; другие, поумнее, укажут: не стоит искать во всей этой галиматее разумных объяснений! Будем считать, что я смеюсь — не над высеченной дамой, а над нелепым рассказом; но ведь британский автор без смеха и иронии пугал подобными *ужасами* почтенную британскую публику.

Иные читатели заметят, что *преподобный* Купер с чрезмерным сладострастием разрабатывает тему телесных наказаний, отдавая предпочтение, как говорят художники, *красоте обнаженного женского тела*, а кто-то выскажет предположение: не извращенец ли он, любующийся, как экзекутор задрал юбки очередной светской даме *и по обнаженному телу засвистела плетка*. Замечания небезынтересные и небезосновательные, но мы не будем отвлекаться от выбранной нами линии: мы показываем, как беспочвенные заявления и глупые суждения, будучи напечатанными, *получают вес* и долголетие, даже вечную жизнь, и находим тому подтверждение в писаниях Бертрама: перечисляя *ужасы*, творимые в *восточном государстве*, он преподносит и историю с креслом, позаимствовав ее, о чем нетрудно догадаться, в чем он и сам признается, из книги «Англичанка в России», изданной в 1855 году: некая высокородная дама, присутствуя

на маскараде... Не буду утруждать себя ни пересказом, ни переводом, воспользуюсь уже существующим русским изданием, чтение которого, с одной стороны, удручает, с другой стороны, признаюсь, своим косноязычием и глупостью как-то забавляет:

Одна дама из великосветского общества, воспользовавшись присутствием на маскарадном балу самого правителя, стала нашептывать ему на ухо о том, о сем и, между прочим, зашла в своей откровенности слишком далеко. По выходе из собрания за ней последовал шпион, открыл инкогнито смелой маски, а на следующий день она была приглашена к могущественному в то время графу N. Там ее усадили на стул, который во время допроса внезапно опустился вместе с восседавшей на нем дамой в расположенную под полом комнату, и здесь несчастную высекли розгами, словно маленькую девочку.

Бертрам называет опасного собеседника нашей дамы не правителем, а императором (подразумевается Николай I). По-английски кресло *мягко* опустилось в нижнее помещение, по-русски стул *внезапно* опустился; Бертрам пишет, что даму *сильно* отстегала розгами какая-то невидимая личность... Ладно, коли вся история — нелепый вымысел, стоит ли, действительно, придирается к отдельным неточностям перевода? Для нашего исследования существенно, что по-английски *могущественный граф* без утайки назван по имени: граф Орлов.

Рассказ цензора Крылова о пребывании в кабинете графа Орлова

В доказательство тому, что в Третьем отделении практиковали ту же *механику*, что имела у Шешковского, современные исследователи *полицейского произвола*, имевшего место при царизме, неиз-

менно приводят рассказ цензора Крылова о том, как его доставили однажды к графу А. Ф. Орлову. Не стану размениваться на многочисленные пересказы с сильными преувеличениями и собственными домыслами из уст и из-под пера простых смертных, обратимся еще раз за разъяснениями к видному языковеду и литературоведу Ю. М. Лотману. В своей работе «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» он пишет:

Об этом эпизоде сам Крылов позже рассказал Н. И. Пирогову следующее. При этом для понимания рассказа Крылова надо иметь в виду упорно державшиеся слухи о том, что в III отделении в кабинете шефа жандармов имеется кресло, которое опускает сидящего до половины в люк, после чего скрытые палачи, не видя, над кем они учиняют экзекуцию, секут его. Разговоры о таком «келейном» наказании, циркулировавшие еще в XVIII веке в связи с Шешковским (см. воспоминания А. М. Тургенева), возобновились в царствование Николая I и... даже проникли в «русские» романы А. Дюма.

Пирогов рассказывает: «Крылов был цензором, и пришлось им в этот год цензировать какой-то роман, наделавший много шума. Роман был запрещен главным управлением цензуры, а Крылов вызван к петербургскому шефу жандармов Орлову. Крылов приезжает в Петербург, разумеется, в самом мрачном настроении духа и является прежде всего к Дубельту, а затем вместе с Дубельтом отправляются к Орлову. Время было сырое, холодное, мрачное. Проезжая по Сенатской площади, мимо монумента Петра Великого, Дубельт, закутанный в шинель и прижавшись к углу коляски, как будто про себя, — так рассказывал Крылов, — говорит: «Вот бы кого надо было высечь, это Петра Великого, за его глупую выходку. Петербург построить на болоте». Крылов слушает и думает про себя: «Понимаю, понимаю, любезный, не надуеть нашего брата, ничего не отвечу». И еще раз попробовал Дубельт по дороге воз-

обновить разговор, но Крылов оставался нем, яко рыба. Приезжают, наконец, к Орлову. Прием очень любезный. Дубельт, повертевшись немного, оставляет Крылова с глазу на глаз с Орловым. «Извините, г. Крылов, — говорит шеф жандармов, — что мы вас побеспокоили почти понапрасну. Садитесь, сделайте одолжение, поговорим».

— А я, — повествовал нам Крылов, — стою ни жив, ни мертв и думаю себе, что тут делать: не сесть — нельзя, коли приглашают, а сядь у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь. Наконец, делать нечего, Орлов снова приглашает и указывает на стоящее возле него кресло. Вот я, рассказывает Крылов, потихоньку и осторожно сажусь на краешек кресла. Вся душа ушла в пятки. Вот-вот, так и жду, что у меня под сиденьем подушка опустится и — известно что. И Орлов, верно, заметил, слегка улыбается и уверяет, что я могу быть совершенно спокоен».

Лотман пишет об *упорно державшихся слухах*, но в статьях других исследователей, дипломированных и доморощенных, слухи выдаются за истинное положение вещей: был, имелся в Петербурге, в известном здании, расположенном около Цепного моста, то есть в Третьем отделении, кабинет с таким креслом; об этом знали и говорили все народовольцы, об этом Герцен сообщал в своем «Колоколе»!

Ссылка на Герцена, прославившего большим правдолюбцем, любого сомневающегося обескуражит: уж если Герцен подтверждал существование *механики*... Однако, оставаясь при своем мнении, в слухи не веря, позволю себе небольшое не то что опровержение, а уточнение по поводу крыловских показаний. Имеет смысл выяснить, где и при каких обстоятельствах Никита Иванович Крылов (1807—1879) рассказал историю, в которой он, как я понимаю, прибегнул в целом к художественному вымыслу и в частности сильно преувеличил опасность, ему

вроде как грозившую. Для чего? Для увеселения слушателей.

В «Сочинениях» Н. И. Пирогова (изданных в Петербурге в 1887 году), а именно в «Дневнике старого врача», идет речь в основном о серьезных вещах, прежде всего врачебных; встреча всем известного хирурга с господином Крыловым (ныне вспоминаемым только из-за его анекдотического визита к графу Орлову) произошла в Ревеле — на отдыхе, в курортной обстановке. *Как-то нечаянно* Пирогов увидел в морских купальнях знакомое лицо: «Это Н. Ив. Крылов, профессор римского права в Московском университете. <...> С Крыловым нельзя было не смеяться. Он стал рассказывать нам свое похождение с генералом Дубельтом. Крылов был цензором...»

Далее следует то, что мы уже слышали от Лотмана. Добавлю фразу, у Лотмана отсутствующую: под конец граф Орлов заверил Крылова, что тот может быть совершенно спокоен: *в цензурном промахе виноват не он*. Профессор римского права завершает рассказ следующими словами: «Что уж он мне там говорил, я от страха и трепета забыл. Слава Богу, дело тем и кончилось».

Роман-памфлет «Проделки на Кавказе», из-за которого *пострадал* Крылов, был напечатан в 1844 году. Хирург Пирогов не указывает время, когда он встретил Крылова на морских купаниях в Ревеле, но, как мы видим, профессор Московского университета рассказывал свое *похождение* не таясь, не озираясь, рассказывал с юмором, в лицах, театрально преувеличивая ради слушателей свой *страх и трепет*. Он не побоялся называть имена, а то, как Дубельт катал его по городу и подталкивал к нелестным высказываниям насчет Петра Великого, которого надо бы высечь, скорее всего, придумано от начала до конца; Леонтий Васильевич Дубельт (1792—1862) — генерал, состоявший в свите императора Николая I; генералу Дубельту, извините,

больше нечем было заняться, как в роли кучера возить на прием к Орлову какого-то московского цензора! Можно вообще усомниться в правдивости всей истории: Алексей Федорович Орлов был назначен в 1845 году главноуправляющим Третьим отделением, но фактически *жандармскими* делами занимался Дубельт, бывший с 1839 по 1856 год начальником штаба Корпуса жандармов, он сам мог выслушать объяснения Крылова и принять решение.

Пирогов одной фразой обрисовал характер Крылова: с ним *нельзя было не смеяться*. Возможно, крыловский рассказец только на какую-то часть соответствует действительности; как говорил городничий в гоголевской комедии по поводу Хлестакова: «Конечно, прилгнул немало; да ведь не прилгнувши не говорит-ся никакая речь».

Так или иначе, Крылов, находясь в кабинете Орлова, не попал в кресло-капкан, под ним не *провалился* пол, его не высекли; состоялась беседа, и — *дело тем и кончилось*. Никита Иванович отправился обратно в Москву, его отстранили от цензурного комитета, но не от университета, где он преподавал на кафедре римского права до 1872 года. Госпожа Е. П. Лачинова (1810—1896), написавшая о *проделках на Кавказе*, больше виновата, скажем так, нежели цензор, не усмотревший в *проделках* какой-либо крамолы и разрешивший печатать рукопись, и, казалось бы, ее, Лачинову, позволившую себе критику и сатиру, должны были вызвать *куда следует*, обвинить в сокрушении устоев и поугатать для остротки, вежливо пододвигая даме кресло... А неплохо бы сочинительницу и *отрапортовать!* — так, я уверен, считала та часть тогдашней публики, которую Гоголь называл *разгорячившимися патриотами*. Никто Лачинову не тронул. Даже петрашевцев, даже народовольцев — да, сажали в Петропавловскую и иные крепости, *гноили* в казематах, от-

правляли в сибирскую ссылку или острог, как, например, Ф. М. Достоевского, их вешали — тех, кто покушался на чужую жизнь или убивал, но устраивать представление с каким-то креслом, возиться, опуская кого-то под пол и там, под полом, сечь розгами... Выдумки и глупости, бабы сплетни, старые басни!

Вера в старые басни

Нам напомнили и подсказали: у А. И. Герцена, в его «Колоколе», печатались сообщения о конкретных случаях с поркой дворян! Герцен являлся и, похоже, до сих пор видится в нашем обществе образцом правдивости, и «Колокол», этот крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиком, издаваемый в Лондоне, вдали от царского правительства, и недостижимый для русской цензуры, имел возможность, как мы полагаем, всегда печатать правду и ничего, кроме правды. Так что, видимо, нет нужды выискивать, в каких номерах «Колокола» появлялись статьи о телесных наказаниях, какие именно факты приводил Герцен и его вольные печатники. Есть надежная ссылка на эти публикации в примечаниях к роману Достоевского «Бесы»... Какая связь с Достоевским, к чему вспоминать сейчас «Бесов»?

Во-первых, к тому, что Достоевский не из чужих разговоров и писаний знал, как проводилось полицейское расследование. Арестованный в апреле 1849 года, он во время предварительного следствия сидел в Петропавловской крепости, где его неоднократно допрашивали; допросы проводились даже без пристрастия, то есть без того, чтобы на заднем плане возвышалась дыба и на видном месте красовались пыточные клещи, никто не пугал писателя выставленными устрашающими орудиями пыток, ему не предлагали сесть в кресло, установленное на опускной половице, его не стегали розгами... Правда, в иностранной книжонке «Тайны

царского дворца», явившейся на свет в 1868 году, описывалось в подробностях, как Федора Михайловича наказывали розгами, только не в Петропавловской крепости и не в Омском остроге, а в Третьем отделении, возглавляемом всемогущим графом Орловым. Читая, мы усматриваем некоторое сходство с историей, услышанной от Ю. Тынянова, как Пушкина водили в полицию: в один прекрасный день является к Достоевскому жандарм, приглашает следовать за ним. «Куда?» — спрашивает писатель. Служитель закона спокойно ему отвечает: к Орлову. Пожалуйста, я повторю по подлиннику: «Pour où? demanda Dostoewski. — Chez le comte Orloff, repondit tranquillement le gendarme...» Тынянов, хотя и придумал сцену в кабинете Лаврова, не стал сочинять, будто Пушкина высекли, он только приписал Толстому-Американцу злую сплетню, а иностранный автор описывает ничтоже сумняшеся, как Достоевского завели в особый кабинет, опустили по пояс под пол и два солдата отхлестали его розгами!

Похоже, я продолжаю ссылаться на творчество Уильяма Купера? Нет, эта клюква вышла хотя и в том же 1868 году, но из-под пера другого любителя русской истории, состоявшей, по его мнению, сплошь из дворцовых интриг, заговоров, покушений, полицейского произвола, сибирской ссылки и каторги.

Попытаюсь, однако, выстроить свои рассуждения последовательно.

Вернусь к роману «Бесы», вышедшему в 1872 году (как раз тогда «Русская старина» развлекала своих читателей анекдотами о С. И. Шешковском). Мы задавались вопросом, почему никто из тех, кого, как утверждается, высекли в Тайной экспедиции или в Третьем отделении, не выступил против произвола и насилия, не пожаловался императору, не написал Герцену в Лондон (в правление Николая I и Александра II), не потребовал расследования — ведь среди

высеченных называются люди, имевшие влиятельных родственников, друзей, покровителей. Ни одного достоверного свидетельства! Точнее, ни одного пострадавшего, заявившего о своих личных мучениях, и ни одного очевидца, наблюдавшего со стороны хотя бы один раз подобную экзекуцию. Молчание и отсутствие жалоб пытаются объяснить тем, что пострадавший или не желает огласки, или боится худшего. «Поди-ка пожайлуйся!» — как мы прочитали в романе Мережковского. «Сеченый не расскажет» — как в «Бесах» у Ф. М. Достоевского выразился Степан Трофимович Верховенский, сопровождая свои слова таинственным взглядом и многозначительным вздохом.

Верховенский — личность весьма образованная, наставник молодежи, человек передовых взглядов, и, как мы ожидаем, он должен опровергать сплетни и высмеивать нелепые слухи. Однажды утром к нему явился... Жандарм? Нет, Степана Трофимовича побеспокоил *губернаторский чиновник*, проявивший, как позже выяснилось, личную инициативу. Чиновник пожелал взглянуть на книги и рукописи. Степан Трофимович, ошарашенный, *отпер все ящики и передал все ключи*. Чиновник взял и унес заграничные издания Герцена, некоторые бумаги и письма... Хроникер, от имени которого ведется повествование, прибежав к бедному Степану Трофимовичу, нашел его в невероятном волнении: *тот все озирался к дверям и прислушивался в переднюю*. Чего он боялся? Того, что в любой момент представитель власти вернется уже с полицией. Вот его буквальные слова: «Придут, возьмут, и фью — исчез человек!»

Степан Трофимович тут же стал готовиться к ссылке, продумывая, какие вещи с собой брать. Он кое-какие деньги засунул *в прореху в жилетном кармане*. Хроникер успокаивал друга: его не могут ни в полицию забрать, ни тем более куда-

то вдруг сослать: «Это за сочинения-то Герцена... с ума вы сошли, да за что тут арестовать?» Теперь послушайте ответную тираду Степана Трофимовича: «Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать? <...> Разве вы не знаете! — воскликнул он болезненно. — У нас возьмут, посадят в кибитку, и марш в Сибирь на весь век, или забудут в каземате».

Хроникер, в котором мы видим самого Федора Михайловича, делится с нами, читателями, своими впечатлениями:

И он вдруг заплакал, горячими, горячими слезами. <...> Он закрыл глаза своим красным фуляром и рыдал, рыдал минут пять, конвульсивно. Меня всего передернуло. Этот человек, двадцать лет нам пророчествовавший, наш проповедник, наставник... так высоко и величественно державший себя над всеми нами, пред которым мы так от души преклонялись, считая за честь, — и вдруг он теперь рыдал, рыдал, как крошечный, напавший мальчик в ожидании розги, за которою отправился учитель. Мне ужасно стало жаль его. В «кибитку» он, очевидно, верил, как в то, что я сидел подле него, и ждал ее именно в это утро, сейчас, сию минуту, и все это за сочинения Герцена да за какую-то свою поэму! Такое полнейшее, совершеннейшее незнание обыденной действительности было и умирительно и как-то противно.

Это, напоминаю и подчеркиваю, пишет Достоевский, побывавший в каземате, приговоренный к смертной казни, переживший мучительное ожидание расстрела на Семеновском плацу, отбывавший срок в Омском остроге в окружении *отпетых* преступников, он, прошедший *через застенки*, научился отличать *обыденную действительность* от глупых *страшилок*, имевших хождение как в темном народе, так и в среде весьма образованных людей, к которым принадлежал Верховенский. Повествователь успокаивал Степана Трофимовича, но:

Все уверения мои и успокоения отскакивали как от стены горох. Он мало слушал... <...> Я остался, и мы просидели часа два с лишком. <...> Вдруг Настасья, зашедшая зачем-то из кухни в переднюю, задела и уронила там вешалку. Степан Трофимович задрожал и помертвел на месте; но когда дело обозначилось, он чуть не завизжал на Настасью и, топоча ногами, прогнал ее обратно на кухню. Минуту спустя он проговорил, смотря на меня в отчаянии:

— Я погиб! Сег, — сел он вдруг подле меня и жалко-жалко посмотрел мне пристально в глаза, — сег, я не Сибири боюсь, клянусь вам... я другого боюсь...

Я догадался уже по виду его, что он хочет сообщить мне наконец что-то чрезвычайное, но что до сих пор он, стало быть, удерживался сообщить.

— Я позора боюсь, — прошептал он таинственно.

— Какого позора? да ведь напротив! Поверьте, Степан Трофимович, что все это сегодня же объяснится и кончится в вашу пользу...

— Вы так уверены, что меня простят?

— Да что такое «простят»? Какие слова! Что вы сделали такого? Уверяю же вас, что вы ничего не сделали!

— <...> Они всё припомнят... а если ничего и не найдут, так *тем хуже*, — прибавил он вдруг неожиданно.

— Как тем хуже?

— Хуже.

— Не понимаю.

— Друг мой, друг мой, ну пусть в Сибирь, в Архангельск, лишение прав, — погибать так погибать! Но... я другого боюсь (опять шепот, испуганный вид и таинственность).

— Да чего, чего?

— Высекут, — произнес он и с потерянным видом посмотрел на меня.

— Кто вас высекает? Где? Почему? — вскричал я, испугавшись, не сходит ли он с ума.

— Где? Ну, там... где это делается.

— Да где это делается?

— Э, сег, — зашептал он почти на ухо, — под вами вдруг раздвигается пол, вы опускаетесь до половины... Это всем известно.

— Басни! — вскричал я, догадавшись, — старые басни, да неужто вы верили до сих пор? — Я расхохотался.

— Басни! С чего-нибудь да взялись же эти басни; сеченьи не расскажет. Я десять тысяч раз представлял себе в воображении!

— Да вас-то, вас-то за что? Ведь вы ничего не сделали?

— Тем хуже, увидят, что ничего не сделал, и высекут.

Бедный Степан Трофимович извел себя, представляя *десять тысяч раз*, как под ним *вдруг раздвигается пол*. Человек передовых взглядов, от которого ждешь насмешки над бабьими сплетнями и слухами, сам верил — болезненно, мучительно, по-бабы верил в рассказы, идущие со времен Шешковского, что в полиции не просто бьют, но изощряются: опускают жертву *до половины* в комнату ниже этажом и там уже пускают в ход розги.

В черновых набросках и отрывках Достоевский вкладывал в уста своего пугливого героя более пространные объяснения (подтверждающие, что *старые басни* перекликаются в деталях с анекдотами от Карабанова):

Под вами вдруг проваливается половина до половины вашего тела, и вдруг снизу два солдата распорядятся, а над вами стоит генерал, или полковник, которого нельзя не уважать, но который, вы чувствуете, отечески советует и вас, профессора... Меня, меня, человека ученого... приглашает молчать. <...> После такой катастрофы потерпевший молчит и стыдится, оттого и нет фактов. Но с чего-нибудь взялись же басни?

В очередной раз отсутствие фактов объясняется тем, что пострадавшим от *подпольной* порки стыдно, им не хочется, чтобы другие знали об их позоре. Веря в басни, потому что ведь *не бывает дыма без огня*, Степан Трофимович, профессор и ученый, считает, что людей секут, даже если они *ничего не сделали*: «В назидание высекут, для будущего».

«Колокол» как распространитель недоверенных слухов

Мы прочитали отрывок из «Бесов» по академическому изданию 1974 года (в полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в тридцати томах), где к словам Степана Трофимовича имеется примечание, упомянутое мной выше, и оно очень даже относится к нашей теме:

О случаях сечения *провинившихся* дворян полицией неоднократно сообщалось в герценовском «Колоколе» (см., например, 1866. 15 января. Л. 212). Ср. рассказ московского цензора и профессора Крылова, принятого графом Орловым: «...стою ни жив, ни мертв и думаю себе, что тут делать: не сесть нельзя, коли приглашают, а сидеть у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь».

Составители примечаний приводят свидетельство Крылова в сокращенном виде — мы понимаем, что из экономии места, но выпуск завершающих фраз (на мой взгляд, намеренный) оставляет читателя в неведении: *проваливался* Крылов под пол или нет? Поскольку пояснение имеет целью подтвердить, что опасения Степана Трофимовича не лишены оснований и *провинившихся дворян* очень даже секли, читатель домысливает: с цензором в кабинете Орлова произошло то, что Степан Трофимович назвал катастрофой. Но мы слышали рассказ Крылова в полном виде, мы поняли, что это было отчасти театральное представление, дабы позабавить публику, мы знаем: *катастрофы* не произошло.

Поначалу мы договорились не ворошить герценовские публикации, веря на слово, что в них есть *факты*, но, поскольку случай с Крыловым, предложенный нам в качестве весомого доказательства, доказывает лишь существование слухов, придется все-таки бросить взгляд на указанный в примечании выпуск «Ко-

локола»: в нем обнаружится, наконец, что-то убедительное и неопровержимое!

15 января 1866 года редакция печатно сообщала, что в «Колокол» пришло письмо из Петербурга:

Рассказывают о драке протопопа с диаконом в Исаакиевском соборе по окончании архиерейского служения... Рассказывают о том, что новгородский полицмейстер наказал палками двух арестантов в остроге, одного дворянина, другого французского подданного...

Вот такие ужасы, творившиеся при царизме в Российском государстве, выявил и предал гласности — правда, без проверки, на основании чьих-то рассказов — герценовский «Колокол»: в столице империи один священнослужитель дал другому *заушение* и *ланитобитие*, а в провинции двух острожников, в том числе (какой позор) иностранца, как *рассказывают*, отколотили палками!

Новые *факты* оказались из разряда слухов и сплетен, предположений и домыслов, которыми мы вполне *наелись* по ходу своего расследования, у нас уже звенит в ушах от болтовни, выдаваемой за свидетельские показания. В художественном произведении Степан Трофимович высказался: про подпольную порку *всем известно*. Снова представив себя в судебном заседании, мы знаем заранее, какое замечание последует от председательствующего: говорите не про всех, а представьте хотя бы одного, кому не просто известно, а кто наверняка знает! В независимом печатном органе, издаваемом в Лондоне, хотелось бы прочитать не обобщения и не ссылки на молву, хотелось бы узнать, какого числа, в каком именно остроге, за какую провинность (или беспричинно) били двух арестантов (может быть, убийц и насильников, устроивших побег или поднявших бунт), но вольные лондонские печатники передают русским читателям лишь слухи, дошедшие до них из России в письме не-

коего правдолюбца (или злопыхателя, как вам угодно). В наше время в таких случаях говорят о распространении недостоверной информации. Воздержавшись от нелестных выпадов в адрес Герцена, замечу только, что зачитанные места из художественного произведения «Бесы» и из публицистического издания «Колокол» не приблизили нас ни на шаг к ответу на вопросы, секли ли в тайной полиции дворян и был ли наказан хоть один дворянин (впрочем, пусть даже не дворянин) описываемым сложным способом, когда человека усаживали в кресло или ставили на *опускную половицу*, и чтобы он *провалился* или *опустился до половины* под пол, где ждут солдаты с розгами... может быть, даже посолонными.

Письмо, поступившее из Петербурга, могло быть придумано в редакции «Колокола», это распространенный журналистский прием, имеющий целью показать *живую связь* газеты с читающей публикой, с общественностью, с народом. Так или иначе, поведав о драке священнослужителей в Петербурге, палочном битье в Новгороде, то ли Нижнем, то ли Великом, редакция с особым чувством доводит до нашего внимания, «что в Петербурге служили панихиду по получении достоверного известия из Сибири о кончине Михайлова». Идет речь о М. Л. Михайлове, *видном деятеле революционного подполья*: он был арестован в 1861 году за составление крамольных воззваний, сослан на рудники в Нерчинский округ, где умер летом 1865 года. В более раннем выпуске «Колокола», от 1 октября 1865 года, о смерти Михаила Михайлова извещалось под кратким и красноречивым заголовком: «Убили». В январском номере, который у нас в руках, «Колокол» напоминает всем об *убийстве* и уверяет, что в редакции сильно разволновались и вознегодовали от *дошедшего до них слуха*:

До нас дошел ужасный слух, мы умоляем написать нам, справедлив ли он?

Говорят, будто бы Михайлов был телесно наказан и будто бы он умер с цепями на ногах. Мы боимся верить в такую роскошь злодейства...

Издатели «Колокола» вроде как и не вполне верят в подобный *ужас*, они *боятся верить*, но пущенный в печать, оттиснутый на бумаге слух превращается в почти что достоверное сообщение. Какими принципами руководствовался редакторский коллектив? Видимо, теми, что все средства хороши для очернения тогдашних российских властей, и даже если слух несправедлив, все равно пусть все слышат и знают, какие *злодеи* стоят у власти в России, какая *роскошь злодейства* там допустима.

Чтобы не выглядеть злопыхателем, голословно подрывающим авторитет Герцена с его «Вольной русской типографией», зачитаю несколько строк из другого письма: 9 мая 1868 года Петр Михайлов, брат революционера, из Нерчинска писал Л. П. Шелгуновой (1832—1901), подруге умершего Михаила:

Миша скончался 2 августа 1865 года в Кадаинском руднике, в пятидесяти верстах от Нерчинских заводов, от быстро развившейся в нем болезни Брайта. Почти за полгода до своей смерти он уже жил на частной квартире и, следовательно, пользовался относительной свободой, насколько она мыслима и доступна была в его печальном положении... <...> Я застал его уже малоспособным к свободным движениям, так как в ногах его образовался отек от быстро развившейся водянки. Его лечили два доктора из политических преступников-поляков... по разрешению коменданта, кроме заводских докторов. От них-то я в первый раз узнал и о неизлечимости Миши и о близком конце его жизни. <...> В день с первого на второе августа он уже никого не узнавал... я не мог наконец удержаться и заплакал навзрыд, припав к его руке. Это еще на одно мгновение вызвало в нем слабую созна-

тельность, и он сказал мне: «Об чем ты плачешь? Ведь я не умираю еще, правда, ведь я не умру?» С этими словами он попросил меня приподнять его на подушках, сказав: «Ох, тяжело умирать!» Потом попросил меня спустить ему ноги с кровати и, не дождавшись, вдруг быстро сбросил их вниз; едва успел я его поддержать, как он уже начал испускать предсмертные вздохи и опрокинулся на моих руках мертвым. Это было ночью, в два часа, на второе августа. Я один был свидетелем этой невыносимо грустной минуты...

На мой взгляд, это *невыносимо грустное* послание заслуживает большего внимания, нежели обличительный звон, исходящий от «Колокола».

Жандармы указали в официальной справке, что смерть ссыльного М. Л. Михайлова наступила от болезни почек. Письмо его брата, Петра Михайлова, по каким-то причинам было напечатано только в 1915 году в историческом журнале «Голос минувшего» — как приложение к обширной статье, из которой мы узнаем среди прочего, что положение Михайлова в нерчинской ссылке было, конечно, не сладким, но и не таким уж *каторжным*. Например: «11 марта 1862 года Михайлов окончательно водворился в Казакове у брата. Здесь писатель был совершенно освобожден от работ и занимался литературой и обучением детей». До публикации этого письма те, кто интересовался судьбой революционера, ничего не знали о последних днях и часах его жизни или же *слышали звон, не зная, откуда он*, будто несчастный Михаил Михайлов погиб *во глубине сибирских руд* с цепями на ногах, да еще перед смертью высеченный.

Клюква немецко-французского изделия

Преподобный Уильям Купер, описавший со сладострастием сечение русских благородных дам, провел, надо признать, большую работу, собирая сведения

о телесных наказаниях в разные времена в различных странах мира. В частности, он обращался к путевым заметкам английских путешественников, бывавших в тех или иных частях света. Он ссылается и на гувернантку с ее воспоминаниями о десятилетнем пребывании в России — заинтересовавшись, правда, только ее *до-стоверным* рассказом о том, как бессовестно поступил граф Орлов с женщиной, доставленной в его кабинет. Гувернантка вынесла свои суждения из личных наблюдений, из пережитого, увиденного и услышанного. В отличие от нее и в отличие от Купера, то есть от Джеймса Бертрама, автор книжонки с зазывным названием «Тайны царского дворца» — пустоголовый, но юркий бумагомаратель, который собрал по верхам кой-каких сплетен об *ужасных секретах России* и слепил на потребу невзыскательной публики литературную поделку. Мой пренебрежительный отзыв куда слабее той оценки, которую дал А. Н. Майков, назвавший в письме к Достоевскому обсуждаемое произведение *самомерзейшим немецко-французским изделием*. Еще до получения этого письма Федор Михайлович, живший тогда в Швейцарии, сам видел *изделе* в продаже: «На днях случайно попала мне на глаза книжонка *Les mystères du Palais des Czars...*» И что он подумал, и как это ему понравилось? Он подумал и в ответном послании к Майкову (от 26 октября 1868 года) высказался весьма резко: «Я читал книжонку, об которой Вы мне писали, как раз незадолго до Вашего уведомления и, признаюсь, был взбешен ужасно. Наглее ничего представить нельзя».

Книжонка вспоминается сегодня только потому, что имеет какое-то отношение к всемирно известному писателю Достоевскому; если уж мы заговорили о ней, кратко поясню: написанная по-французски, она была издана в Вюрцбурге; на обложке кроме названия оттиснуто имя автора: *Paul Grimm*, но это

псевдоним, и личность писавшего — куда большая загадка, нежели придуманные им дворцовые тайны. Нас интересует только то место, где идет речь о телесных наказаниях в стенах Третьего отделения, интересует, правда, уже без первоначального бодрого любопытства, ибо мы предвидим, что анонимный Пауль Гримм будет пережевывать и обсасывать то, что было до него многожды пережевано.

Как мы помним, присланный жандарм приводит Достоевского, лучше сказать — человека по имени Достоевский (Dostoiowski), в Третье отделение, где граф Орлов задает ему вопросы о деятельности тайного общества, в которое Достоевский вступил, вернувшись в Петербург из сибирской ссылки (такая последовательность событий у Пауля Гримма). Писатель, выставляемый в книжонке почему-то поэтом, а не прозаиком, хранит гордое молчание: он не собирается выдавать товарищей! Граф звонит в колокольчик, вызывая дежурного:

— Будьте любезны, господин Достоевский, следуйте за этим офицером.

Достоевский вышел.

В дверях кабинета на первом этаже они столкнулись с молодой, чрезвычайно красивой женщиной, судя по чертам лица — полячкой; ее глаза, из которых катились слезы стыда и гнева, с непримиримой ненавистью метали молнии.

Адъютант сказал несколько слов жандармскому унтер-офицеру, сидевшему у двери. Тот поклонился, и адъютант покинул кабинет, тогда как унтер-офицер взял Достоевского за руку, подвел к определенному месту, где, по сигналу, который унтер-офицер подал, стукнув ногой, половица, на которой стоял Достоевский, вдруг ушла вниз, так что он опустился по грудь под пол.

Нет слов, дабы описать разыгравшуюся постыдную сцену! Поэта высекали, высекали, как мальчишку!

В кабинете, где размещалась канцелярия начальника русской жандармерии, имелась половица...

Здесь немецко-французский борзописец как-то неясно описывает *механику* в полу: доска, паркетный пол, квадратные половицы... Я перескажу дальнейшее развитие событий своими словами, ибо нет желания ломать голову и утруждать себя точным переводом *изделя*, никаких литературных достоинств не имеющего. Иностранному повествователю повторяет в целом то, что знакомо нам по русским вариантам: жертва опускается под пол *на половину тела*, в помещении под полом всегда дежурят жандармы, готовые пустить в ход розги; жертву обнажают до пояса, если женщина, ей поднимают юбки (что произошло, как мы догадываемся, с гордой полячкой, прежде Достоевского побывавшей в *переделке*), порка идет до тех пор, пока не поступит новый сигнал ее прекратить; а придуманы все эти хитрости и сложности для того, чтобы секущие не видели лица своей жертвы, чтобы не знали, кого они высекали! Объяснение нелепое, как и вся байка (хоть в русском варианте, хоть в иностранном). Секретность и тайна невозможны, ибо другие жандармы не с завязанными глазами по канцелярии ходят; и граф Орлов не безликую личность допрашивал, и дежурный жандарм, сопровождая задержанного, в данном случае Достоевского, на экзекуцию, знал, что будет порка, и унтер-офицер, распорядившийся в кабинете, тоже видел жертву в лицо.

И эту галиматью кто-то принимает за *действительно бывшее*? Пожалуй-ста, я читал в историческом исследовании наших дней *научное* обоснование заведомой ахинеи — следующие рассуждения о кресле Шешковского можно применить и к опускающей половице:

Сама техническая идея опускающегося под пол кресла была известна давно — подъемные столы использовались для поздних ужинов без прислуги. Так что у Шешковского вполне могло быть такое механическое кресло; вспомним, что Кулибин придумывал механизмы и сложнее.

Поскольку притянут Кулибин, мы получаем подсказку для следующего иронического выпада: действительно, не сам Шешковский и не граф Орлов изобретали и монтировали в подведомственном учреждении подъемно-опускные механизмы, для такой работы нужно привлечь инженера, который рано или поздно поведал бы друзьям, знакомым (или потомкам через свои записки) о своих изобретениях, способствующих полицейскому дознанию, остались бы чертежи, сохранились бы какие-то детали — в музеях, кстати, выставлены куда более древние пыточные изобретения, использовавшиеся западноевропейской инквизицией. Куда подевались вещественные доказательства? Может быть, все чертежи ревностно уничтожались, а *кулибиных* по завершении работы умерщвляли. Или им отрезали язык. Или брали с них подписки — мне вспоминается утверждение А. М. Тургенева (1772—1863), сочинявшего нелепейшие истории с удивительной фантазией и с поразительной верой в то, что все, им выдуманное, действительно было. В «Записках» Александра Михайловича, печатавшихся (нетрудно догадаться) в «Русской старине», автор уверенно заявляет, что Шешковский мучил и пытал, и весьма корявым слогом объясняет читателю, почему жертвы, *оставшиеся в живых* после допросов в кабинете обер-секретаря Тайной экспедиции, хранили гробовое молчание:

С тех, которые после наказания оставались живы, Шешковский брал подписки в том, что они во всю жизнь никому и ни под каким предлогом не будут говорить о случившемся с ними. Наказанный был обязан подтвердить подписку присягою и обещать, если проговорится, подвергнуть себя безответному вновь наказанию.

Как видите, по ходу нашего разыскания множатся убийственные обвинения против Шешковского: он не только от-

стегал кнутом сотни и тысячи знатных особ, он не только выбивал палкой или одним ударом своего *кулачка* почти все зубы у допрашиваемого, на его совести еще и смерть несчастных, не выдержавших пыток!

Федор Михайлович, ознакомившись с *немецко-французским издельем*, вознегодовал:

В этой книжке описывается собственная моя история, и я занимаю место одного из главнейших действующих лиц. Действие происходит в Петербурге, в последний год царствования императора Николая, то есть в 1855 году. И хоть бы написано было: роман, сказка; нет, все объявляется действительно бывшим, во истину происшедшим с наглостью почти непостижимую. Выставляются лица, существующие действительно, упоминается о происшествиях нефантастических, но все до такой степени искажено и исковеркано, что читаешь и не веришь такому бесстыдству. Я, например, назван моим полным именем Théodore Dostoiewsky, писатель, женат, председатель тайного общества.

Достоевский собирался обратиться в редакцию какого-либо иностранного журнала, выступить на его страницах с *ниспровержением лжи и восстановлением истины*, чтобы оправдаться и заклеить позором Пауля Гримма, бесстыжего наглеца... Остались черновые наброски письма, которое, судя по всему, не было закончено и не было никому отослано. Почему? Выслушаем объяснение Анны Григорьевны, жены писателя:

Рассказ страшно возмутил Федора Михайловича, и он даже хотел писать опровержение, но потом решил, что не стоит придавать значения глупой книжонке.

Разумное решение! Взволнованное обращение, напечатанное в журнале или газете, привело бы только к насмешкам

над оскорбленным автором: *высеченный* узнал себя! Журналисты с удовольствием раздули бы скандал, зарабатывая на новой волне слухов, сплетен и домыслов, и книжонка тоже, глядишь, выдержала бы еще пару дополнительных тиражей.

Известно, что Достоевский и Салтыков-Щедрин имели разные взгляды на положение вещей в тогдашней России, и полемика между ними растянулась на два десятка лет; однако некоторые обвинения Федора Михайловича в незаконченном письме перекликаются с рассуждениями Салтыкова-Щедрина в «Помпадурцах и помпадуршах» о том, что иностранцы, описывая русские порядки и обычаи, имеют обыкновение *впадать в преувеличения и выказывают при этом колоссальнейшее невежество*. Сатирик, правда, из-за письменного стола посмеивался над *клюквой* иностранного произрастания, а Достоевского *клюква* задела лично, и ему пришлось от нее отмываться, предаваясь при этом печальным раздумьям:

Между прочим, меня чрезвычайно поразило необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, наприм., географии. <...> ...Самые дикие и необычные известия из современной жизни России находят в публике полную и самую наивную веру. Нельзя не заметить, что масса этих известий увеличивается как в газетах, так и в отдельных изданиях...

Всем известно, что есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России. Не прекращается тоже в разных краях Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. Эти книжки имеют большую частью вид обнаружения тайн и ужасных секретов России.

<...> ...Масса публики, в чем я твердо убедился в этот год жизни моей за границей, с самой наивной добросовестностью верит, что все это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя... <...>

Таких книжек я видел много, некоторые из них читал. Фабрикованы они или иностранцами, или даже русскими, — во всяком случае людьми, необходимо бывшими в России. В них называются известные имена, сообщается история известных лиц, описываются события, действительно бывшие, — но все это описание неверно, с искажением для известной цели. И чем более автор лжет, тем становится он наглее. Промахи против истины и умышленные клеветы до такой степени иногда наглы и бесстыдны, что становятся даже забавны; я часто смеялся, читая эти сочинения. Тем не менее они вредны, — так, как и всякая клевета, всякое искажение истины. От всякой клеветы, как бы она ни была безобразна, все-таки что-нибудь остается. Кроме того, в массах европейской публики распространяются ложные, искаженные мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь, а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково по крайней мере мое убеждение.

Что тут добавить, когда вещи названы своими именами: *все искажено и исковеркано, ложные и искаженные мнения, промахи против истины, умышленные клеветы, наглость и бесстыдство...* Кстати, сказанное Достоевским сто пятьдесят лет назад вполне применимо и к сегодняшнему положению вещей, когда за рубежом *судят о русской жизни*. И еще: когда Достоевский говорил, что *есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России*, он имел в виду герценовскую газету «Колокол», и его же альманах «Полярная звезда», и герценовский же обличительный листок с грозным названием «Под суд!».

От всякой клеветы что-нибудь остаётся

Достоевский высказал горькую истину: от всякой клеветы, даже самой безобразной, что-нибудь остаётся. Клевета вкуче со слухами, сплетнями, сказками и баснями сохраняется в молве и в печати, ее пересказывают с изменениями и дополнениями, ее перепечатают подчас уже в виде исторического факта, подлаживая под свои нужды, цели и задачи... Просматривая записки иностранцев о России, я как-то обнаружил, что выдумка о подпольных истязаниях, идущая с екатерининских времен, представлена в английской книге, вышедшей в 1905 году, как событие, которое автор чуть ли не собственными глазами наблюдал!

Присланный в 1871 году из Лондона в Петербург Фредерик Артур Уэлсли (1844—1931) служил военным атташе при британском посольстве, в том числе в период, когда шла русско-турецкая война. После возвращения на родину и по прошествии какого-то времени господин Уэлсли, уже дослужившийся до полковника, написал довольно объемистые воспоминания, изданные под заголовком «С русскими в дни мира и войны». Что-то в России английскому дипломату нравилось, что-то не нравилось, пару раз он высказывается с гордостью о том, что у англичан больше личной свободы, нежели у русских, он проходит по взяточничеству в российских учреждениях, высказывает личные обиды, когда с ним обращались недостаточно вежливо. Все это естественно, нормальный человек не может любить все без исключения как в своей, так и в чужой стране, и нам не следует навязывать иностранцам безоглядную любовь к своей России исходя из того, что это же Россия, поющая удалые песни под балалайку на фоне развесистых берез, а не какая-либо другая страна, балалаек, самоваров и берез не имеющая!

В воспоминаниях Уэлсли мы останавливаем внимание только на тех случаях, которые он приводит в качестве примеров, рассуждая о беззакониях, творимых в Российской империи. Да, вы угадали: английский полковник уверяет читателей, что в тайной полиции секут арестованных граждан, опуская их в подполье!

Военный атташе для лучшего знакомства со страной решил выучить русский язык. В разное время он обращался то к одному, то к другому преподавателю; среди них он выделяет некоего господина, принадлежавшего к ученым кругам. Не называя имени учителя — по причине, которая должна быть понятна каждому британскому обывателю! — Уэлсли характеризует его как человека, которому можно безусловно верить: «Я хорошо знал его, и у меня нет причины сомневаться в правдивости того, что он достоверно рассказал мне». Наш полковник словно списал эту фразу из книги английской гувернантки, служившей в русских семьях в николаевское время: гувернантка, помните, свято верила в рассказанную ей глупую байку. Но то гувернантка, а здесь — сын дипломата, офицер одного из старейших британских гвардейских полков, за семь лет, проведенных в России, он много где побывал, со многими людьми встречался, начиная с императора Александра II, от такого человека ждешь правды, пусть даже для нас неприятной, можно ожидать преувеличений, искажений... Но зачем же, извините, примитивно врать? Однажды, сообщает военный атташе Уэлсли, учитель русского языка несколько опоздал на урок, явился чрезвычайно взволнованный и смертельно бледный. Объясняя свое возбужденное состояние, он поведал англичанину, что предыдущей ночью по приказанию генерала Трепова полиция нагрянула в один из столичных институтов, где имело место *неповиновение начальству*, полицейские агенты похватали *первых попавшихся* и доставили их к Трепову, кото-

рый после отеческого внушения передал всех задержанных в тайную полицию. Среди них оказался племянник учителя, который, по уверению дяди, ни в какие крамольные дела никогда не ввязывался. В тайной полиции всех студентов загнали в одну комнату...

Вроде бы пока нет причин придираться к свидетельским показаниям английского дипломатического работника? Были в Петербурге волнения как раз во время его пребывания в России, вспомним хотя бы известную демонстрацию в декабре 1876 года на площади перед Казанским собором, где собралось, по разным сведениям, от 150 до 400 человек. Политическое выступление было организовано народниками, участвовали в нем, как некоторые полагают, и *передовые рабочие*, к Казанскому собору явилось какое-то число студентов, среди них известный Г. В. Плеханов (1856—1918), учившийся в то время в Горном институте, он обратился к собравшимся со *страстной революционной речью*. Имело место открытое сопротивление и неповиновение властям, среди тридцати задержанных находился человек, вошедший в историю как *студент Боголюбов*, правда, называвший себя так из конспирации. Обстоятельства его ареста и заключения в какой-то степени соприкасаются с нашим разысканием: Боголюбов, чье настоящее имя А. П. Емельянов (1854—1887), почти сразу после задержания был приговорен к каторге, но летом 1877 года мы находим его еще в Петербурге, в Доме предварительного заключения — через это учреждение, расположенное на Шпалерной улице и примыкавшее к Окружному суду, прошло большое число малоизвестных и очень даже известных личностей, включая Н. И. Кибальчича, А. И. Желябова, С. Л. Перовскую, В. И. Ленина, Б. В. Савинкова, в советское время в Доме предварительного заключения, ставшего следственной тюрьмой Ленинградского управления

ОГПУ, сидели в разные годы Н. С. Гумилев, О. Ф. Берггольд, Н. А. Заболоцкий, Д. С. Лихачев...

Вернемся в прошлое: 25 июля 1877 года произошла боголюбовская история, наделавшая много шума; об этом подробно изложено у А. Ф. Кони, самого известного нашего судебного деятеля, в его статье «Воспоминания о деле Веры Засулич»:

Трепов, приехав часов в десять утра по какому-то поводу в дом предварительного заключения, встретил на дворе гуляющими Боголюбова и арестанта Кадыяна (Александра Александровича? — К. В.). Они поклонились градоначальнику; Боголюбов объяснялся с ним; но когда, обходя двор вторично, они снова поравнялись с ним, Боголюбов не снял шапки. Чем-то взбешенный еще до этого, Трепов подскочил к нему и с криком: «Шапку долой!» — сбил ее у него с головы. Боголюбов оторопел, но арестанты, почти все политические, смотревшие на Трепова из окон, влезая для этого на клозеты, подняли крик, стали протестовать. Тогда расвирепевший Трепов приказал высечь Боголюбова и уехал из дома предварительного заключения. Сечение было произведено не тотчас, а по прошествии трех часов, причем о приготовлениях к нему было оглашено по всему дому. Когда оно свершилось под руководством полицмейстера [Андриана] Дворжицкого, то нервное возбуждение арестантов, и преимущественно женщин, дошло до крайнего предела. <...> Боголюбов, вынесший наказание безмолвно, был немедленно переведен в Литовский замок.

Кстати, Анатолий Федорович Кони (1844—1927), называя случившееся *административным произволом, грубым надругательством силы и власти над беззащитным человеком*, считал высеченного все же настоящим студентом Санкт-Петербургского университета А. С. Боголюбовым, а не народовольцем Емельяновым, прикрывавшимся партий-

ной кличкой; не будем отвлекаться, вытягиваясь в сторонние разыскания, скажем только, что продолжением *боголюбивской истории* стало покушение В. И. Засулич на Ф. Ф. Трепова (1812—1889): записавшись к градоначальнику на прием под вымышленным предлогом, она выстрелила в него из револьвера 24 января 1878 года...

Фредерик Уэлсли, желая обрисовать соотечественникам политическую обстановку в Петербурге, мог рассказать им, ничего не выдумывая, о тогдашних протестах, арестах, судах и *административном произволе*, но что мы слышим: дипломатический чиновник пережевывает те же старые басни, заменив имена Шешковского и Орлова на имя графа Шувалова (1827—1889), возглавлявшего Третье отделение в 1866—1874 годах. Нелепо заявление Уэлсли, что полиция, нагрянув в институт *посреди ночи* (in the middle of the previous night), застала в учебном заведении изрядное количество студентов. Чистейшим вымыслом является и то, что занимался арестованными сам градоначальник Трепов — в связи с актом *неподчинения* не спавший в позднее ночное время.

Самое интересное начинается, когда студентов, перевезенных в *тайную полицию*, стали вызывать по одному в соседний кабинет. Кагда дошла очередь до учительского племянника, он оказался с глазу на глаз с графом Шуваловым. Граф, сидя за столом, пригласил студента присаживаться. Как только тот сел на предложенный стул... Нет, это уже совсем глупо, уже на непечатные возгласы тянет, когда снова слышишь эти, мягко говоря, *промахи против истины*. Люк, на котором стоял стул, медленно опустился, студент наполовину ушел под пол, и в таком положении его жестоко выпороли: *he received a severe flogging*. Шувалов на прощание сказал, что наказание будет молодому человеку уроком, дабы он больше не ввязывался в полити-

ческие дела. Англичанин Уэлсли уверяет, что он слышал множество подобных историй, поэтому не может не верить тому, что поведал ему учитель русского языка. Какова *клюква*: нерадивых студентов секут в кабинете генерал-адъютанта Шувалова, он, шеф жандармов и начальник Третьего отделения, жертвует своим рабочим временем и отдыхом, всю ночь руководит поркой с применением *механики*. После наказания студентов... нет, их не препровождают в Дом предварительного заключения, где следователь заведет дело, начнутся допросы и подследственные будут в камерах дожидаться суда; в байке, рассказанной с серьезным видом военным атташе Уэлсли, полковником британской армии, студентов просто отпустили по домам. Как не вспомнить в очередной раз анекдоты о *кнутобойце* Шешковском: по приказу императрицы он высечет *своеручно* очередную придворную даму, потом приведет ее в *пристойный вид* и отправит галантно на бал-маскарад: пусть она продолжает светские развлечения.

Свидетельство народовольца Тютчева и наши собственные выводы на основе здравого смысла

В своей книге полковник Уэлсли утверждает, что ходил как-то в гости к русским нигилистам. Он ожидал увидеть заговорщиков со зверской наружностью, нечесаных и немых, одетых в овчинные тулупы, он представлял себе беспорядок, нечистоту и признаки преступной деятельности в каком-нибудь тайном обиталище на окраине города, но ожидания не оправдались: гость оказался в кругу интеллигентных господ, разночинцев, придерживающихся довольно умеренных взглядов. В отличие от англичанина, имевшего свои предрассудки, мы не удивляемся, зная, что классическими нигилистами в России были Писарев, Чернышевский и Добролюбов (и, конечно, Базаров, изображенный с симпа-

тией И. А. Тургеневым в романе «Отцы и дети»). Нигилистами называли себя некоторые народники, в том числе дворянского происхождения, оставившие свою среду ради *борьбы за народное дело*.

Выделим из революционеров той эпохи Н. С. Тютчева (1856—1924), чьи показания помогут поставить точку в нашем расследовании. Почему выбор падает на названную персону? Потому что Николай Сергеевич, выходец, кстати, из старинной дворянской семьи, не раз *привлекался*, у него богатый тюремный опыт: сидел он и в Доме предварительного заключения, и в Петропавловской крепости, его ссылали в Баргузин (в 1878 году), после неудачного побега водворили в Верхнеудинск, отправили потом в Якутию... Читая его статью «Здание у Цепного моста» (вошедшую в книгу «Революционное движение 1870—80 годов»), мы уверены, что получаем сведения от человека, который, будучи преступником политическим, хорошо знаком с тем, как обращались с подсудимыми в тайной полиции. Во вступительной части Тютчев пересказывает слухи прежних лет (известные нам уже наизусть):

В историю Третье отделение перешло с репутацией тайного судилища, искоренявшего крамолу... где даже секут (не исключая и дам), но при этом соблюдается абсолютная тайна сего отеческого вразумления. Рассказывали, что допрашиваемый в *комиссии* при Третьем отделении помещался на известном квадрате паркета; если словесные внушения воспринимались провинившимся туго, то нажималась специальная пружина, виновный проваливался в открывшийся люк до пояса, и над провалившейся его частью совершалась экзекуция, причем секуторы не могли, конечно, видеть лица своей жертвы. Такого рода слухи *циркулировали* в кругах молодежи еще в 60-х годах и даже в начале 70-х.

Тютчев описывает подробно устройство внутренней тюрьмы при штабе Тре-

тьего отделения (находившемся на набережной Фонтанки около Цепного моста): камеры довольно большие, хорошо отапливались, пища давалась сносная; как-то его посетил генерал Н. В. Мезенцов, ставший в 1876 году главноуправляющим (после А. Л. Потапова, сменившего в 1874 году графа Шувалова). Генерал спросил заключенного, доволен ли тот едой, не нужно ли ему кофе, сигар? Мезенцов разрешил Тютчеву встречу с отцом... Тютчев пересекался со множеством людей, сидевших в разных тюрьмах, отбывавших ссылку в разных областях Сибири; ни его и никого другого не усаживали в опускающееся кресло, не приглашали стать на опускную половицу. Увидев Кибальчича на очной ставке (в 1875 году), он был *поражен его внешностью*: тот *бледен как полотно*, «глаза его блуждали и по лицу его спадали крупные капли пота»; Тютчев рассуждает: «Очевидно, его допрашивали уже не один час, не давая ни минуты опомниться... Только этим я и объяснил себе его состояние крайнего утомления». По мнению Тютчева, настоящий допрос — это когда арестованного допрашивают *настойчиво и продолжительно*. Он приводит случай с революционером И. А. Худяковым (1842—1876): того арестовали в 1866 году по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II, и жандармы на допросе взяли его на испуг: мол, сам царь потребовал твоего признания, иначе разрешено тебя пытать и расстрелять. Тютчев пишет: «Худяков поверил в возможность пытки и, под влиянием этой мысли, дал ложное показание на Ишутина», организатора революционных кружков...

Всего начитавшись сверх меры, отодвинем все писания и публикации, приведем мысли в порядок и без постороннего влияния сделаем собственные выводы, полагаясь на разум и здоровое суждение. Выводы таковы: слух о Пушкине, будто его секли в полиции, ложен, точно так, как и утверждение Пауля Гримма о порке

Достоевского. Рассказы про *опускную половицу*, приводимую в действие, когда кто-то топал ногой в пол или нажимал на *особую пружину*, — очень давняя выдумка, повторяемая, например, в историко-приключенческих романах для пушей остросюжетности; тот же Александр Дюма, рассказывая в своем сочинении «От Парижа до Астрахани» (*De Paris à Astrakan*) о заговоре и убийстве Павла I, пишет по шаблону: мол, в спальне императора в полу, у подножия кровати, имелся люк, только ему известный: «une trappe, connue de l'empereur seul, était pratiquée dans le plancher»; и чтобы люк открылся, нужно было нажать каблуком сапога: «on ouvrait cette trappe en la pressant avec le talon de la botte»; люк выходил на лестницу, лестница вела в (подземный) тоннель, через который можно было бежать из дворца: «elle donnait sur l'escalier, et l'escalier dans un corridor par lequel on pouvait fuir du palais». Почему же Павел не убежал, услышав, как заговорщики ломятся в дверь спальни? У французского сочинителя имеется незамысловатое объяснение: «К несчастью, поскольку он был босой, ему не удалось нажать на пружину как следует, вследствие чего люк не открылся...»

По ходу дела давайте опровергнем затасканную *легенду*: в Михайловском замке, где произошло убийство, никакого хода (ведущего в казармы Павловского гвардейского полка на Марсовом поле) не было. Почва в Петербурге насыщена водой, которая не дала бы строителям проложить подземный коридор, его бы сразу затопило и постоянно затапливало бы, тем более что новая царская резиденция, задуманная самим Павлом как *непрístupный дворец-замок*, строилась при слиянии Мойки и Фонтанки, где особенно много воды, и первая из указанных рек, Мойка, отрезает дворец от Марсова поля. Разве что инженеры и строители той эпохи стали бы рыть лопатами шах-

ты на восемьдесят, девяносто или все сто метров, потом вести от них боковой коридор — на такой глубине проложены забетонированные тоннели современного метрополитена.

Возвращаясь к механическому креслу, согласимся, что, в принципе, какой-нибудь *Кулибин* мог его смастерить. Кресло стояло на половице, под половицей должна быть опора — в виде столба, стержня, штанги, которая поднимается или опускается, когда кто-то приводит в движение шестеренки (не иначе, как только долго вращая рукоять). Кресло ползет (а не проваливается) вниз по мере того, как опускается штанга; вот оно останавливается; но как сечь человека, в нем сидящего? Ведь кресло не позволяет это сделать! Нужно освободить или, если хотите, отделить одно от другого. Но человек *наполовину*, как нам втирают, остался наверху, возвышается над полом. К тому же его нельзя сдвинуть, ибо *Шешковский*, как нам живописуют, пристегнул жертву замысловатым (и крепким, надежным) устройством. Получается, палачам нужно прокричать наверх, чтобы его сиятельство освободил руки сидящему в кресле господину или даме! Исполнителям-секуторам придется, нагибаясь и стучаясь головами о потолок, стаскивать наказуемого с сиденья, протискивать его между потолком и половицей, на которой установлено кресло. Нижняя комната, получается, должна быть низким помещением, иначе палачам не дотянуться до человека, опускаемого к ним всего лишь *до половины своего роста*. В такой тесноте и не размахнешься розгой! А после экзекуции, все так же горбясь, *секуторы* должны одеть высеченного, втиснуть его обратно на сиденье кресла... Тот, кто первый пустил эту сплетню, совсем не думал о технической стороне дела, он смело сочинял, как сочиняются все сказки и небывицы, когда рассказчику нет нужды объяснять чудеса.

Байки о сечении розгами с использованием механического кресла — выдумка от начала до конца. Глупо верить в сей вымысел, и уж совсем ни к чему, уже просто стыдно вставлять его в исторические исследования.

Короткие напоминания о правде, когда все упиваются вымыслом

Можно ли найти другие сведения по обсуждаемой теме — новые и достоверные? Хотелось бы узнать без прикрас и о Шешковском с его методами дознания, и о работе *тайных* учреждений в разные эпохи и правления, тоже без таких выдумок, будто обер-секретарь Тайной экспедиции своеручно сек кнутом чуть ли не всех подследственных, выбивал им зубы тростью или своим *кулачком*... Требуется уточнения и даже новые разыскания по поводу некоторых событий в биографии А. С. Пушкина, хотя нам казалось, что жизнь самого известного русского поэта изучена и *расписана* по дням и чуть ли не по часам от рождения до смерти; нет единого мнения среди самых известных пушкинистов: стрелялся он с Рылеевым или нет, да и про *известную* дуэль с Кюхельбекером некоторые литературоведы умалчивают, сомневаясь, имела ли она место, и высказывалось, среди прочих, мнение, будто у Кюхельбекера был поединок с Пушиным, а не с Пушкиным, и кто-то сообщает, что Пушкин познакомился с Федором Толстым по прозвищу *Американец*, когда тот приезжал осенью 1819 года в Петербург, но вспомним свидетельство А. Н. Вульфа (1805—1881), близко знавшего поэта, с указанием на Москву:

Где-то в Москве Пушкин встретился с Толстым за карточным столом. Была игра. Толстой передернул. Пушкин заметил ему это.

— Да, я сам это знаю, — отвечал ему Толстой, — но не люблю, чтобы мне это замечали.

Что-то незатасканное, не повторенное сотни раз и приправленное отсебятиной, можно найти в архивах, которые становятся в наши дни доступнее, при этом, возможно, в провинции сохранились документы со сведениями, столичным исследователям не известными. Какие-то удивительные истории переносит молва — только, записывая их и сообщая читателям, давайте называть вещи своими именами: это сказка, сказание, былина, это устное народное творчество, а не факты истории. Перелистывая старые журналы, я наткнулся однажды на статью, напечатанную в «Сибирских огнях» в 1925 году, — под заголовком «Заговор декабристов в сибирских песнях и легендах». Декабристы в целом меня не интересовали, но, быстро просматривая материал, я зацепился взглядом за *особое кресло с двигающимися ножами*. Вернувшись к началу статьи, я принялся читать внимательно. Автор, Александр Косованов, объясняет задачу, самому себе поставленную:

Извлечь из гущи народной такой поэтический материал, который рассказал бы нам самыми простыми наивными словами, как смотрела крестьянская масса на декабрьский бунт.

Мне показалось любопытным даже то, что Косованов смело называет *бунтом* событие, в советское время именуемое декабристским *восстанием* и объясняемое однозначно как выступление благородных, честных и свободолюбивых людей против самодержавной тирании и крепостничества. Куда удивительнее, что в дальних уголках Сибири имелось собственное представление о бунте, и оно разительно отличалось от всего того, что мы читали в учебниках истории. Мне, живущему в Ленинграде, теперь снова ставшем Петербургом, представлялось (когда я учился в школе и университете), что декабристы, сосланные в Сибирь, вызывали повсеместно сочувствие и ува-

жение у местных жителей, тем более что образованные дворяне брались учить и лечить простой народ и в целом просвещать *темные народные массы*... Косованов пишет:

Трактовка заговора декабристов в народных легендах крайне проста: никаких общественно-политических принципов, вроде отмены крепостного права и проч., мы не находим в них, и симпатии старой патриархальной крестьянской Руси, как будто, не на стороне декабристов, а, пожалуй, на стороне царя.

Подчеркиваю, что исследователь рассуждает не о симпатиях вековой давности, высказываемых сразу после восстания, когда в разные сибирские места стали прибывать ссыльные, он сообщает нам то, что услышал в двадцатые годы двадцатого столетия в деревнях Минусинского уезда Енисейской губернии. Автором одного предания *местные старички* называли Тютчева (декабриста, а не народовольца): его направили после каторги из Петровского завода на жительство в Минусинский уезд, где он и проживал с 1835 года до своей смерти, и вроде как на основании его рассказов у местных людей сложилось следующее представление о драматических событиях в Петербурге в декабре 1825 года:

Члены Сената, а в том числе и *сенатор* Тютчев, устроили тайный заговор против царя Николая. Для проведения в жизнь заговора они в одну ночь собрались в Сенате, куда около полуночи потребовали и царя, с целью получения от него отречения. В случае неудачи сенаторы предполагали его убить, для чего было устроено особое кресло со скрытыми, механическидвигающимися ножами. Недалековидный Николай прибыл в назначенное время в карете на арабских лошадях к зданию Сената и, выскочив из экипажа, скрылся за первой дверью. Но брат его, Константин, следил за ним и, ничуть

не медля, прискакал спасать Николая. <...> Ворвавшись в зал Сената, брат Константин увидел стоящего на коленях царя, который умолял заговорщиков пощадить его. Выхватив пашку и пистолет, Константин всех разогнал и спас Николая, назвав его при этом дураком за то, что тот в *непоказанное время* доверился прибыть в Сенат...

А. И. Тютчев (1801—1856) или кто иной, может быть, действительно, рассказывал малограмотным поселянам, как члены Государственного совета, впад в растерянность, когда до них дошли сведения об отречении Константина, пригласили к себе в Сенат великого князя Николая для переговоров, но сложные интриги, имена действующих лиц и сама суть политической обстановки, сложившейся после смерти Александра I, перемешались в голове уже первого сказителя, после которого предание жило своей жизнью и передавалось из поколения в поколение с какими-то переделками. Косованов приводит также записанную им песню о спасении царя Николая его братом Константином, при этом исследователь допускает, что она имела хождение до того, как Тютчев появился в Минусинском уезде: «Тютчев... любил петь народные песни. <...> Он мог спеть эту народную песню в деревне и сказать, что она сложена про них, декабристов, а молва приписала потом авторство ему».

Да, симпатии минусинских сказителей были явно на стороне *нашего белого православного царя*, а не заговорщиков:

В непоказанное время
Царя требуют в Сенат.
Царь наш белый православный
Он не долго собирался,
Отправлялся во Сенат...

Брат следует за ним, опрашивает часовых: «Не прошел ли сюды царь?» И без отлагательства пускает в ход пашку:

Часовых всех прирубил;
Две двери прорубал,
До царя все доступал.
Как ко третьим-то подходит, —
На коленях царь стоит.
Перед ним стоит полковник,
Саблю держит на весу...

В этом варианте нет *особого кресла*, здесь некий полковник собирается отрубить Николаю голову, и история заканчивается тем, что царь, спасенный братом, «весь Сенат огнем зажег». Если не давать пояснений, в песне не каждый и не сразу услышит отголосок тех драматических событий, которые разыгрались на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, и Косованов здраво рассуждает, что «установить происхождение этих произведений крайне трудно. <...> Сказания о декабристах порою так искажены, и исторические факты так превратно поняты, что путем только параллелизмов и сравнительных методов можно иногда добраться до подлинной исторической правды».

Согласимся, что и в наших сегодняшних поисках мы сталкивались в основном с искажениями и выдумками, хотя мы обращались не к устным *преданьям старины глубокой*, а к публикациям в известных журналах, таких как «Русская старина» и «Исторический вестник», мы выслушивали мнения не лишь бы каких историков и литературоведов.

Косованов приводит еще один вариант предания, длинный и весьма сложный: после своего спасения благодарный Николай, видя, что Константин более любим солдатами, опасаясь, что тот станет императором, двигается с войсками на Варшаву, где брат живет наместником в Польше; не желая войны и кровопролития, Константин переодевается

странником, исчезает навсегда *из России*, является в Сибири под видом старца Федора Кузьмича и находит приют на зимке у томского купца Хромова. Своеобразное, необычное смешение разных легенд! Из многих нелепых слухов, возникших сразу после смерти Александра I в Таганроге, народу полюбился особенно тот, где император, якобы мечтавший провести остаток дней в уединении и молитвах, тайно удалился в Сибирь, и эта нелепица, обросшая фантастическими дополнениями, в наши дни воспринимается немалым количеством людей как подлинное событие.

Вымысел красочнее правды, и, надо признать, он быстрее укореняется в умах, ибо соседствует с чудом или же в нем самом присутствуют чудеса. Тем более что, как заметил Пушкин, истина бывает низкой, низменной, а обман, нас возвышающий, тем нам и дорог... Даже самый рассудительный и образованный человек не лишен воображения, он предается иногда мечтам, в которых сбываются даже самые несбыточные желания, — как это происходит в волшебных сказках. И мы не против сказок, но, когда видишь, что в изложении тех или иных исторических событий преобладают занимательные анекдоты и басни вперемешку с предвзятыми мнениями и однобокими суждениями, когда наблюдаешь, как выдумки разрослись настолько буйно и развесисто, что за ними уже не разглядеть истинного положения вещей, возникает желание напомнить публике: не путайте историю с устным народным творчеством и художественной литературой, где допустимы любые фантазии. Необходимо время от времени подавать голос и беспристрастно сообщать: что-то действительно имело место в истории, но чего-то не было и не могло быть.

Максим АЛПАТОВ

ВОСПИТАНИЕ ГЕРОЯ

О романе Алексея Иванова «Пищеблок»

У Алексея Иванова уже сложилась репутация большого писателя, который не берет какую-то тему просто так, для разнообразия. Всегда есть глобальная цель, многоуровневая мифология с высказыванием в центре, ответом на все вопросы. Обычно назидательность скучна, но благодаря насыщенности деталями, разнообразию персонажей и умелому раскручиванию сюжета Иванову удавалось подавать идеи незаметно и ненавязчиво. Для него была характерна тяга к максимально динамичным эпохам — постпугачевская смута в «Золоте бунта», лихие девяностые в «Ненастье», сумятица петровских реформ в «Тоболе». Дух времени вращал эпизоды, а высказывание задавало структуру.

Но в новом романе Иванова «Пищеблок» история создает не драйв, а застой: на дворе — лето 1980 года, вокруг — типичный советский пионерлагерь. Время стоит на месте, полный штиль. Жизнь изображена как пустое пространство, которое и дети, и воспитатели заполняют бесполезными ритуалами: строевыми песнями, сбором шишек, вымученной самодеятельностью в стиле «нарисуйте плакат на тему ядерной войны». Сплошной товарищеский суд, бессмысленный и беспощадный:

— Лагунов отбивается от коллектива, — наконец сообщила Ирина. — Нигде не может укрепиться. В кружок пения записался — сбежал. В кружок рисования записался — тоже сбежал, да еще и Нине Сергеевне нагрубил. Про нашу футбольную команду я уже молчу. Он туда давным-давно не ходит.

Отряд озадаченно зашумел, не зная, как расценить метания Валерки.

— Что скажешь в свое оправдание, Лагунов?

— Ничего не скажу! — огрызнулся Валерка.

Ему было неприятно, что его поставили перед всеми и развинчивают на детали. Серебристый свет хмурого дня казался хирургическим.

Раз интересной жизни нет, то ее надо выдумать, и все жители лагеря ищут убежище в мифах. Дети травят друг друга байки: про беременность от воды в мужском бассейне, про олимпиаду, на которой все зрители — переодетые военные, про Беглых Зеков, превратившихся в лесных чудовищ, про хитрую «красную пленку» в фотоаппаратах иностранцев (шелкнешь, проявишь, а там — все голые). Вожатые забываются у телевизора, а там — трансляция из сказочного мира:

Хроника Олимпиады закончилась, когда солнце почти скрылось за Жигулевскими горами. С Волги широкой волной плыл багряный свет заката. Расписные теремки пионерлагеря сияли всеми красками, словно обещания сказочных снов. Телезрители расходились взволнованные. Там, в телике, — напор, порыв, сражения Олимпиады, а здесь что? Чай с печеньем, пение комаров, гудок далекого теплохода. Глухая дремота, а не жизнь.

Картонное уныние лагерного быта прописано достоверно — даже слишком. Наблюдать за чередой вымученных событий, диалогами вязнущих в киселе застоя персонажей — все равно что смотреть, как сохнет краска; при этом автор тут же наносит следующий слой. Аннотация обещает нашествие вампиров — и их ждешь как спасителей. Вообще, многие произведения современной русской прозы неплохо оживило бы появление кроважидных существ — пусть хоть кто-то

отомстит за потраченное время. Такой ход в духе «Гордости и предубеждения и зомби» Сета Грэма-Смита — только задремал от рафинированных интриг, а тут тебя — цап за палец.

К сожалению, вампиры в «Пищевладе» появляются нескоро — только к двенадцатой главе — и не торопятся крошить население. По замыслу Иванова, они распространяют вирус нормальности, послушности. Укушенные пионеры и воспитатели становятся нарочито «правильными» и «хорошими», подчиняются духу коллективизма. Словом, теряют то, что автор выдает за основу человеческой личности — способность бунтовать, выделяться из толпы, быть «не такими, как все».

Неудивительно, что роль главных борцов с вампирами Алексей Иванов поручил «отверженным»: вожатому Игорю, который единственный отказывается мучить пионеров в воспитательных целях, и не по годам развитому подростку-изгою Валерке. Каждому из них автор выдал по возлюбленной, которой угрожают всякие напасти, — не могут же его подопечные спасать других из обычного сострадания. А соперживать в «Пищевладе», действительно, некому. Сами Игорь и Валерка — такие же картонные, как и прочие обитатели лагеря, хоть и сделаны из более благородных сортов бумаги. Всякий раз, когда персонажи пытаются вести себя как живые люди, появляется закадровый голос и нудно излагает их мотивацию:

— Это второй корпус, тут старшаки живут, — пояснял Сережа Домрачев. — Это Дружняк, Дружинный дом. Там кружки всякие, киношку показывают. Это столовка. Там вон — баня. Это — пятый корпус, где салабоны.

— И так все понятно, че говорить-то! — раздраженно проворчал Гельбич.

Он ревновал, что спрашивают Сережу, а не его.

<...>

Никто не заставляет это делать — но так принято. «Мы так живем», — сказал себе Игорь с каким-то нелогичным удовлетворением от непонятности общей жизни. Непонятность объединяла, превращала всех вокруг в своих.

Конечно, причина удовлетворения Игоря была не в ритуалах пионерии.

Причина была в ночном свидании с Вероникой.

<...>

Вероника унижительно скривилась.

— Мы все дети. Мы все живем в одном большом пионерлагере по общему расписанию.

Игорь уже понял, что у Вероники основной способ общения — вызов. Не важно, какой и кому.

Вот интересно: поведение обитателей пионерлагеря несвободно и предсказуемо, поскольку они находятся в 1980 году и тут прямо застой-застой или потому что они оказались в романе автора-диктатора? В пользу второго варианта говорит то, какими спрогнозированными выглядят якобы сумасбродные и несистемные поступки. Например, Вероника, в которую влюблен Игорь, надменно купается голышом в реке, не обращая на него внимания, — ведь она такая бунтарка! Но если для развития романтической линии требуется ее покорность — приходит на свидание и робко отвечает поцелуем, когда вожатый буквально приказывает это сделать.

Сам Игорь в зависимости от художественной задачи то избегает конфликтов, то волшебным образом побеждает в них, как, например, в драке против кучи нечеловечески ловких (в любой другой раз) вампиров. Врожденное благородство души не мешает ему манипулировать целой группой персонажей, чтобы в ключевой момент заманить предводителя вампиров — стратилата — в хитроумную ловушку. И они — вопреки прописанным ранее характеристикам — все как один делают именно то, что он требует.

Автор не стесняется выручать смелых воинов добра самыми разными средствами. Есть, например, персонаж, созданный исключительно для того, чтобы в нужный момент рассказать героям, как взаимодействуют вампиры и откуда взялся стратилат:

— Кто они, эти вампиры? — осторожно спросил Валерка.

— Ну, кто-кто... — помолчав, заговорила баба Нюра. — У-упыри, кто ж ишшо? Кро-овью пияют у деток по но-очам. У ко-ово пияют, тово по-оилкой зовут, ту-ушкой. У кажного из йих цельное ста-адо тушек.

О-они понемногу со-осут, штоб тушка не по-омерла. А де-этки-то, по-оилочки ихние, и не ве-эдают, что напоивают этих по-огандев своєю сла-адкою кровию.

Читателю Иванов тоже частенько помогает — ключевые идеи романа (например, превосходство древних мистических знаний над искусственным советским мифом) проговариваются прямым текстом:

— Почему же вчера ты на меня наступала? — мрачно спросил он.

— Ты дурак? — искренне удивилась Анастасийка. — Так положено! Ты что, обиделся? Маленький, что ли? Это же все как бы понарошку! Разные там пионерские собрания, флаги, звездочки, галстуки — они все понарошку!

«Ничего себе «понарошку»!» — чуть не рассердился Валерка.

— А гномики, чертики, «откровенники» — по-настоящему, да?

— Конечно, по-настоящему! — убежденно заявила Анастасийка.

А если вдруг непонятно — всегда можно написать еще раз:

— Песня — это слова, — упрямо сказал Валерка.

— Ты не разбираешься в искусстве! — небрежно ответила Анастасийка. — Слова — всякие глупости.

— Какие глупости? — удивился Валерка. Анастасийка посмотрела на него как на дурака.

— Так тут в лагере вообще одни глупости. Совсем слепой, что ли? Все эти флаги, линейки, речевки, «свечки» — это же все игрушечное.

А чтобы уж даже совсем недалекому человеку стало ясно, при чем тут кровососы и красное знамя, автор идет в лобовую атаку:

Но дело было не только в вампирах. Сами по себе они мало что значили. Дело было в том, что мир, такой привычный, понятный и родной, оказался ненастоящим. Не пионерлагерь, а пищеблок. Не мораль, а маскировка. Не символы государства, а магические обереги. Не история, а ложь. Настоящим являлось совсем иное!.. Его дружба с Валеркой. Его любовь к Веронике. Детство ла-

герных оболтусов, которые не знали, для чего они здесь нужны.

В итоге Игорь и Валерка побеждают стратилата благодаря самопожертвованию — при том что весь роман они абсолютно не самостоятельны. Даже способ им подсказала все та же баба Нюра. Насколько ценна жертва, которую принесли, когда не было выбора? С учетом тотального хеппи-энда ее значение стремится к нулю:

Он глубоко вдохнул свежесть волжского простора и подумал, что они с Валеркой справятся. Древнее зло не может одолеть человека, если человек не уступает ему свою волю. Им с Валеркой хватит упрямства и для другой битвы. Они победят. Победят — и проживут огромную и прекрасную жизнь. После восьмидесятого года придет и девятый, а после девяностого — двухтысячный. Они увидят, как сменяются тысячелетия, и все вокруг станет новым, совершенно новым.

Редкие положительные моменты в романе тоже отдают спекуляцией. Забавные мальчишеские ссоры, грубоватый детский фольклор, узнаваемые мемы пионерлагерей рассчитаны на рефлекс ностальгии — дескать, кто из нас не мазал друзей зубной пастой? Читателя постоянно держат — нет, не за дурака, а за ребенка, которого нужно наставить на путь истинный.

Неслучайно текст начинается со страшилки про статую девочки-пионерки: она оживает по ночам и рыщет в поисках тех, кто кидал камни в статую мальчика. Волжатый рассказывает это пионерам, чтоб не шастали после отбоя и не нарушали режим, на что его коллега отвечает: «Воспитывать страхом непедагогично». Роман «Пищеблок» — та же назидательная страшилка, в которой автор проповедует о лицемерии толпы и благородстве подвига.

Разумеется, каждая личность важна своей уникальностью, а советские ритуалы пытались ее унифицировать. Забавно другое: в обмен на откровение третьей свежести и от персонажей, и от читателя требуется покорно поменять один картонный миф на другой — то есть «Пищеблок» на самом деле воспитывает не героя, а безучастного наблюдателя.

Марина ЧЕРТОГОВА

НИКОЛАЙ ШЕМАРОВ. ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ

Шемаров Николай Михайлович (1927–2008) — заслуженный художник Российской Федерации (1998), почетный работник культуры Кузбасса (2007). В довоенные годы занимался у художника-педагога В. М. Петровского (1935–1941), во время войны — у Л. Л. Гипштейн (ленинградской художницы, эвакуированной в Кемерово). Учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухиной (1947–1949, не окончил), Пензенском художественном училище им. К. А. Савицкого (1953–1956). Участник выставок с 1946 г. Член Союза художников СССР (1968). В 1960-е — 1990-е гг. стажировался в Доме творчества «Академическая дача им. И. Е. Репина». Председатель правления Кемеровского областного отделения Союза художников СССР (1969–1971, 1973–1975).

Пейзажистов в Кузбассе подавляющее большинство, так было и есть. К этому жанру, самому распространенному в искусстве края, обращались и обращаются, так или иначе, художники всех поколений.

Особую роль в освоении пейзажа сыграли мастера старшего поколения, выступившие в послевоенные годы (вторая половина 1940-х — начало 1950-х). Заложив основы развития (темы, направления, стили), они представили жанр в широком контексте, содержательном и формальном. Каждый из них, следуя творческому «я», демонстрировал собственную интерпретацию — цельно, весомо, ярко.

Мастером лирического пейзажа стал Николай Михайлович Шемаров. Этому направлению он оставался верен на всем протяжении своего творческого пути, а это более полувека.

Истоки его призвания уходят в 1930-е гг. Тогда состоялась встреча с первым учителем — Виктором Михай-

ловичем Петровским: выпускник Вхутемаса, в ту пору едва ли не единственный в городе Кемерово дипломированный художник, он преподавал рисование в общеобразовательной школе, где учился Шемаров. Впоследствии Николай Михайлович вспоминал, что нередко приходил к учителю даже домой и с любопытством рассматривал написанные тем небольшие пейзажи. Так открывался мир искусства, неведомый до встречи с учителем. Отдавая ему должное, Николай Михайлович говорил: «Кто знает, как сложилась бы жизнь, не встретиться на пути Виктор Михайлович...»

Желание стать художником окрепло после войны. В 1947 г. Шемаров уехал в Ленинград — поступать в художественное училище им. В. А. Серова, а поступил в Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной — там предоставляли общежитие и платили стипендию. Окончить училище ему не удалось: через два года, по состоянию здоровья, вернулся домой. Однако годы, проведен-

Н. М. Шемаров. Ленинград, 1948

ные в Северной столице, не прошли бесследно: он посещал Русский музей, изучал шедевры отечественного искусства, навсегда полюбил великих художников — Валентина Серова, Константина Коровина и особенно Исаака Левитана.

Потом было Пензенское художественное училище, выбранное Шемаровым не случайно. Ведь именно там преподавал известный русский художник Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов. Но учиться у него не пришлось — к тому времени тот уже не работал (почтенный возраст), а другого такого мастера, увы, не оказалось. И все-таки, несмотря на глубокое разочарование, в училище состоялся творческий дебют Шемарова: в 1956 г. пейзажи его экспонировались на областной художественной выставке в Пензе. О них писала даже местная пресса: «Хочется особо выделить этюды Шемарова “На Салаирском руднике”, “Цинковый рудник” и другие. Автор их проявил несомненные живописные качества, настоящий художественный вкус»^{*}.

^{*} Ильинский М. Областная художественная выставка // Пензенская правда. — 1956. — 5 ноября.

По возвращении в Кемерово Шемарову вновь сопутствовала удача. В его жизни появился мудрый наставник — Николай Иванович Бачинин, талантливый живописец и пейзажист, тонкий лирик и яркая личность, чужак и бессребреник. Встреча с ним дорого стоит, а тем более — дружба, длившаяся почти полвека. На этюдах тот показывал мастер-класс, полностью открываясь молодому коллеге, бескорыстно делясь секретами творчества. Учил словом и делом, как оказалось — успешно.

Однако настоящей школой, по глубокому убеждению Николая Михайловича, стала «Академическая дача им. И. Е. Репина» (Дом творчества в Тверской области, недалеко от Вышнего Волочка). В советские годы туда съезжались художники со всех уголков страны, «преимущественно те из них, кто вслед за Аркадием Пластовым продолжал пленэрную традицию. Среди них есть громкие имена. Еще громче имена тех, кто был их предшественниками: Левитан, Нестеров, Репин, Рерих...»^{**}. Для провинциальных художников, особенно из отдаленных регионов, таких как Кузбасс — индустриальный край, не имевший глубоких традиций профессиональной культуры, эти намоленные места были поистине «землей обетованной».

«Я воспитан на “Академической даче”», — с гордостью повторял Николай Михайлович. То была сущая правда. Туда он приезжал ежегодно в течение четверти века, начиная с 1965 г., и считал то время самым счастливым. Ему довелось работать бок о бок с известными мастерами, подолгу общаться с ними, порой доверительно. Среди наиболее близких — Владимир Токарев, Вячеслав Загонек, Виктор Рейхет, Борис Угаров... Такое окружение трудно переоценить: оно стимулировало творческое развитие и питало

^{**} Николай Михайлович Шемаров: каталог юбилейной выставки, посвященной 70-летию художника / вступ. ст. П. Д. Муратова. — Кемерово: ФОП «Граф», 1997. — С. 7.

духовно, открывало новые перспективы и вселяло уверенность. В 1968-м, рассказывал художник, его этюды высоко оценил сам «дядя Жора» — Георгий Григорьевич Нисский, классик советского искусства, выдающийся пейзажист, новатор. Один из этюдов, особенно приглянувшийся, мэтр попросил подарить, и автор, польщенный его вниманием, незамедлительно согласился.

С именем Георгия Нисского связана и другая история — история пейзажа «Русская зима» (1970), написанного на «Академической даче». Там, на очередном просмотре, мастер заметил относительно шемаровских работ, что этюды прекрасны, но пора двигаться дальше — к картинам.

Совет наставника Шемаров воспринял как руководство к действию, хотя и испытывал робость, сомнения в собственных силах. «Когда решился, — весело вспоминал Николай Михайлович, — подбадривал себя, мысленно задавая вопросом “тварь ли я дрожащая?”». Потом подготовил холст больше обычного и на

пленэре, в один сеанс, написал картину-пейзаж. Сеанс продолжался несколько часов, непрерывно — мерзли руки, стыли краски, но стойкость окупилась удачей. С тех пор «Русская зима» обрела для автора особое значение: напоминала о смелом поступке, преодолении самого себя, а еще — о Георгии Нисском, давшем путевку в жизнь.

Пейзаж стал единственным жанром для художника-однолюба и получил в его творчестве широкое освоение: индустриальный Кузбасс, древняя архитектура русских городов, величественные панорамы Полярного Урала и Горного Алтая, даже исторический пейзаж.

Шемаров считал, что пейзажисты, призванные отражать окружающий мир, должны путешествовать неустанно. Поэтому и сам где только не был: Алтай и Горная Шория, Байкал и Полярный Урал, Карелия и Соловецкие острова, Крым, а также Новгород, Псков, Архангельск, Торжок, Изборск... Не доехал лишь до Северного Ледовитого океана, о чем сожалел как о заветной и не сбыв-

Н. М. Шемаров. Полярный Урал. Мужичи. 1966

шейся мечте. Помнится, это признание не только удивило, но и шокировало: кто бы мог подумать, что в душе смиренного лирика — героическая романтика!

Истинным призванием Николая Михайловича стали камерные пейзажи, тишайшие и лиричные, самые органичные ему, деликатному, обаятельному, склонному к уединению, погружению в себя. Бывало, он и сам признавался в этом: «Я человек минорный».

В пейзажах Шемарова преобладали природные мотивы, передающие переходные состояния, чаще осенне-зимние, полуденные или сумеречные. Об этом свидетельствуют названия работ: «Ранний снег» (1972), «В конце зимы» (1974), «Оттепель» (1975), «Зимние сумерки» (1976), «Прощальная пора» (1976), «Снег выпал. Пасека» (1978), «Листопад» (1978). Нередко встречались мотивы с деревянными избами, небольшими, приземистыми, словно выросшими в окружающий ландшафт. И всякий раз это уютные уголки, милые сердцу художника: тонкие деревья и речные излучины, темные воды и первый снег, широкие поля и проталины, убегающие тропинки и одинокие стожки... Особенно полюбились стожки, ставшие «личным» мотивом, по которому авторство узнавалось мгновенно.

Не трудно заметить, что шемаровские пейзажи по-русски скромны и душевны. Думается, такие места полюбились художнику на «Академической даче» и подобные им, движимый ностальгией, он искал на сибирской земле.

Влечение к русской культуре, прямотаки лелеемое Шемаровым, сказало и на поэтической интонации, неизменно лиричной, мягкой, проникновенной. Хотя пейзажи его безлюдны (безмолвны), они эмоциональны, пронизаны настроением легкой грусти, уединенного созерцания. В них всегда ощутимо присутствие автора, наделявшего образы собственным мирочувствованием.

Смотришь на пейзажи художника и безоговорочно веришь его признанию: «Я ищу душу природы». Думается, в этом секрет творческого успеха: пейзажи Николая Шемарова имели самый широкий зрительский отклик, охотно приобретались не только музеями* — частными лицами, «для себя». Их часто дарили, понимая, что именно они придутся по вкусу. Один из них — «Предзимье» (1988) — был преподнесен губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Пленэризм, выбранный творческим методом, всецело определил авторский стиль художника. Пейзажи, написанные с натуры и завершенные в мастерской, имели средний формат (до метра или чуть более) и часто не поддавались точной классификации: большой этюд или малая картина.

Особенностью являлась их композиция, незамысловатая на первый взгляд. Свободная и естественная, она возникала непосредственно от увиденного мотива и при этом отличалась своей завершенностью — была настолько продумана, лаконична, что, казалось, изменить ничего нельзя. Как правило, это череда пространственных планов (суши, воды, леса, небес), вытянутых повдоль и уходящих вглубь. Соотношения между ними (величинные, тональные, цветовые), неповторимые всякий раз, создавали вну-

* Произведения Н. М. Шемарова находятся в собраниях девятнадцати музеев страны, в том числе в Государственном музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск), Государственном художественном музее Алтайского края (Барнаул), Екатеринбургском музее изобразительных искусств, Кемеровском областном краеведческом музее, Кемеровском областном музее изобразительных искусств, Керченском государственном историко-культурном заповеднике, Красноярском краевом художественном музее им. В. И. Сурикова, Новокузнецком художественном музее, Новосибирском государственном художественном музее, Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Пензенской областной картинной галерее им. К. А. Савицкого, Томском областном художественном музее.

тренную структуру, открытую и одно- временно статичную, уравновешенную, согласную камерным образам.

Выдающейся особенностью шемаровских пейзажей стала их живописность. Они выразительны богатством колорита, сложного, подчеркнута сдержанного, основанного на приглушенных гармониях цвета, тонких градациях полутонов и мягких касаниях, стирающих грань переходов, очертания пластических форм. Автор отмечал: «Бог наградил меня способностью различать оттенки».

Выразительно также письмо, которое, плотно покрывая поверхность холста, образует красочную фактуру — пастозную, сочную, рельефную («шубу»). При этом техника исполнения старательна и добротна (не экспрессивна), мазок к мазку, уложенные ритмично, даже аккуратно, по месту и направлению.

Таков классический стиль Николая Шемарова, отличавшийся стабильностью, постоянством. Таким стиль оставался на протяжении трех десятилетий (1960-е — 1980-е), почти не меняясь. Развивался невширь, а вглубь, прибавляя в качестве, варьируясь в нюансах, оттачиваясь.

Предпочтения мастера, определившие характер его искусства, вполне очевидны: национальные традиции лирического пейзажа, прежде всего творчество Левитана и пленэрная живопись «Союза русских художников»*. Свято почитая эти традиции, он следовал им неотступно, с благоговением, как послушник. Совершенствуя мастерство усердно и неустанно, поверял себя высокими образцами, стараясь приблизиться к ним, и, надо сказать, преуспел немало.

В коллективе художников Кузбасса ему, мастеру лирического пейзажа, не

* «Союз русских художников» (1903—1932) — творческое объединение, характеризующееся демократической направленностью, интересом к русской природе и народной жизни, соединением реалистических традиций передвижников и опыта импрессионизма в передаче воздуха и света.

было равных — ни тогда, ни сейчас. Это кажется странным на первый взгляд, ведь лирический пейзаж — одно из самых распространенных направлений в изобразительном искусстве. Однако в провинции все иначе: тут художники малочисленны, даже пейзажисты, которых среди прочих других всегда большинство. Поэтому каждый из них, следуя своей линии творчества, является уникальным.

Глубокие сдвиги в творчестве Николая Шемарова произошли в конце 1990-х — 2000-е гг. Сначала менялась поэтика, в которой стали преобладать романтические интонации, и пейзажи, сохраняя былые мотивы, становились более эффектными, динамичными, звучными («Август. Вечер», 1999; «Зимний вечер», 2001). Потом возобладала другая тематика — Горный Алтай — и образы, интерпретированные по-иному, в духе традиции Николая Рериха, обрели некую ирреальность: высокие небеса и вершины причудливых гор, абсолютный покой и подобный свечению свет, торжественный ритм и холодная фосфоресцирующая цветопись («Белуха при закате», 2005; «Алтай. Черный ледник», 2005).

Как видно, приоритеты художника в корне переменялись — во всем, начиная с метода: не отражение видимого, но преобразование его согласно исходному замыслу (а не натурному мотиву). Ушли непосредственность и пленэризм — возобладала тенденция к декоративности: усилились контраст, интенсивность цвета, обобщенность пластических форм, тяготевших к силуэту (не к объему). Неизменной осталась лишь верность жанру.

Отклонение от привычного курса, весьма неожиданное для зрелого мастера, имело свои основания. Это случилось тогда, когда минуло семьдесят и, теряя силы, он уже не работал с природы — писал в мастерской, по воспоминаниям или давним этюдам, которых было не счесть. Писал не только по памяти — отвлеченно, под-

даваясь воображению, сгущая краски, утрируя формы.

К тому же тогда, под влиянием демократических перемен, отечественное искусство получило свободу развития, и многие художники, испытав небывалое воодушевление, отступали от классических норм, решались на смелые эксперименты, формальные поиски. Даже Шемаров, художник исключительной цельности и стойких убеждений. Помнится, он признавался: «В последнее время я стал хамить в живописи. Попробовал быть дерзким, несдержанным, крикливым...»

Казалось, у него позади долгий творческий путь и пора подводить итоги, а тут... только все начиналось. Однако новый опыт укорениться не успел. Его развитие, длившееся меньше десятилетия и протекавшее медленно, в сомнениях, оборвалось на стадии поиска: 25 февраля 2008 г. Николай Михайлович Шемаров умер.

* * *

Последние годы Николая Михайловича протекали в трудах и заботах, как обычно, несмотря на возраст. Каждое утро он ходил в мастерскую и работал весь день — готовился к предстоящей выставке, посвященной восьмидесятилетию. Готовился истово и основательно, как ни-

когда прежде, отчетливо понимая, что это выставка-прощание.

Персональными выставками, так повелось, художник отмечал свои юбилеи, начиная с 1977 г., когда исполнилось пятьдесят. Каждая из них отличалась широким форматом, включала много новых работ и всякий раз, по его настоянию, проходила в Кемеровском областном музее изобразительных искусств. Правда, были и другие выставки, более камерные, на малых площадках. Всего за плечами мастера — сорок персональных выставок!

Что тут скажешь, старая гвардия! Первое поколение художников Кузбасса, к которому Шемаров принадлежал, составляли участники Великой Отечественной войны. Война закалила характер, научила ценить жизнь, работать всерьез и на совесть, с полной самоотдачей. Довольствуясь малым, эти художники посвятили себя искусству и оставили богатое творческое наследие, их имена вошли в историю культуры нашего края и именно с ними связаны самые значительные ее страницы.

Тот юбилей по случаю восьмидесятилетия Николай Михайлович провел достойно. Подготовил и торжественно открыл большую персональную выставку, издал альбом-каталог и дарил его не скупясь, накрыл стол для родных и друзей, сказал всем и каждому доброе слово. Успел сделать все, что хотел успеть.

АВТОРЫ НОМЕРА

Алпатов Максим Вячеславович родился в 1987 г. в Куйбышеве. Литературный критик. Работы публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Знамя», «Кольцо А», «Литература» и др. Живет в Самаре.

Барбания Екатерина Юрьевна родилась в 1990 г. в Одессе. Окончила факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работала корреспондентом на радио «Град Петров». В настоящее время руководитель регионального пресс-центра фонда «Живая классика». Публиковалась в журналах «Этажи», «Невский альманах». Живет в Санкт-Петербурге.

Васильев Константин Борисович родился в 1952 г. Окончил Ленинградский государственный университет. Филолог-германист, автор ряда журнальных публикаций и учебных пособий. Готовил к печати для издательства «Азбука» серию «Русская словесность» и редактировал такие произведения, как «История кабаков в России» И. Г. Прыжова, «Тайная канцелярия» Г. В. Есипова, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Живет в Санкт-Петербурге.

Васильева Владислава Вячеславовна родилась в 1971 г. в Тульской области. Окончила Тульский педагогический институт и Нижегородскую правовую академию. Работала библиотекарем, судебным приставом-исполнителем, юрисконсультом государственных учреждений. Публиковалась в журнале «Приокские зори». Живет в г. Узловая Тульской области.

Комбу Сайлыкмаа Салчаковна родилась в 1960 г. в селе Бай-Тал Бай-Тайгинского района Тувинской автономной области. Окончила филологический факультет Кызылского педагогического института, аспирантуру ИМЛИ РАН. Кандидат филологических наук. Работает редактором. Автор десяти поэтических и переводных книг. Член Союза писателей России. Живет в Кызыле.

Косогов Владимир Николаевич родился в 1986 г. в г. Железногорске Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного университета. Работает в СМИ. Победитель Волошинского конкурса, конкурса им. Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай», лауреат премии «Лицей». Живет в Курске.

Красногоров Валентин Самуилович родился в 1934 г. в Ленинграде. Детские годы провел в Сибири, в пос. Юрга. Окончил Таллинский политехнический институт. Доктор технических наук. Драматург, прозаик, публицист, теоретик драмы. Автор более 50 пьес, поставленных в сотнях театров России и многих зарубежных стран. Живет в Санкт-Петербурге.

Кудлач Ярослав Юрьевич родился в 1973 г. в Петрозаводске. С 1992 г. живет в Германии, в Ганновере. Учился в Ганноверском университете. Дипломированный видеооператор и монтажер. Опубликовал более полутора десятков произведений в различных журналах, сборниках и антологиях. Участник международного литературного семинара «Партенит», лауреат нескольких литературных премий и конкурсов.

Подистова Лариса Николаевна родилась в 1967 г. в Алма-Ате. Окончила Новосибирский государственный университет, филолог. Много лет преподавала русский язык и литературу, а также иностранный язык в школе. Стихи и проза публиковались в журналах «Новосибирск», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Север» и др. Член Союза писателей России.

Пынзару Анжела родилась в Молдавии, училась на филологическом факультете Кишиневского государственного университета, в Литературном институте им. А. М. Горького. Пишет на румынском и русском языках. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Сибирские Афины» и др. Трижды финалист премии Фонда им. В. П. Астафьева. Автор двух книг стихов. Долгое время жила в Красноярске, сейчас живет в Молдавии и Израиле.

Сапрыкина Серафима Олеговна родилась в 1988 г. в Волгограде. Окончила философское отделение Кубанского государственного университета, магистратуру СПбГУ по специальности «религиозная философия». Публиковалась в журналах «Знамя», «Сибирские огни», «Кольцо А», «Наш современник» и др. Лауреат премии журнала «Зинзивер». Автор книги «Нестрашный суд». Член Союза писателей Москвы. Живет в Санкт-Петербурге.

Стародубцева Мария Александровна родилась в 1997 г. в Барнауле. Студентка юридического факультета Алтайского государственного университета. Публиковалась в журнале «Союз писателей» (Новокузнецк). Живет в с. Кытманово Алтайского края.

Чертогова Марина Юрьевна родилась в 1957 г. в Иваново. Училась в Кемеровском областном художественном училище, в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Искусствовед, заместитель директора по научной работе Кемеровского областного музея изобразительных искусств. Член Ассоциации искусствоведов и Союза художников России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный работник культуры Кузбасса. Живет в Кемерово.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 05.07.2019. Дата выхода № 8 за 2019 г. в свет 15.08.2019.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.